

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 23. № 1

2024

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 23. No. 1

2024

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2024

Том 23. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2024

Volume 23. No. 1

18+

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2024. Vol. 23. No. 1

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany);

PhD, Assoc. Prof. *Yan Kai* (Zhuhai, China)

Editors, Proofreaders: *M.V. Gayval, I.V. Smetanina*

Editors of English texts: *O.S. Volkova, D.A. Novak*

Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on Jan. 31, 2024.

Date of publication: Apr. 4, 2024. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 12.3. Published pages 13.2.

Number of copies 500 (1st printing 1–31 copies).

Order 11. «C» 2.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2024. Т. 23. № 1

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);
PhD (филология), доц. *Янь Кай* (г. Чжухай, Китай)

Редакторы, корректоры: *М.В. Гайваль,*
И.В. Сметанина

Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ябыкиной*

Подписано в печать 31.01.2024 г.

Дата выхода в свет: 04.04 2024 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 12,3.

Уч.-изд. л. 13,2. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–31 экз.).

Заказ 11. «С» 2.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Викторова Е.Ю.* Хеджинг-стратегия
в оценочном научном дискурсе:
междисциплинарное исследование 5
- Ваулина С.С., Булатая Е.В.* Ирония в романе
Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»:
функционально-семантический аспект 18
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Восточный текст
и подтекст русской паремологии 29
- Фуфаева И.В., Згировская О.Г.* Неологизмы –
названия профессий в русском языке:
системный и функциональный аспекты 42

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Белоногова Т.Ю.* Структура
и языковая репрезентация *sanctio*
в древнеанглийских и древнерусских грамотах 56
- Бессонова О.Л., Фатьянова И.В.* Динамика
американского политического дискурса
XX – начала XXI века [На англ. яз.] 69
- Шамне Н.Л., Титаренко С.А.* Социальная инклюзия
и социальная эксклюзия как инструмент
отражения общественных процессов
в лексикологических неформациях
молодежного английского сленга [На англ. яз.] 84

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Лаптева М.Л.* Лексические особенности
русской речи студентов
поликультурного региона 93
- Ватина А.Е.* Утилитарная оценка пользы
в бисубстантивных предложениях 104

ДИСКУССИИ

- Вардзелашвили Ж.А., Прокофьева Л.П.*
Новый взгляд на проблему заимствований:
языковая фрустрация vs
маркетинговые стратегии 117

CONTENTS

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Viktorova E.Yu.* Transdisciplinary Study
of Hedging Strategy
in Evaluative Academic Discourse 5
- Vaulina S.S., Bulataya E.V.* Irony
in F.M. Dostoevsky's Novel *The Brothers Karamazov*:
Functional-and-Semantic Aspect 18
- Mokienko V.M., Nikitina T.G.* Oriental Text
and the Subtext of Russian Paroemiology 29
- Fufaeva I.V., Zgirovskaya O.G.* Systematic
and Functional Aspects
of Neologisms Denoting Job Titles in Russian 42

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Belonogova T.Yu.* The Structure
and Linguistic Representation of *Sanctio*
in Old English and Old Russian Charters 56
- Bessonova O.L., Fatianova I.V.* Dynamics
of American Political Discourse
of the 20th – Early 21st Centuries 69
- Shamne N.L., Titarenko S.A.* Social Inclusion
and Social Exclusion as a Tool
for Reflecting Social Processes
in the Lexical Neoformations
of Youth English Slang 84

MATERIALS AND REPORTS

- Lapteva M.L.* Lexical Features
of Students' Russian Speech
in Multicultural Region 93
- Vatina A.Ye.* Utilitarian Evaluation of Benefit
in Bisubstantive Sentences 104

DISCUSSIONS

- Vardzelashvili J.A., Prokofyeva L.P.*
A New Perspective on the Problem of Borrowing:
Linguistic Frustration vs
Marketing Strategies 117

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.1>

UDC 811.161.1:81'42
LBC 81.411.2-55

Submitted: 10.02.2023
Accepted: 01.11.2023

TRANSDISCIPLINARY STUDY OF HEDGING STRATEGY IN EVALUATIVE ACADEMIC DISCOURSE

Elena Yu. Viktorova

Saratov State University, Saratov, Russia

Abstract. The article presents the research into hedges and hedging strategy realization in evaluative academic genres viewed from a transdisciplinary perspective. To this end, 64 dissertation reviews written by Russian male and female scholars in humanities (linguistics, literature studies, history) and sciences (physics, chemistry, medicine) were analyzed. Hedging is understood as a system of linguistic means, which perform a mitigating function associated with expressing vagueness, uncertainty, skepticism and doubt. Perlocutionary effects of hedging are connected with reducing the illocutionary strength of the writer's claims or risks of opposition, face saving, positive and negative politeness. The following classification of hedges is proposed: self-mentions, mitigation hedges, hedged performatives, evaluations of propositions and vagueness hedges. The results of the comparative quantitative and qualitative analyses reveal that hedging strategy is determined by a number of discursive and personal factors such as sphere of communication, speech genre, gender and professional experience of the writer. In dissertation reviews hedges show high frequency of occurrence, which can be explained by the public nature of reviews, their potential traumatic effect on the reader, the existing requirements for scientific data presentation in a tentative and indeterminate way, as well as high academic competence of reviewers. The research proves that in humanities hedges demonstrate a higher frequency rate than in sciences. At the same time, male reviewers reveal higher hedging frequency than female reviewers.

Key words: mitigation, hedging, hedge, discourse marker, speech genre, academic discourse, dissertation review, Russian language.

Citation. Viktorova E. Yu. Transdisciplinary Study of Hedging Strategy in Evaluative Academic Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 1, pp. 5-17. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.1>

УДК 811.161.1:81'42
ББК 81.411.2-55

Дата поступления статьи: 10.02.2023
Дата принятия статьи: 01.11.2023

ХЕДЖИНГ-СТРАТЕГИЯ В ОЦЕНОЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Елена Юрьевна Викторова

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей реализации хеджинг-стратегии в жанре официального отзыва о диссертации. Материалом для исследования послужили русскоязычные отзывы о дис-

сертациях по гуманитарным (лингвистика, литературоведение, история) и естественно-научным дисциплинам (физика, химия, медицина), написанные учеными-мужчинами и учеными-женщинами. Хеджинг понимается как система лингвистических средств, направленных на выражение отношения к содержанию высказывания. Хеджинг ассоциируется с некатегоричностью, неуверенностью, неопределенностью речи и нацелен на смягчение иллокутивной силы высказывания, повышение уровня вежливости, сохранение лица и избегание рисков. Выделены следующие типы хеджей: сигналы самоупоминания, сигналы некатегоричности, оценки содержания и оценки речи, перформативы, сигналы, выражающие дополнительные смыслы. Посредством количественного и качественного анализа материала доказано влияние дискурсивных (сфера коммуникации, речевой жанр) и личностных (гендер и профессионально-социальный статус автора) факторов на частотность хеджей. В жанре официального отзыва о диссертации в связи с его публичностью, потенциальной травматичностью для адресата, наличием нормативных требований к представлению научной информации в некатегоричном ключе, а также с тем, что авторами отзывов выступают профессиональные эксперты, хеджи отличаются высокой частотностью. Установлено, что в отзывах о диссертациях по гуманитарным наукам хеджи более частотны, чем в отзывах о диссертациях по естественным наукам, при этом хеджи более частотны в отзывах мужчин, нежели в отзывах женщин.

Ключевые слова: некатегоричность, хеджинг, хедж, дискурсив, речевой жанр, научный дискурс, отзыв о диссертации, русский язык.

Цитирование. Викторова Е. Ю. Хеджинг-стратегия в оценочном научном дискурсе: междисциплинарное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 5–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.1>

Введение

Оценочный научный дискурс не часто становится предметом исследования в современной лингвистике. Тем не менее в последние годы появляются работы, посвященные отдельным аспектам таких научных жанров, как официальный отзыв о диссертации, отзыв об автореферате, научная рецензия на монографию или статью, анонимная научная рецензия [Никитина, Малышкин, 2015; Баканова, 2019; Ларина, 2019; Петренко, 2020]. Данным перечнем, по существу, письменные оценочные научные жанры и ограничиваются. Все эти жанры являются гибридными в том смысле, что сочетают свойства научных произведений и официальных документов. Особенно велика доля разного рода формальных элементов в официальных отзывах о диссертации и автореферате, что обусловлено особыми требованиями к защите диссертаций в РФ. С одной стороны, эти отзывы составляются в строгом соответствии с требованиями (в них обязательно оцениваются актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационной работы, соответствие специальности, достоверность выводов, качество оформления и делается вывод о возможности присуждения автору диссертации искомой степени с обязательным упоминанием «Положе-

ния о присуждении ученых степеней»), а с другой стороны, отзывы представляют собой творческие произведения, в которых находят отражение профессиональные и личностные характеристики их авторов. Кроме того, отзывы, как и тексты других научных жанров, пишутся в соответствии с принятым в научной среде риторико-стилистическим каноном, который обычно называют научной этикой. Таким образом, для написания отзыва оппонент должен обладать, помимо узкопрофессиональных, еще и общенаучными профессиональными компетенциями, включающими владение научной этикой и знание требований к содержанию и оформлению отзыва.

Создание текста любого жанра обязательно сопряжено с проблемой его восприятия адресатом. Результат восприятия во многом зависит от такого свойства текста, как понятность. Ученые Пермской лингвистической школы изучают понятность научного текста как параметр модели «Качество эталонного научного текста». По М.П. Котуровой, понимать содержание научного текста – значит «видеть его в целостности, а также в окружающем его научном знании» [Котурова, 2022, с. 8]. Такая целостность, как представляется, должна отражать не только фактуально-содержательную сторону научной коммуникации, но и субъективно-личностную, то есть то, в каком эмоциональном ключе вос-

принимает научное высказывание адресат. Игнорирование законов эмоционального восприятия речи может привести ко всевозможным профессиональным и социальным рискам: непониманию, искаженному или неполному пониманию научного текста, нарушению гармоничного межличностного взаимодействия и конфликтам.

Очевидно, что научное знание имеет субъективированный, антропоцентрический характер, поэтому человеческий фактор является значимым как при создании научного текста, так и при его восприятии. В речи функционирует система дискурсивов – вспомогательных коммуникативных единиц, помогающих адресату адекватно, то есть полно, точно и правильно, воспринимать и понимать речь говорящего или пишущего. Дискурсивы призваны сделать текст более понятным и доступным. Они функционируют на текстовом (организационном) уровне для обеспечения текстовой целостности, логичности, связности и на уровне межличностного взаимодействия коммуникантов, создавая необходимые условия для восприятия речи: в нашей терминологии это дискурсивы-организаторы и дискурсивы-регулятивы [Викторова, 2014].

В данной статье характеризуется одна из разновидностей дискурсивов-регулятивов – хеджи, которые используются в рамках стратегии некатегоричности речи (или хеджинг-стратегии) – базовой категории научного дискурса, без которой его существование невозможно в силу хотя бы того, что наука – это постоянно развивающаяся открытая система, где любое достижение может быть в следующий момент времени, на новом витке научного развития, на новом материале или в новых экспериментальных условиях дополнено, изменено или даже опровергнуто. Для научной деятельности и научной среды не характерны запелляционные суждения, однозначные оценки, категоричные утверждения или замечания, безусловные подходы и окончательные выводы. Научная коммуникация конвенционально приветствует научную дискуссию, альтернативные мнения, высказываемые с уважением к оппоненту и научному сообществу, дисклеймеры по поводу возможности иных подходов, иных решений или необходимости для более убедительных выводов продолжения начатого

исследования, аргументированные точки зрения с опорой на экспериментальные данные или другие исследования и т. д.

Материал и методы

Материалом данной статьи послужили тексты 64 официальных отзывов о диссертациях по гуманитарным (лингвистика, литературоведение, история) и естественно-научным дисциплинам (физика, химия, медицина). Отзывы написаны в 2016–2021 гг., общий объем исследованного текста составляет около 90 000 словоупотреблений. Источники материала – страницы диссертационных советов сайтов Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (<https://www.sgu.ru/research/dissertation-council>) и Саратовского медицинского университета им. В.И. Разумовского (<http://www.sgmu.ru/sci/dissov>). В связи с тем, что предметом изучения является лично ориентированная сторона коммуникации, при отборе материала учитывался гендер автора отзыва: «мужские» и «женские» отзывы рассматривались по отдельности примерно в равном объеме по каждой научной дисциплине. Цель исследования – определить частотность коммуникативных единиц, реализующих категорию смягчения в исследуемом жанре в целом, а также выявить специфику функционирования типов этих единиц и их частотность в зависимости от научной дисциплины и гендера автора отзыва. Для достижения данной цели использовались методы контекстного наблюдения, дискурсивного анализа и количественный метод обработки данных.

Результаты и обсуждение

Некатегоричность научной коммуникации обусловлена ее коллегиальностью, публичностью, открытостью и необходима для обеспечения нормальных условий осуществления научной деятельности. Естественно, что для жанров оценочной коммуникации, в том числе и в научной сфере, некатегоричность необходима особенно, поскольку отзывы и рецензии – это потенциально травматичные жанры, неэкологичные по своей природе [Ларина, 2019]. (Заметим, что, например, анонимные

(слепые) рецензии на научные статьи или книги часто отличаются жесткой категоричностью.)

Некатегоричность речи как особая коммуникативная категория начала изучаться в зарубежной лингвистике, а потом и в отечественной в рамках речевой стратегии хеджинга (от англ. *hedge* – заграждение, барьер, страховка). Соответственно, в речи эта стратегия реализуется посредством использования хедж-маркеров, или хеджей [Prince, Frader, Bosk, 1982; Hübler, 1983; Hyland, 1996; 2005; 2010; Hedging and Discourse..., 1997; New Approaches to Hedging, 2010; Carter, McCarthy, 2006; Martin-Martin, 2008; Fraser, 2010; и др.]. В большинстве исследований хеджи рассматриваются как особые подвиды дискурсивных маркеров [Hyland, 2005; Carter, McCarthy, 2006], или дискурсивов, выражающих отношение автора к излагаемому (в английской терминологии – *stance markers* [Hyland, 2005]). Однако в подавляющем большинстве указанных здесь и других работ, посвященных этим единицам, в том числе написанных российскими лингвистами, исследуются хеджи английского языка [Миколайчик, 2020; Михалева, Пушилина, 2022; Kochetova, Plynova, 2020; Kochetova, Kononova, 2022; Vlasyan, 2018]. Исследований на материале русских хеджей на данный момент очень мало (см., например: [Namsaraev, 1997; Пастухова, 2018; Boginskaya, 2022]), хотя категория категоричности / некатегоричности, безусловно, в русистике исследовалась неоднократно [Кормилицына, 2007; Мальшкин, 2013; и др.]. Публикаций, посвященных русским хеджам в оценочных научных жанрах, ставших объектом данного исследования, нам пока не встречалось.

Понятие хеджинга возникло в американской лингвистике в начале 70-х гг. XX в., его ввел Дж. Лакофф, который исследовал английские слова *rather* (довольно, скорее), *largely* (главным образом), *in a manner of speaking* (в некотором роде) с точки зрения их возможности модифицировать степень истинности суждений, разграничивая при этом слова, повышающие эту степень (интенсификаторы), и слова, ее понижающие (деинтенсификаторы) [Lakoff, 1972]. Впоследствии большинство лингвистов сузили понятие хеджинга только до языковых средств, способствующих деинтенсификации суждения.

Было выделено несколько разновидностей хеджинга. Дж. Лакофф ввел понятие пропозиционального хеджинга (*propositional hedging*), ориентированного на содержание и заключающегося в модификации степени истинности пропозиции: *strictly speaking* (строго говоря), *so called* (так называемый), *a sort / kind of* (что-то вроде) [Lakoff, 1972]. Второй разновидностью хеджинга, который выделяли, например, Е. Принс и соавторы [Prince, Frader, Bosk, 1982], П. Браун и С. Левинсон [Brown, Levinson, 1987], является речеактовый хеджинг (*speech act hedging*). В его основе лежит отношение между пропозициональным содержанием и говорящим, и служит он целям снижения иллокутивной силы речевого акта: *If you wouldn't mind, help me up*. Б. Фрейзер в качестве отдельной разновидности хеджинга рассматривает хеджированные перформативы, в которых модальные глаголы в сочетании с перформативными глаголами смягчают иллокутивную силу речевого акта, обозначенного перформативным глаголом. Модальные глаголы в таких выражениях квалифицируются как хеджи: *I should apologize for running over your cat*. Данное высказывание не перестает быть извинением, но становится менее сильным по сравнению с высказыванием без *should* [Fraser, 2010].

Помимо этих разновидностей можно выделить еще и многочисленные другие (Б. Фрейзер перечисляет порядка 25 типов). К ним относятся, например, аппроксиматоры – единицы со значением приблизительности: *about* (примерно), *approximately* (приблизительно); щиты достоверности – единицы со значением неуверенности и сомнения: *I think* (я думаю), *as far as I can tell* (насколько мне известно); щиты атрибуции – ссылки на источник информации: *according to X* (согласно X), *to the estimates of X* (по оценкам X) [Prince, Frader, Bosk, 1982; Hübler, 1983; Fraser, 2010].

К. Хайланд предлагает выделять хеджи, ориентированные на содержание высказывания (*content-oriented*), и хеджи, ориентированные на читателя (*reader-oriented*). При этом хеджи первого типа исследователь подразделяет на хеджи, понижающие точность и определенность высказывания (*accuracy oriented*), и хеджи, связанные с самопрезентацией ав-

тора и его отношения (writer-oriented). Хеджи, ориентированные на читателя (reader-oriented), демонстрируют солидарность с адресатом, вовлекают его в диалог [Hyland, 1996]. П. Мартин-Мартин классифицирует хеджи на основе трех стратегий в рамках митигации: неопределенности, субъективизации и деперсонализации. Стратегия неопределенности связана с уменьшением семантической точности, эксплицитности, с выражением неуверенности, размытости, нечеткости, уклончивости, приблизительности. Данную стратегию реализуют слова разных частей речи со значением эпистемической модальности¹ (возможно, наверное, кажется, можно, может), аппроксиматоры (примерно, около, почти), слова со значением обобщения, степени, квантификаторы (в общем, в целом, относительно, достаточно, главным образом, немного, вполне, довольно). Стратегия субъективизации реализуется посредством использования авторизирующих я- и мы-конструкций с глаголами речи и мышления (думать, считать, полагать, сказать, отметить): я считаю, мы полагаем, как мы понимаем, мы можем видеть, я бы рекомендовал. Данная стратегия используется для самопрезентации автора – демонстрации своего мнения, сомнения, отношения, а также для апелляции к адресату с целью вовлечь его в дискуссию. Стратегия деперсонализации призвана уменьшить авторское присутствие в тексте в целях самозащиты от возможной критики и потери лица. Деперсонализация позволяет снизить степень ответственности автора за свои утверждения и осуществляется с помощью пассивных, безличных, безагентных конструкций (представляется, что ...; думается, что ...; можно сказать; следует отметить; надо признать) [Martín-Martín, 2008]. Эти стратегии, как показал наш анализ, могут выражаться синкретично, одновременно реализуясь в одном хедже.

В данной работе с опорой на теории главным образом англоязычных лингвистов хеджинг понимается как система лингвистических средств, связанных с выражением отношения к пропозициональному содержанию речи, ассоциируемых с выражением некатегоричности, неопределенности, неуверенности, сомнения и ориентированных на авторское са-

мывыражение, а также на взаимодействие автора и адресата. Среди перлокутивных эффектов хеджинга выделим смягчение иллюкутивной силы высказывания, снижение ответственности по отношению к сказанному / написанному, соблюдение этикетных норм, сохранение лица коммуникантов, избегание конфликтов и других коммуникативных или профессиональных рисков.

Хеджи являются транскатегориальным классом вспомогательных коммуникативных единиц, в который входят слова различных частей речи, а также единицы других языковых уровней – словосочетания, устойчивые выражения и предикативные единицы. Способы реализации хеджинга бывают лексическими и грамматическими. К лексическим хеджам относим слова различных частей речи: наречия, глаголы, существительные, местоимения, предикативы, вводные слова, дискурсивы. На грамматическом уровне хеджинг представлен пассивными, безличными, односоставными конструкциями, сослагательным наклонением, вопросительными структурами. В данном исследовании учитывались преимущественно лексические хеджи.

Основываясь на выше охарактеризованных подходах и собственных исследованиях, мы предлагаем классификацию хеджей, критериями которой выступают выполняемые ими функции и которая включает типы хеджей, функционирующих в научном дискурсе; соответственно, для других типов дискурса она может быть модифицирована. Итак, мы выделяем следующие типы хеджей: авторизирующие конструкции самоупоминания, выражающие мнения или какие-либо действия автора (мы полагаем, допустим, на мой взгляд), перформативы – логические или вербальные действия автора в рамках научного изложения (можно выделить, хочется поразмышлять, представляется, отметим), сигналы снижения категоричности (возможно, вероятно, кажется, вряд ли), хеджи, выражающие оценку или отношение к содержанию (к сожалению, лучше было бы, неясно, непонятно, довольно странно), хеджи, содержащие оценку своей речи, – рефлексивы (так сказать, так называемый, говоря другими словами, условно говоря, в определенном смысле), хеджи, выражающие дополни-

тельные смыслы, в основном связанные с неопределенностью (*довольно, достаточно, вполне, несколько, немного, около, примерно, практически*).

Приведем результаты количественного анализа, в задачи которого входило определение частотности хеджей и их типов в отзывах о диссертациях по разным научным дисциплинам. Показатель частотности представляет собой среднее количество хеджей, зарегистрированных на отрезке текста объемом 1000 словоупотреблений. Отзывы о диссертациях по медицине из сравнительного количественного анализа были исключены ввиду их значительного стилового отличия от других отзывов: в них практически не представлено личностное авторское начало, они написаны в максимально сжатой, стандартизированной форме, практически отсутствуют как авторские рассуждения, так и замечания или вопросы. Тем не менее количественный анализ этих отзывов был также проведен, в результате было выявлено, что хеджи в отзывах медиков используются в среднем в шесть раз реже, чем в отзывах физиков и химиков.

Анализ отзывов лингвистов, литературоведов, историков, физиков и химиков показал, что на 1000 словоупотреблений в среднем встречается 9,8 хеджей, при этом в отзывах гуманитариев хеджи используются чаще, чем в отзывах представителей естественных наук. Общая частотность хеджей для гуманитарных наук – 10,2, для естественных наук – 9,1. Эти показатели весьма близки, что позволяет говорить о некоторой универсальной частотности хеджей в речи представителей разных наук в исследованном научном жанре. При сравни-

тельном исследовании частотности хеджей в англоязычных научных статьях К. Хайланд пришел к тому же выводу в отношении функционирования хеджей в гуманитарных и естественно-научных статьях: в гуманитарных хеджи используются чаще, но различия тоже незначительны [Hyland, 1996]. Среди отдельных наук показатели частотности тоже довольно близки: литературоведение – 12,5, лингвистика – 9,5, химия – 9,4, история – 9,3, физика – 8,9. Таким образом, наиболее высокая частотность хеджей зарегистрирована у литературоведов, наименее высокая – у физиков (табл. 1).

Как показывают данные, приведенные в таблице 1, при использовании хеджей проявляется гендерная специфика. В целом мужчины в 1,2 раза более склонны к использованию хеджей, чем женщины (ср. частотность: 10,8 и 8,8 соответственно). Если посмотреть на гендерные различия по наукам, то можно увидеть, что авторы-мужчины демонстрируют более высокую частотность хеджей во всех науках, кроме физики. Наибольшая гендерная разница зафиксирована между показателями частотности в отзывах историков, где мужчины смягчают свои высказывания в полтора раза чаще, чем женщины (11,2 и 7,2), и в отзывах химиков, где частотность мужских хеджей выше женских более чем в два раза (12,6 и 6). В отзывах филологов гендерные различия внутри наук не столь значимы: литературоведение – 13,2 у мужчин и 11,7 у женщин, лингвистика – 10,5 и 9 соответственно. В отзывах физиков гендерная ситуация противоположная: здесь хеджи чаще встречаются в отзывах женщин, хотя различия между гендерами не очень велики – 9,5 у женщин и

Таблица 1. Частотность хеджей в отзывах о диссертациях по разным дисциплинам (на 1000 словоупотреблений)

Table 1. Hedge frequency in dissertation reviews in humanities and sciences (per 1000 words)

Научные дисциплины	Общая частотность	Частотность у мужчин	Частотность у женщин
Лингвистика	9,5	10,5	9,0
Литературоведение	12,5	13,2	11,7
История	9,3	11,2	7,2
Гуманитарные науки в целом	10,2	11,5	9,1
Физика	8,9	8,5	9,5
Химия	9,4	12,6	6,0
Естественные науки в целом	9,1	9,8	8,2
Все науки в целом	9,8	10,8	8,8

8,5 у мужчин. По результатам исследования можно заключить, что наиболее склонными к смягчению речи среди мужчин оказались литературоведы (13,2) и химики (12,6), а среди женщин – литературоведы (11,7) и физики (9,5). Реже других прибегают к хеджам женщины-химики (6) и женщины-историки (7,2).

Помимо данных об общей частоте использования хеджей в отзывах была проанализирована частотность всех типов хеджей. Выяснилось, что самыми частотными типами хеджей во всех исследованных отзывах оказались сигналы снижения категоричности и авторизирующие конструкции. Большая часть всех сигналов снижения категоричности типа представлена глаголом *мочь* и модальным предикативом *можно*: например, в отзывах литературоведов эти два хеджа составляют 40 % от всех сигналов снижения категоричности, а в отзывах физиков – 57 %. Помимо *мочь* и *можно* в функции снижения категоричности зарегистрированы и другие дискурсивы, выражающие различные значения, входящие в круг понятия некатегоричности: сомнение (*вряд ли, сомнительно*), предположение (*кажется, видимо, по всей видимости, казалось бы*), возможность и вероятность (*насколько это возможно, может быть, возможно, наверно, вероятно*), неопределенность и неточность (*так или иначе, как бы, тот или иной, своего рода, будто*), допущение (*пожалуй, правда*), приблизительность (*около, практически, почти*):

(1) Оценивая диссертационную работу... в целом, **можно** сделать вывод, что она отвечает всем требованиям пунктов 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней»...; Работа **может** иметь прикладное значение для выяснения механизма патологической активности при абсансной эпилепсии и предложения подходящих средств лечения (из отзывов по физике);

(2) ...Непонятно, как определяет автор очень важные для нее понятия *воля* и *государственное управление*: как категории... ценности, единицы или компоненты... На с. 49 они названы концептами, но **вряд ли** в них **можно** выделить, например, образный, понятийный и ценностный слои... (из отзыва по лингвистике);

(3) Что-то из них [из замечаний] **можно** учесть уже в ходе публичной защиты, сделав необходимые уточнения и пояснения, а что-то – в дальнейшей исследовательской деятельности молодого автора; Считаю, **правда**, что, если идти глубже, то

эта идея родилась все-таки не в российских условиях, а была заложена еще в античных истоках... (из отзыва по истории);

(4) Истинное время не отделено полностью от нашего кажущегося времени, а **как бы** входит в него. Это опыт вневременного бытия во времени (из отзыва по литературоведению);

(5) Замечания, которые **можно** сделать по данной диссертационной работе, не носят принципиального характера и не снижают общего хорошего впечатления о ней (из отзыва по химии).

Примеры (2), (3) и (5) примечательны тем, что демонстрируют, как именно с помощью хеджей авторы отзывов смягчают свою отрицательную оценку: хеджи довольно частотны в тех разделах / частях отзывов, где перечисляются замечания и вопросы. Подчеркнем, что именно такое некатегоричное оформление замечаний является нормой для научной речи.

Наряду с лексическими средствами выражения некатегоричности, для снижения отрицательного посыла замечаний или для оформления пожеланий оппоненты прибегают, например, к сослагательному наклонению (грамматическому средству):

(6) Во Введении недостает изложения краткого содержания диссертации по главам, что значительно **облегчило бы** ориентацию в структуре диссертации (из отзыва по физике);

(7) **Было бы полезно** привлечь не только монографии современных зарубежных авторов об общих проблемах истории России, но и их специальные работы по теме образования и воспитания детей высшего сословия... (из отзыва по истории).

Гендерные и междисциплинарные различия в употреблении сигналов снижения категоричности проявляются в том, что мужчины в среднем используют этот тип хеджей несколько чаще, чем женщины (5,8 и 4,5) (см. табл. 2). В отзывах о диссертациях по естественно-научным дисциплинам эти сигналы встречаются немного реже, чем в отзывах гуманитариев: 4,8 и 5,2. Самая высокая частотность этих единиц зафиксирована у литературоведов-мужчин (7,4), самая низкая – у историков-женщин (3,1). Наибольшие гендерные различия в использовании сигналов некатегоричности наблюдаются в отзывах историков и химиков, где мужчины используют их почти в два раза чаще женщин, тогда как в

Таблица 2. Частотность сигналов снижения категоричности (на 1000 словоупотреблений)

Table 2. Frequency of mitigation markers (per 1000 words)

Научные дисциплины	Общая частотность	Частотность у мужчин	Частотность у женщин
Лингвистика	5,1	5,3	5,0
Литературоведение	6,5	7,4	5,5
История	4,5	5,7	3,1
Гуманитарные науки в целом	5,2	6,1	4,6
Физика	4,9	5,2	4,6
Химия	4,7	5,8	3,4
Естественные науки в целом	4,8	5,4	4,2
Все науки в целом	5,1	5,8	4,5

отзывах лингвистов эти различия минимальные (5,3 и 5,0) (см. табл. 2).

Авторизующие сигналы самоупоминания являются вторыми по частотности типами хеджей в нашем материале. Сигналы самоупоминания содержат местоимение 1-го лица (личное или притяжательное): с эксплицитным местоимением (*мы полагаем, мы бы добавили, как мы понимаем*), с опущенным местоимением (*считаем, полагаю, констатируем, остановимся на ..., укажем на ценность, как видим, подозреваю*), с местоимением в косвенном падеже (*нам видится, мне кажется*), с притяжательным местоимением (*на мой / наш взгляд, с нашей точки зрения, по нашему мнению*). В большинстве этих хеджей синкретично реализуются две противоположные на первый взгляд стратегии: субъективизации и деперсонализации. Стратегия субъективизации помогает авторам представить свои суждения именно как личные мнения, а не как непреложные истины, а благодаря стратегии деперсонализации личность автора отодвигается на задний план, снижаются уровень ответственности и возможные риски. Самыми частотными из перечисленных здесь способов самоупоминания являются *мы*-конструкции с опущенным местоимением: с одной стороны, они являются определено-личными (лицо выражено формой глагола), а с другой стороны, без местоимения они гораздо менее персональны, чем конструкции с выраженным *я / мы*.

Мы-конструкции в отзывах в целом значительно преобладают над *я*-конструкциями: первых в три раза больше; при этом зафиксированы значительные различия между отзывами в зависимости от отрасли науки и гендера автора. *Я*-конструкции (*я бы рекомен-*

довал; полагаю; считаю; на мой взгляд) более частотны в отзывах химиков и физиков (особенно у женщин): на 27 случаев использования *я*-конструкций пришлось лишь 2 случая использования *мы*-конструкций. Правда, почти все эти высказывания не содержат местоимения: оно встретилось лишь однажды в хедже *я бы рекомендовал* (сослагательные формы без местоимений невозможны). Среди лингвистов больше «якают» женщины (опуская *я* при этом), среди историков – мужчины. Отметим также, что подавляющее число *мы*-конструкций являются эксклюзивными, то есть не включающими адресата. Причины использования в отзывах *мы*, а не *я* вряд ли связаны со скромностью авторов. Вероятнее всего, к *мы* прибегают, чтобы отдать должное русской научной традиции и/или представить себя частью научного сообщества. Нельзя исключать и желания оппонента более авторитетно представить свое мнение: *мы* звучит более весомо и надежно (подробнее о самоупоминаниях в отзывах см.: [Викторова, 2022]). Приведем примеры:

(8) **Поддерживаем** представление соискателя о складывании у Екатерины II последовательной позиции в отношении воспитания внуков, но не **считаем** корректной постановку в диссертации задачи по поиску единой образовательной и воспитательной парадигмы... (из отзыва по истории);

(9) Но самое важное наблюдение, **на наш взгляд**, это «уничтожение», преодоление физического пространства духовным, в котором исчезает разделенность, разорванность, отдаленность; **Согласимся**, что такой мир далек от благостного всеединства (из отзыва по литературе);

(10) **Считаю** достоинством диссертационной работы изучение регионаправленности реакций при наличии в структуре субстратов близко экви-

валентных реакционных центров; **На мой взгляд**, наибольшего внимания заслуживают, во-первых, разработанный ею способ создания фотоактивных полиэлектролитных микроконтейнеров на основе эмульсии Пикеринга... (из отзыва по химии).

В целом сигналы самоупоминания в отзывах встречаются более чем в три раза реже по сравнению с сигналами снижения категоричности. Количественные данные о сигналах самоупоминания представлены в таблице 3. Самыми частотными авторизирующими конструкциями оказались у литературоведов-мужчин (3,0), а самыми редкими – у физиков-мужчин (0,4). В отзывах о диссертациях по естественно-научным дисциплинам самоупоминаний авторов в 2,7 раза меньше, чем в отзывах о диссертациях по гуманитарным наукам (0,7 и 1,9 соответственно). Гендерная специфика этих конструкций отличается от гендерной ситуации в использовании других типов хеджей: у лингвистов и литературоведов лидерами по использованию самоупоминаний являются мужчины, в остальных науках – женщины, причем в отзывах по истории, физике и химии различия между «женскими» и «мужскими» показателями весьма существенные (в среднем более чем в два раза).

Заключение

Использование хеджей обусловлено дискурсивными и личностными факторами: частотность хеджей зависит от сферы коммуникации, речевого жанра, гендера и социально-профессионального статуса автора. В официальных отзывах о диссертациях хеджи используются весьма часто, что детерминировано принадлежностью данного жанра сфере научной коммуникации, его публичным характером

и потенциальной травматичностью для адресата. Важно также учитывать, что авторы отзывов – это высокопрофессиональные эксперты, в полной мере владеющие нормами научной коммуникации, включающими правила использования хеджей.

Исследование показало, что в отзывах о диссертациях по гуманитарным наукам хеджи используются чаще, чем в отзывах о диссертациях по естественным наукам («лидером» по употреблению хеджей являются литературоведы); во всех дисциплинах, кроме физики, в отзывах мужчин хеджи демонстрируют бóльшую частотность, чем в отзывах женщины. Самыми частотными типами хеджей в отзывах являются сигналы снижения категоричности и авторизирующие конструкции самоупоминания. Сигналы снижения категоричности более частотны в отзывах мужчин во всех дисциплинах, при этом частотность самоупоминаний зависит и от гендера, и от дисциплины: в отзывах филологов их больше у мужчин, в остальных отзывах – у женщин.

Подчеркнем, что хеджи в полной мере соответствуют нормам научной речи, поскольку эксплицируют ее типичные черты, признанные в качестве ее фундаментальных конвенций, – некатегоричность, скептицизм, коллегиальность. Использование хеджинга в научной речи – один из способов достижения объективизма, убедительности, надежности, авторитетности научного изложения. Хеджи показывают, что утверждения автора носят характер обоснованного рассуждения, а не бесспорного знания и читатель имеет возможность не согласиться с ними. Убеждение посредством использования некатегоричных суждений – это эффективный способ добиться

Таблица 3. Частотность авторизирующих конструкций самоупоминания (на 1000 словоупотреблений)

Table 3. Frequency of self-mentions (per 1000 words)

Научные дисциплины	Общая частотность	Частотность у мужчин	Частотность у женщин
Лингвистика	1,8	2,3	1,5
Литературоведение	2,7	3,0	2,4
История	1,3	0,8	1,8
Гуманитарные науки в целом	1,9	2,0	1,8
Физика	0,6	0,4	0,9
Химия	1,0	0,6	1,5
Естественные науки в целом	0,7	0,4	1,1
Все науки в целом	1,5	1,3	1,6

ся комфортного для адресата (в широком смысле) уровня восприятия научного текста и продемонстрировать уважение к научному сообществу. Владение навыками изложения научной информации в некатегоричной манере с использованием хеджинга является признаком высокой профессиональной компетентности автора.

Полученные выводы, безусловно, ограничены исследованным материалом и нуждаются в дальнейшем уточнении (это предложение – типичный для научного текста хедж). Данное исследование может быть продолжено на материале других жанров и других сфер коммуникации, а также с привлечением других языков.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее примеры взяты из нашего материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баканова О. С., 2019. Особенности выражения положительной оценки в научном тексте (на материале официальных отзывов оппонентов о диссертации) // Мир русского слова. № 2. С. 37–41. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12037
- Викторова Е. Ю., 2014. Дискурсивные слова: единство в многообразии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Т. 14, вып. 1. С. 10–15. DOI: 10.18500/1817-7115-2014-14-1-10-15
- Викторова Е. Ю., 2022. Авторизирующие конструкции самоупоминания в оценочном научном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Т. 22, вып. 2. С. 145–150. DOI: 10.18500/1817-7115-2022-22-2-145-150
- Кормилицына М. А., 2007. Категоричность и способы ее смягчения в текстах современной прессы // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. Вып. 7. С. 62–72.
- Котурова М. П., 2022. К трактовке модели «качество эталонного научного текста» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Т. 8, № 1 (29). С. 6–18. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-6-18
- Ларина Т. В., 2019. Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии // Вопросы психолингвистики. № 1 (39). С. 38–57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57
- Мальшкин К. Ю., 2013. К вопросу о взаимосвязи вежливости и категоричности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. № 1 (1). С. 85–87.
- Николайчик М. В., 2020. Лексическое хеджирование в англоязычных аннотациях российских научных статей по экономике: корпусное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 5. С. 38–47. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.4>
- Михалева Е. И., Пушнина И. В., 2022. Прагматические особенности хеджирования в академическом дискурсе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». № 45 (1). С. 113–124. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.45.1.12
- Никитина Л. Б., Мальшкин К. Ю., 2015. Речевой жанр научной рецензии через призму категоричности оценки // Жанры речи. № 2 (12). С. 72–79. DOI: 10.18500/2311-0740-2015-2-12-72-79
- Пастухова О. Д., 2018. Способы выражения хеджирования в российском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. № 5 (71). С. 95–100.
- Петренко Ю. А., 2020. Отзыв как жанр академического дискурса и его основные характеристики (на примере отзывов на диссертации и авторефераты диссертаций) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. № 11. С. 262–267. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.55>
- Boginskaya O. A., 2022. Functional Categories of Hedges: A Diachronic Study of Russian Research Article Abstracts // Russian Journal of Linguistics. Vol. 26, № 3. P. 645–667. DOI: 10.22363/2687-0088-30017
- Brown P., Levinson S., 1987. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge : Cambridge University Press. 360 p.
- Carter R., McCarthy M., 2006. Cambridge Grammar of English: A Comprehensive Guide. Spoken and Written English. Grammar and Usage. Cambridge : Cambridge University Press. 974 p.
- Fraser B., 2010. Pragmatic Competence: The Case of Hedging // New Approaches to Hedging / ed. by G. Kaltenböck, W. Mihatsch, S. Schneider. Bingley : Emerald Group Publishing Limited. P. 15–34.
- Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts, 1997 / ed. by R. Markkanen, H. Schröder. Berlin ; N. Y. : De Gruyter. 292 p.

- Hübler A., 1983. *Understatements and Hedges in English*. Amsterdam : John Benjamins. 192 p.
- Hyland K., 1996. *Writing Without Conviction? Hedging in Science Research Articles // Applied Linguistics*. № 17. P. 433–454.
- Hyland K., 2005. *Stance and Engagement: A Model of Interaction in Academic Discourse // Discourse Studies*. Vol. 7, iss. 2. P. 173–192.
- Hyland K., 2010. *Constructing Proximity: Relating to Readers in Popular and Professional Science // Journal of English for Academic Purposes*. № 9. P. 116–127.
- Kochetova L.A., Ilyinova E.Yu., 2020. *English Academic Discourse in Translinguistic Context: Corpus-Based Study of Lexical Markers // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. Т. 19, № 5. С. 25–37. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.3>
- Kochetova, L.A., Kononova, I.V., 2022. *Corpus-Based Contrastive Study of Discursive Strategy of Construing Interpersonal Relations in English Language Academic Discourse // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. № 15 (10). P. 1516–1523. DOI: 10.17516/1997-1370-0353
- Lakoff G., 1972. *Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Chicago Linguistic Society Papers*. № 8. P. 183–228.
- Martín-Martín P., 2008. *The Mitigation of Scientific Claims in Research Papers: A Comparative Study // International Journal of English Studies*. № 8 (2). P. 133–152.
- Namsaraev V., 1997. *Hedging in Russian Academic Writing in Sociological Texts // Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts / ed. by R. Markkanen, H. Schröder*. Berlin ; N. Y. : De Gruyter. P. 64–79.
- New Approaches to Hedging, 2010 / ed. by G. Kaltenböck, W. Mihatsch, S. Schneider*. Bingley : Emerald Group Publishing Limited. 310 p.
- Prince E., Frader J., Bosk C., 1982. *On Hedging in Physician-Physician Discourse // Linguistics and the Professions. Proceedings of the Second Annual Delaware Symposium on Language Studies*. Norwood : Ablex. P. 83–97.
- Vlasyan G. R., 2018. *Linguistic Hedging in the Light of Politeness Theory // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. Vol. 39. P. 685–890.
- dissertatsii) [Ways of Expressing Positive Evaluation in Academic Texts (Based on Official Dissertation Reviews)]. *Mir russkogo slova [World of the Russian Word]*, no. 2, pp. 37-41. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12037
- Viktorova E. Yu., 2014. *Diskursivnye slova: edinstvo v mnogoobrazii [Discourse Markers: A Unity in the Variety]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Science Journal of Saratov State University. New Series. Philology and Journalism]*, vol. 14, iss. 1, pp. 10-15. DOI: 10.18500/1817-7115-2014-14-1-10-15
- Viktorova E. Yu., 2022. *Avtorizuyushchie konstruksii samoupominaniya v otsenochnom nauchnom diskurse [Self-Mentions in Evaluative Academic Discourse]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Science Journal of Saratov State University. New Series. Philology and Journalism]*, vol. 22, iss. 2, pp. 145-150. DOI: 10.18500/1817-7115-2022-22-2-145-150
- Kormilitsyna M.A., 2007. *Kategorichnost i sposoby ee smyagcheniya v tekstakh sovremennoy pressy [Categoricalness and Ways of Its Mitigation in Modern Media Texts]*.
- Kormilitsyna M.A., Sirotinina O.B., eds. *Problemy rechevoy kommunikatsii [Problems of Speech Communication]*. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, iss. 7, pp. 62-72.
- Kotyurova M.P., 2022. *K traktovke modeli «kachestvo etalonnogo nauchnogo teksta» [Interpretation of the Model “Quality of the Canonical Academic Text”]. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates [Science Journal of Tyumen State University. Humanities]*, vol. 8, no. 1 (29), pp. 6-18. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-6-18
- Larina T.V., 2019. *Emotivnaya ekologichnost i emotivnaya vezhlivost v angliyskoy i russkoy anonimnoy retsenzii [Emotive Sustainability and Emotive Politeness in English and Russian Blind Reviews]. Voprosy psikholingvistiki [Problems of Psycholinguistics]*, no. 1 (39), pp. 38-57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57
- Malyshev K.Yu., 2013. *K voprosu o vzaimosvyazi vezhlivosti i kategorichnosti [On Relation of Politeness and Categoricalness]. Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya [Science Journal of Omsk State University. Humanities]*, no. 1 (1), pp. 85-87.
- Mikolaychik M.V., 2020. *Leksicheskoe khedzhirovanie v angloyazychnykh annotatsiyakh rossiyskikh nauchnykh statey po ekonomike: korpusnoe issledovanie [Lexical Hedging in English Abstracts*

REFERENCES

Bakanova O.S., 2019. *Osobennosti vyrazheniya polozhitelnoy otsenki v nauchnom tekste (na materiale ofitsialnykh otzyvov opponentov o*

- of Russian Economics Research Articles: A Corpus-Based Study]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 5, pp. 38-47. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.4>
- Mikhaleva E.I., Pushinina I.V., 2022. Pragmaticeskije osobennosti khedzhirovaniya v akademicheskom diskurse [Pragmatic Aspects of Hedging in Academic Discourse]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoje obrazovanie»* [Science Journal of Moscow City Pedagogical University. Philology. Language Theory. Language Education], no. 45 (1), pp. 113-124. DOI: [10.25688/2076-913X.2022.45.1.12](https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.45.1.12)
- Nikitina L.B., Malysheva K. Yu., 2015. Rechevoy zhanr nauchnoy retsenzii cherez prizmu kategorichnosti otsenki [Academic Review as a Speech Genre: Aspects of Assessment Assertiveness]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], no. 2 (12), pp. 72-79. DOI: [10.18500/2311-0740-2015-2-12-72-79](https://doi.org/10.18500/2311-0740-2015-2-12-72-79)
- Pastukhova O.D., 2018. Sposoby vyrazheniya khedzhirovaniya v rossiyskom politicheskom diskurse [Ways to Express Hedging in Russian Political Discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 5 (71), pp. 95-100.
- Petrenko Yu.A., 2020. Otzyv kak zhanr akademicheskogo diskursa i ego osnovnye kharakteristiki (na primere otzyvov na dissertatsii i avtoreferaty dissertatsiy) [Review as a Genre of Academic Discourse and Its Major Properties (Based on Dissertation Reviews)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Problems of Theory and Practice]. Tambov, Gramota Publ., no. 11, pp. 262-267. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.55>
- Boginskaya O.A., 2022. Functional Categories of Hedges: A Diachronic Study of Russian Research Article Abstracts. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 26, no. 3, pp. 645-667. DOI: [10.22363/2687-0088-30017](https://doi.org/10.22363/2687-0088-30017)
- Brown P., Levinson S., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press. 360 p.
- Carter R., McCarthy M., 2006. *Cambridge Grammar of English: A Comprehensive Guide. Spoken and Written English. Grammar and Usage*. Cambridge, Cambridge University Press. 974 p.
- Fraser B., 2010. Pragmatic Competence: The Case of Hedging. Kaltenböck G., Mihatsch W., Schneider S., eds. *New Approaches to Hedging*. Bingley, Emerald Group Publishing Limited, pp. 15-34.
- Markkanen R., Schröder H., eds., 1997. *Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts*. Berlin, New York, De Gruyter. 292 p.
- Hübler A., 1983. *Understatements and Hedges in English*. Amsterdam, John Benjamins. 192 p.
- Hyland K., 1996. Writing Without Conviction? Hedging in Science Research Articles. *Applied Linguistics*, no. 17, pp. 433-454.
- Hyland K., 2005. Stance and Engagement: A Model of Interaction in Academic Discourse. *Discourse Studies*, vol. 7, iss. 2, pp. 173-192.
- Hyland K., 2010. Constructing Proximity: Relating to Readers in Popular and Professional Science. *Journal of English for Academic Purposes*, no. 9, pp. 116-127.
- Kochetova L.A., Ilyinova E. Yu., 2020. English Academic Discourse in Translinguistic Context: Corpus-Based Study of Lexical Markers. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 5, pp. 25-37. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.3>
- Kochetova L.A., Kononova I.V., 2022. Corpus-Based Contrastive Study of Discursive Strategy of Construing Interpersonal Relations in English Language Academic Discourse. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, no. 15 (10), pp. 1516-1523. DOI: [10.17516/1997-1370-0353](https://doi.org/10.17516/1997-1370-0353)
- Lakoff G., 1972. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Chicago Linguistic Society Papers*, no. 8, pp. 183-228.
- Martin-Martín P., 2008. The Mitigation of Scientific Claims in Research Papers: A Comparative Study. *International Journal of English Studies*, no. 8 (2), pp. 133-152.
- Namsaraev V., 1997. Hedging in Russian Academic Writing in Sociological Texts. Markkanen R., Schröder H., eds. *Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts*. Berlin, New York, De Gruyter, pp. 64-79.
- Kaltenböck G., Mihatsch W., Schneider S., eds., 2010. *New Approaches to Hedging*. Bingley, Emerald Group Publishing Limited. 310 p.
- Prince E., Frader J., Bosk C., 1982. On Hedging in Physician-Physician Discourse. *Linguistics and the Professions. Proceedings of the Second Annual Delaware Symposium on Language Studies*. Norwood, Ablex, pp. 83-97.
- Vlasyan G.R., 2018. Linguistic Hedging in the Light of Politeness Theory. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, vol. 39, pp. 685-890.

Information About the Author

Elena Yu. Viktorova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Romance-Germanic Philology and Translation, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russia, helena_v@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>

Информация об авторе

Елена Юрьевна Викторова, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и переводоведения, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Россия, helena_v@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.2>

UDC 81'42:821
LBC 81.055.51

Submitted: 29.09.2023
Accepted: 01.12.2023

**IRONY IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL *THE BROTHERS KARAMAZOV*:
FUNCTIONAL-AND-SEMANTIC ASPECT**

Svetlana S. Vaulina

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Elena V. Bulataya

Baranovichi State University, Baranovichi, Belarus

Abstract. The article deals with the phenomenon of irony in a literary work. Irony is viewed in the study as one of the text-forming categories of hidden character, which performs the role of a meaningful component in the fictional text. It forms the semantic plan of the literary work and realizes the author's implicit evaluation. The place and role of irony in F.M. Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov* are defined: irony is expressed within the author's implicit evaluation of the characters' relationship among themselves and their attitude to certain facts of reality, as well as in the writer's direct assessment of the personal qualities of the characters. At the same time, through irony the writer reveals not only the violation of ethical norms by the characters of the novel, but also their negative moral values. It is established that in order to actualize ironic evaluation the author of the work combines in one context a number of mechanisms of ironic meaning formation: double antithesis; antithesis combined with an illogical conclusion; contextual reinterpretation of the lexeme meaning in conjunction with antithesis. The complexity of the mechanisms of irony realisation in the novel imparts a sophisticated multifaceted character to the writer's assessment.

Key words: implicit evaluation, fictional text, irony, mechanism of irony actualisation, F.M. Dostoevsky, "The Brothers Karamazov".

Citation. Vaulina S.S., Bulataya E.V. Irony in F.M. Dostoevsky's Novel *The Brothers Karamazov*: Functional-and-Semantic Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 1, pp. 18-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.2>

УДК 81'42:821
ББК 81.055.51

Дата поступления статьи: 29.09.2023
Дата принятия статьи: 01.12.2023

**ИРОНИЯ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Светлана Сергеевна Ваулина

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия

Елена Васильевна Булатая

Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Беларусь

Аннотация. В статье рассматривается феномен иронии в рамках литературного произведения. Ирония понимается в работе как одна из текстообразующих категорий скрытого характера, выступающая в художественном тексте в роли содержательного компонента, который формирует смысловой план литературного произведения и реализует при этом авторскую имплицитную оценку. В качестве источника избран роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Определены место и роль иронии в этом произведении: ирония находит свое выражение при реализации автором имплицитной оценки отношений героев романа между

собой и их отношения к определенным фактам действительности, а также при оценке писателем личностных качеств персонажей. При этом посредством иронии Ф.М. Достоевский раскрывает не только нарушение этических норм персонажами романа, но и их отрицательные моральные ценности. Установлено, что для актуализации иронической оценки автор произведения объединяет в одном контексте ряд механизмов иронического смыслообразования: двойную антитезу; антитезу, совмещенную с алогичным выводом; контекстное переосмысление значения лексемы в совокупности с антитезой. Комплексность механизмов реализации иронии в романе придает оценке писателя сложный, многогранный характер.

Ключевые слова: имплицитная оценка, художественный текст, ирония, механизм актуализации иронии, Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы».

Цитирование. Ваулина С. С., Булатая Е. В. Ирония в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: функционально-семантический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 18–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.2>

Введение

Одним из приоритетных направлений современного языкознания является изучение смысловых аспектов функционирования различных лингвистических категорий в координатах текста. В этом плане важным становится исследование категории комического в литературных произведениях, поскольку часто именно посредством комического в них реализуется система смыслов (в том числе и скрытых), созданная автором для выражения его ценностных ориентаций и социокультурных комментариев, что в свою очередь обеспечивает установление эмоциональной связи между автором и читателем.

Ирония, традиционно рассматриваемая исследователями в качестве одного из видов или одной из форм комического (см., например: [Лосев, 1995; Паси, 1980; Пивоев, 1982; 2000]), в современном понимании представляет собой лингвистическую категорию, которая выполняет текстообразующую функцию и реализуется специфическими приемами актуализации неявной авторской оценки (см., например: [Булатая, 2016; Ваулина, Булатая, 2019; Кашкин, Шилихина, 2013; Маликова, 2006; Петрова, 2009; Походня, 1989; и др.]). Соответственно, изучению иронии в художественном тексте в настоящее время придается особое значение, связанное прежде всего с тем, что он обладает достаточно широким потенциалом для интерпретации иронии, характеризуется смысловой неоднозначностью, реализацией авторской позиции и так называемой коммуникацией между текстом и его адресатом. Как справедливо указывает А.В. Кузнецова, «художественный текст ком-

муникативен по своей природе, он с необходимостью предполагает акт прочтения и истолкования. <...> Диалогичность восприятия текста реципиентом не изменяет инвариант смысла, но предполагает вариативность смысловых оттенков рецепции» [Кузнецова, 2019, с. 120–121].

В широком понимании ирония – это сложная эстетическая категория, феномен культуры (см. об этом подробно: [Паси, 1980; Пивоев, 1982]), в котором «эстетический аспект является доминирующим началом, подчиняющим себе все остальные стороны единой цели – оптимизации общественных отношений в свете перспектив социального идеала» [Пивоев, 1982, с. 60]. При узком толковании иронии, принятом в лингвистике, а именно в текстовой «оболочке», ирония – это имплицитная форма оценочного изображения автором реальной действительности. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой термин «ирония» имеет следующее определение: «троп, состоящий в употреблении в смысле обратном буквальному смыслу с целью тонкой или скрытой насмешки; насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления» [Ахманова, 1969, с. 185]. При этом по сравнению с другими видами комического (например, юмором и сатирой) ирония выступает весьма «деликатной» и «тактичной» оценочной категорией, она не нарушает общую атмосферу повествования, тем самым создавая с помощью контекста и определенных приемов основу для реализации завуалированной авторской оценки по отношению к явлениям действительности, персонажам, событиям, отображенным в литературном произведении. «Субъект, – от-

мечает В.М. Пивоев, – иронически осмысливая избранный объект, преобразует ироническое эмоционально-ценностное отношение в языковую (вербальную) форму, а также кодирует второй план иронии с помощью специфических средств выражения, “знаков иронии”, указывающих на ее контекст, который, в свою очередь, выводит к исходному идеалу и позволяет правильно понять ценностную ориентацию иронизирующего субъекта» [Пивоев, 1982, с. 57].

В представленном исследовании авторы статьи придерживаются узкой лингвистической трактовки иронии в качестве содержательной категории текста, а именно имплицитной формы выражения авторской оценки в художественном произведении, и ставят целью определение роли иронии в конкретном литературном произведении и установление механизмов иронического смыслообразования, применяемых в нем для реализации скрытой авторской оценки.

Материал и методы

В качестве материала для анализа выбран роман «Братья Карамазовы» – одно из наиболее известных произведений Ф.М. Достоевского, признанное учеными и критиками вершиной художественного творчества писателя.

Исследованию феномена комического в творчестве Достоевского в целом посвящено достаточно много работ (см., например: [Бахтин, 1986; Кашина, 1989; Кунильский, 1994; Логинова, 1999а; Скуридина, 2007; Тынянов, 1921; и др.]). При этом акцент в них делается на подробном анализе общей комической составляющей произведений писателя в литературоведческом аспекте. Так, А.Е. Кунильским рассмотрены смеховые элементы в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», причем исследователь подчеркивает тот факт, что в данном произведении «автор использует, кажется, весь спектр возможных смеховых проявлений – простой и смешанной природы, сильных и в разной степени редуцированных» [Кунильский, 1994, с. 192].

Заметим, однако, что в исследованиях, посвященных анализу форм проявления комического в творчестве Ф.М. Достоевского,

сравнительно мало внимания уделяется иронии, между тем как, по справедливому замечанию В.В. Розанова, «...вчитываясь в весь ряд его сочинений, мы видим, как постоянно он обставляет в начале и конце легкою ирониею и свои любимые идеи» [Розанов, 1996, с. 45]. Н.И. Логинова, фрагментарно исследуя иронию в произведениях Ф.М. Достоевского наряду с другими формами комического (юмором и сатирой), указывает на отсутствие четкого объекта у иронии писателя, но при этом делает акцент на широком использовании иронии как приема по отношению ко многим героям и во многих ситуациях, подчеркивая, что «к сфере иронии в романах Достоевского относится все то, что связано с образами рассказчиков, их самооценкой и оценкой их автором» [Логинова, 1999б, с. 14]. Особое место иронии в произведениях писателя отмечает В.Н. Захаров, считая, что она является «формой неоднозначной оценки действительности и этических отношений, своеобразной формой переживания социальных, психологических и метафизических противоречий, несоответствия идеала действительности, неидеальности человека» [Захаров, 1997].

Для выявления роли иронии как имплицитной формы выражения писательской оценки в романе «Братья Карамазовы», определения механизмов актуализации иронии в совокупности применялись методы описательного, контекстуального и функционально-семантического анализа, а также метод лингвистической интерпретации.

Результаты и обсуждение

В романе «Братья Карамазовы» ставятся нравственно-философские вопросы о грехе и сострадании, загадках человеческой души, рассматриваемые автором сквозь призму истории провинциальной семьи Карамазовых.

Прежде всего обратимся к анализу отношений между героями романа, которые зачастую изображены писателем завуалированно, в форме иронии. Заметим, что при описании этических отношений в романе можно проследить процесс приобщения того или иного персонажа к конкретным моральным ценностям, которые в конечном счете формируют

его нравственное сознание, определяют его поступки и становятся для него самого ориентиром при оценке определенных явлений и фактов действительности.

Так, Достоевский тонко иронизирует над этическими отношениями между отцом, главным героем романа Федором Павловичем Карамазовым, и его сыновьями. При этом для актуализации иронической оценки автор мастерски использует различные способы иронического смыслопорождения.

Например, этические отношения между Федором Карамазовым и его старшим сыном Дмитрием не соответствуют общепринятым моральным нормам и опровергают ценность таких моральных качеств, как чувство долга, совесть, любовь к детям.

(1) ...Бабушка Мити, переехавшая в Москву, слишком расхворалась, сестры же повышли замуж, так что **почти целый год пришлось Мите пробыть у слуги Григория и проживать у него в дворовой избе**. Впрочем, **если бы папаша о нем и вспомнил (не мог же он в самом деле не знать о его существовании), то и сам сослал бы его опять в избу, так как ребенок все же мешал бы ему в его дебоширстве** (Достоевский, с. 12–13).

В приведенном отрывке писатель четко выстраивает линию иронической оценки семейных отношений Карамазовых посредством противопоставления и алогичного вывода, то есть нарушения причинно-следственных связей в контексте. Так, причина того, что сыну Карамазова Мите пришлось жить у слуги, а не у отца, кроется в легкомыслии и безнравственности отца, который просто-напросто забыл о сыне и о собственном долге. Далее в приведенном контексте ирония реализуется с помощью антитезы: *если бы папаша о нем и вспомнил – сам сослал бы его опять в избу*, которая подчеркивает безнравственное поведение главного героя по отношению к своему сыну.

Ярким примером реализации иронической оценки писателем этических отношений в семье Карамазовых является, на наш взгляд, также отрывок, в котором содержится оценка отношений между Федором Карамазовым и его сыновьями Иваном и Дмитрием:

(2) – Божественный и святейший старец! – вскричал он, указывая на **Ивана Федоровича**. –

Это мой сын, плоть от плоти моя, любимейшая плоть моя! Это **мой почтительнейший, так сказать, Карл Мор**, а вот этот сейчас вошедший сын, **Дмитрий Федорович**, и против которого у вас управы ищут, – это уж **непочтительнейший Франц Мор**, – **оба из «Разбойников» Шиллера, а я, я сам в таком случае уж Regierender Graf von Moor!** (Достоевский, с. 79).

Из приведенного отрывка видно, что отношение отца к сыну Ивану прямо противоположно его отношению к сыну Дмитрию, что в свою очередь создает иронический подтекст. При этом автором используется механизм интертекстуальных включений для создания противопоставления: Иван отождествляется с Карлом Мором, положительным персонажем из трагедии Ф. Шиллера «Разбойники», – «он чуток к чужому страданию, деятелен и энергичен» (ЛГ), а Дмитрий, напротив, с Францем Мором, отрицательным героем названного произведения, – «обиженный на судьбу за то, что родился вторым и, следовательно, не получит наследства... завидует своему старшему брату Карлу» (ЛГ). Кроме того, созданию яркой антитезы способствуют однокоренные слова-антонимы *почтительнейший* и *непочтительнейший*, пафосно употребленные писателем в грамматической форме превосходной степени сравнения прилагательных, с помощью которых Федор Карамазов характеризует своих сыновей.

С иронией описывает Достоевский и этические отношения самих сыновей с отцом. Например, иронично обыгрывается автором непочтительное, даже потребительское, отношение старшего сына Ивана к отцу:

(3) – Слушай: **юридически** он мне ничего не должен. Все я у него выбрал, все, я это знаю. Но ведь **нравственно-то** должен он мне, так иль не так? Ведь он с материных **двадцати восьми тысяч пошел и сто тысяч нажил**. Пусть он мне **даст только три тысячи из двадцати восьми**, только три, и душу мою из ада извлечет, и зачтется это ему за многие грехи! <...> В последний раз случай ему даю **быть отцом** (Достоевский, с. 133).

Ироническая оценка отношения сына к отцу реализуется как с помощью антитезы: *юридически* (*юридический* – «связанный с правовыми нормами, правовым законодательством и практическим применением их»

(МАС, т. 4, с. 775)) – *нравственно* (*нравственный* – «соблюдающий нормы общественного поведения, требования морали» (МАС, т. 2, с. 513)), так и благодаря последующему контекстному переосмыслению значения наречия *нравственно*. Как видно из контекста, юридический долг отца перед сыном противопоставляется его нравственному долгу, который, однако, сын Иван связывает не с дружелюбными семейными отношениями, а с денежными накоплениями. Нравственный долг в приведенном контексте практически приравнивается к материальным ценностям, и, как следствие, ироническому переосмыслению подвергается и социальная роль «быть отцом».

Заметим, что ирония Достоевского прослеживается при оценке автором этических отношений не только членов семьи Карамазовых, но и других персонажей романа, не связанных с ней кровными узами.

Одним из показательных примеров иронической оценки является характер отношений между Софьей Ивановной (позже – второй женой Федора Карамазова) и ее благодетельницей – генеральшей Вороховой, а также Софьей Ивановной и Федором Павловичем, что наглядно демонстрируется в следующем отрывке:

(4) Софья Ивановна была из «сироток», безродная с детства, дочь какого-то темного дьякона, взросшая в богатом доме своей **благодетельницы, воспитательницы и мучительницы**, знатной генеральши-старухи, вдовы генерала Ворохова. <...> Федор Павлович предложил свою руку, о нем справились и его прогнали, и вот тут-то он опять, как и в первом браке, предложил сиротке увоз. Очень, очень может быть, что и она даже не пошла бы за него ни за что, если б узнала о нем своевременно побольше подробностей. ...Да и что могла понимать шестнадцатилетняя девочка, кроме того, что **лучше в реку, чем оставаться у благодетельницы. Так и променяла бедняжка благодетельницу на благодетеля** (Достоевский, с. 15–16).

Ирония здесь актуализируется при помощи контекстного переосмысления значения устаревших лексем *благодетельница* и *благодетель* («тот, кто оказывает кому-л. покровительство, помощь, услугу» (МАС, т. 1, с. 93)). В приведенном фрагменте показано, что благодетельница представляет собой

не добросердечную воспитательницу для сироты Софьи Ивановны, а мучительницу. Пониманию читателем этого факта способствует противопоставление слов *благодетельница, воспитательница* слову *мучительница* и дальнейшему описанию: *лучше в реку, чем оставаться у благодетельницы*. При характеристике писателем Федора Павловича как последующего благодетеля Софьи Ивановны возникает недосказанность и двусмысленность, чему способствует игра слов в предложении *Так и променяла бедняжка благодетельницу на благодетеля*.

Отношение Федора Павловича к материальным ценностям репрезентировано через поведение персонажа, которое представлено как аморальное и, безусловно, противоречит нормам поведения в обществе – честному ведению дел:

(5) Федор Павлович хотя и **кутил, и пил, и дебоширил**, но никогда **не переставал заниматься помещением своего капитала и устраивал делишки свои всегда удачно**, хотя, конечно, **почти всегда подловато** (Достоевский, с. 15).

В рамках рассмотрения механизма реализации иронии примечательно, что смысловое противоречие в приведенном контексте возникает в результате двойной антитезы: негативные действия (*кутил, пил, дебоширил*) противопоставлены положительным действиям (*никогда не переставал заниматься помещением своего капитала, устраивал делишки свои всегда удачно*). Кроме того, наречное словосочетание *всегда удачно* сопоставляется в одном и том же предложении с соответствующим словосочетанием *почти всегда подловато*. Указанные взаимосвязанные между собой противоречия наталкивают читателя на распознавание и интерпретацию скрытого ироничного подтекста.

Стоит заметить, что иронические оценочные смыслы возникают при описании как главных персонажей романа, так и второстепенных, которые, однако, играют важную роль для реализации общей идеи произведения. Наряду с иронией при оценке персонажей важное место занимает и самоирония, представляющая собой, по утверждению И. Паси, «высшее проявление духовной независимости, при которой субъект поднимается не только

над объектами, но и над самим собой, рассматривая себя как объект собственной иронической субъективности» [Паси, 1980, с. 83].

Рассмотрим подробнее особенности реализации скрытой оценки писателем персонажей романа с помощью самоиронии. Так, центральной при создании иронической характеристики персонажей в произведении является оценка писателем главного персонажа романа – Федора Карамазова. Причем «образ Федора Карамазова убедительно свидетельствует об умении самого Достоевского раскрыть “трагическую подкладку” сатирического персонажа» [Щенников, 2007, с. 693]. Например, оценка характера Федора Карамазова реализуется в романе в ряде случаев посредством прямой самооценки героя в форме его монологов:

(6) Вы видите пред собою шута, шута воистину! Так и рекомендуюсь. Старая привычка, увы! А что некстати иногда **вру**, так это даже с намерением, **с намерением рассмешить и приятным быть**. Надобно же быть приятным, не правда ли? Приезжаю лет семь назад в один **городишко**, были там **делишки**, а я кой с какими **купчишками** завязал было **компаньишку** (Достоевский, с. 45).

В приведенном отрывке глагол *врать*, в смысловом аспекте раскрывающий способность персонажа придумывать различные несуществующие истории, приобретает положительную коннотацию, поскольку употребляется автором в одном контексте со словами *с намерением рассмешить и приятным быть*. При этом ироническая характеристика персонажем самого себя расширяется с помощью игры слов – нагромождения лексем с суффиксом уменьшительно-пренебрежительного значения *-ишк-*: *городишко, делишки, купчишки, компаньишка*. Персонаж в целом осознает, что является выдумщиком и вруном, но при этом оправдывает свои действия благой целью – угодить людям.

Самоирония Федора Карамазова проследживается в характеристике себя как мужчины:

(7) – Теперь я пока все-таки мужчина, пятьдесят пять всего, но я хочу и еще лет двадцать **на линии мужчины состоять**, так ведь состареюсь – поган стану, не пойдут они ко мне тогда доброю волей, ну вот тут-то **денежки мне и понадобятся**. Так

вот я теперь и **подкапливаю все побольше да побольше** для одного себя-с, милый сын мой Алексей Федорович, было бы вам известно, потому что **я в скверне моей до конца хочу прожить**, было бы вам это известно. В скверне-то слаще: **все ее ругают, а все в ней живут, только все тайком, а я открыто**. Вот за **простодушие-то** это мое на меня все **сквернавцы и накнулись** (Достоевский, с. 187).

В приведенном примере самоирония реализуется посредством комплекса приемов: нарушения причинно-следственных связей (*на линии мужчины состоять – денежки мне и понадобятся; в скверне моей до конца хочу прожить; за простодушие – сквернавцы и накнулись*) и прямого противопоставления (*все ее ругают – а все в ней живут*). Как видно из контекста, основная цель главного героя состоит в выдвигании на первый план себя как мужчины, ведущего распутную жизнь. В этом Карамазов сам признается, но снова оправдывает себя путем смещения внимания читателя на открытость ведения им такого образа жизни и свою бесхитрость.

Самоирония присутствует и в оценке средним сыном Карамазова, Дмитрием, своего неблагочестивого поведения по отношению к женщинам:

(8) – **Это жениху-то ходить? Да разве это возможно, да еще при такой невесте и на глазах у людей? Ведь честь-то у меня есть небось**. Только что я стал ходить к Грушеньке, так тотчас же и перестал быть женихом и честным человеком, ведь я это понимаю же (Достоевский, с. 130).

Самоирония персонажа в приведенном примере актуализируется посредством риторических вопросов. Примечательно, что персонаж говорит о себе в третьем лице: *Это жениху-то ходить?*, но далее переходит к первому лицу: *Ведь честь-то у меня есть небось*. Обращение к себе в третьем лице демонстрирует попытку персонажа романа оправдать себя перед самим собой, однако последующее использование местоимения *я* иллюстрирует осознание им опрометчивости своих поступков. К тому же, говоря о чести, персонаж в своей речи употребляет частицу *небось* со значением неуверенности «ведь, наверное, очевидно» (МАС, т. 2, с. 423), что свидетельствует о понимании персонажем аморальности своего отношения к женщинам: и к

невесте Екатерине Ивановне, и к возлюбленной Грушеньке.

Ироничную самооценку дает себе четырнадцатилетний персонаж романа Коля Красоткин – вождь ребят-школьников:

(9) «<...> **Лицо** у меня, **впрочем, умное; я не хорош**, я знаю, что **я мерзок лицом, но лицо умное**». <...> ...«**Совсем курносый, совсем курносый!**» – бормотал про себя Коля, когда смотрелся в зеркало, и всегда отходил от зеркала с негодованием. «**Да вряд ли и лицо умное?**» – подумывал он иногда, даже сомневаясь и в этом (Достоевский, с. 569).

Благодаря иронии читатель может проследить в характере смелого и сильного духом мальчишки («**Был он смелый мальчишка, “ужасно сильный”**», как пронеслась и скоро утвердилась молва о нем в классе, был ловок, характера упорного, духа дерзкого и предприимчивого») (Федор Достоевский...) черты неуверенности, которые раскрываются через описание юношей своей внешности и умственного развития. Так, ирония возникает на основании неоднократной антитезы (*лицо умное, но не хорош; мерзок лицом, но лицо умное*) и риторического вопроса, подчеркивающего неуверенность Коли в сказанном: *Да вряд ли и лицо умное?*

Актуализация имплицитной авторской оценки по отношению к персонажам романа «Братья Карамазовы» осуществляется посредством иронии писателя, реализующейся в произведении как непосредственно (с помощью авторского повествования), так и опосредованно (через слова одних персонажей по отношению к другим). Например, ироническая оценка автора одного из персонажей романа – лакея Смердякова – реализуется посредством использования в повествовании прецедентного имени *Валамова ослица*, имеющего иронический подтекст и употребляющегося в случае, когда речь идет «о покорном человеке, неожиданно выразившем свой протест против чего-л. (из библейского сказания об ослице волхва Валаама, неожиданно запротестовавшей человеческим языком против побоев)» (МАС, т. 1, с. 134):

(10) **Валаамовою ослицей** оказался лакей Смердяков. Человек еще молодой, всего лет двадцати четырех, он был страшно **нелюдим** и **молча-**

лив. Не то чтобы дик или чего-нибудь стыдился, нет, характером он был, напротив, **надменен** и как будто **всех презирал** (Достоевский, с. 136);

(11) Но **валаамова ослица** вдруг заговорила (Достоевский, с. 139).

Устойчивое словосочетание *Валаамова ослица* получает в контексте приведенного отрывка дополнительные оттенки значения, поскольку Смердяков, являющийся слугой и поваром помещика Федора Карамазова, представлен в романе не только молчаливым и покорным своему хозяину лакеем, но и надменным, всех презирающим человеком, что, как известно, не было свойственно Валаамовой ослице. Указанное противоречие, а также антитеза, возникающая между устойчивыми выражениями *Валаамова ослица* и *Но валаамова ослица вдруг заговорила*, обуславливают возникновение иронии.

Ироническая характеристика Смердякова осуществляется Достоевским и с использованием интертекстуального включения. Так, писатель называет Смердякова созерцателем, отсылая читателя к подробному содержанию одноименной картины И. Крамского «Созерцатель»:

(12) У живописца Крамского есть одна замечательная картина под названием «**Созерцатель**»: изображен лес зимой, и в лесу, на дороге, в оборванном кафтанишке и лаптишках стоит один-одинешенек, в глубочайшем уединении забредший мужичонко, стоит и **как бы задумался**, но он **не думает**, а что-то «**созерцает**». Если б его толкнуть, он вздрогнул бы и посмотрел на вас, точно проснувшись, но ничего **не понимая**. <...> Печатления же эти ему дороги, и он наверно их копил, неприметно и даже **не сознавая**, – для чего и зачем, конечно, тоже **не знает**... <...> Вот одним из таких **созерцателей** был наверно и Смердяков, и наверно тоже копил впечатления свои с жадностью, почти сам еще **не зная** зачем (Достоевский, с. 139).

Постоянно молчаливый и презирающий людей Смердяков предстает в данном отрывке как не умеющий думать наблюдатель. Для усиления иронии писатель использует ряд глаголов и деепричастий с отрицанием: *не думает, не знает, не понимая, не сознавая, не зная*, что позволяет раскрыть контекстуальное значение слова *созерцатель* применительно к образу Смердякова. При этом отметим, что в «Словаре русского языка» глагол *созерцать*

тракуется в двух значениях: «1. Рассматривать кого-, что-л., наблюдать за кем-л., чем-л.; 2. Мысленно представлять, проникая умом, мыслью во что-л.» (МАС, т. 4, с. 184). В пассивном созерцании Смердякова, напротив, не было ни цели, ни мыслей. Данный контраст и создает двусмысленность, тем не менее контекстная составляющая позволяет читателю правильно понять, кем же на самом деле являлся Смердяков. Укажем также, что для Достоевского данный персонаж был собирательным образом «представителей той части русского народа, который пребывает в умственной темноте» [Накамура, 2011, с. 340].

Противоречивую оценку дает Достоевский среднему сыну Карамазова Ивану, черты которого раскрываются через характеристику его второстепенным персонажем романа, семинаристом Михаилом Ракитиным, с издевкой описывающим действия Ивана с точки зрения выполнения им различных социальных ролей:

(13) Брат твой Иван теперь **богословские статейки** пока в шутку по какому-то глупейшему неизвестному расчету **печатает, будучи сам атеистом...** Кроме того, от братца Мити **невесту себе отбивает...** Да еще как: **с согласия самого Митеньки**, потому что Митенька сам ему невесту свою уступает, чтобы только отвязаться от нее да уйти поскорей к Грушеньке. И все это **при всем своем благородстве и бескорыстии**, заметь себе это (Достоевский, с. 89).

В контексте вышесказанного немало важно заметить, что Иван относился к той группе персонажей романа, которые «наиболее болезненно реагируют на возможность их осмеяния» [Кунильский, 1994, с. 198].

Противоречия, актуализирующие иронию, создаются в приведенном отрывке с помощью антитез: *богословские статейки печатает, но будучи сам атеистом; от братца Мити невесту себе отбивает, но с согласия самого Митеньки*. Данные противоречивые действия Ивана в итоге противопоставляются неожиданному выводу *при всем своем благородстве и бескорыстии*. Непонятные поступки Ивана и порождают у читателя множество вопросов относительно его характера. Как справедливо отмечает исследователь творчества Ф.М. Достоевского

К. Накамура, Иван «отличается умом, но по своему менталитету он – юноша темного характера. В нем постоянно ощущается какая-то глубоко запрятавшая себя душевная слабость» [Накамура, 2011, с. 334]. Таким образом, для реализации иронии в данном случае автор задействует несколько механизмов (антитезу и последующий алогичный вывод), посредством чего убеждает читателя в своей неодобрительной оценке по отношению к объекту иронии, то есть персонажу романа Ивану Карамазову.

Заключение

Ирония выступает в художественном тексте, с одной стороны, его неотъемлемой содержательной категорией, играет важную роль в формировании смыслового наполнения произведения, относясь к области скрытых смыслов, созданных автором для реализации определенной цели в произведении. С другой стороны, ирония выполняет в литературном произведении экспрессивно-эмоциональную функцию, поскольку как категория, основанная на несоответствии смысла, выраженного вербально, подразумеваемому, подталкивает читателя к поиску и декодированию скрытой информации, тем самым вызывая у него определенный эмоциональный отклик. В рамках рассмотрения данной категории с позиции автора художественного произведения можно заключить, что ирония актуализирует субъективную авторскую оценку, участвуя в реализации его ценностных представлений, и направлена на обличение актуальных для конкретного исторического этапа развития общества социально-нравственных проблем.

В романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» ирония как имплицитная форма авторской оценки находит свое выражение в многоаспектной характеристике персонажей. Причем ирония автора в романе в большинстве своем направлена на скрытую критику и осмеяние семейных отношений, а именно отношений между отцом и сыновьями как главной проблемы романа. В других случаях ирония возникает при оценке этических отношений между персонажами романа и отношений самих персонажей к различным проблемам и явлениям действительности.

При реализации оценки персонажей романа ирония достаточно часто направлена на самого иронизирующего персонажа и приобретает форму самоиронии, раскрываясь через сознание и самосознание героя. Следовательно, можно сделать вывод, что ирония предстает как не окончательная мера обличения отрицательных качеств персонажа, а как шанс на возможное его перерождение, поскольку «Достоевский всегда стремится открыть “человека в человеке”» [Захаров, 1997].

Механизмы реализации иронии в романе «Братья Карамазовы» используются комплексно. Для актуализации иронии Ф.М. Достоевский применяет несколько механизмов в одном контексте: двойную антитезу; антитезу и алогичный вывод; контекстное переосмысление значения лексемы и антитезу. Такая особенность способствует созданию «яркой», эффектной иронии, раскрывающей как изъяны представленных в произведении персонажей, так и несоответствие отношений между персонажами общепринятым этическим нормам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова О. С., 1969. Ирония // Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл. С. 185
- Бахтин М. М., 1986. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Худож. лит. 486 с.
- Булатая Е. В., 2016. Ирония как способ выражения неявной оценки в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Мир русского слова. СПб. : О-во преп. рус. яз. и лит. № 4. С. 66–71.
- Ваулина С. С., Булатая Е. В., 2019. Механизмы иронического смыслообразования в художественном тексте (на примере повестей Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки») // Научный диалог. № 7. С. 56–69. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-56-69
- Захаров В. Н., 1997. Ирония // Достоевский : Эстетика и поэтика : слов.-справ. / сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев ; науч. ред. Г. К. Щенников. Челябинск : Металл. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/160>
- Кашина Н. В., 1989. Эстетика Ф.М. Достоевского. М. : Высш. шк. 288 с.
- Кашкин В. Б., Шилихина К. М., 2013. Существует ли «рецепт» иронии? (на материале русского и итальянского языков) // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3 (036). С. 98–106.
- Кузнецова А. В., 2019. Рецептивно-интерпретативное пространство художественного текста: проблемная парадигма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. Т. 12, вып. 12. С. 118–121.
- Кунильский А. Е., 1994. Проблема «смех и христианство» в романе Достоевского «Братья Карамазовы» // Проблемы исторической поэтики. № 3. С. 192–200.
- Логинова Н. И., 1999а. К вопросу об иронии у А.С. Пушкина («Капитанская дочка») и у Ф.М. Достоевского («Подросток») // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 5. С. 16–26.
- Логинова Н. И., 1999б. Формы и функции комического в романах Ф. М. Достоевского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 22 с.
- Лосев А. Ф., 1995. Форма – Стиль – Выражение. М. : Мысль. 944 с.
- Маликова Т. О., 2006. Поэтика иронии в сказе В. Высоцкого // Вестник Томского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Филология. № 2 (42). С. 314–315.
- Накамура К., 2011. Словарь персонажей произведений Ф.М. Достоевского / пер. с яп. А. Н. Мещерякова. СПб. : Гиперион. 399 с.
- Паси И., 1980. Ирония как эстетическая категория // Марксистско-ленинская эстетика в борьбе за прогрессивное искусство. М. : Наука. С. 60–84.
- Петрова О. Г., 2009. Ирония как способ создания образов персонажей в идиостилиях Ч. Диккенса и У.М. Теккерея // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 73–77.
- Пивоев В. М., 1982. Ирония как эстетическая категория // Философские науки. № 4. С. 54–61.
- Пивоев В. М., 2000. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ. 106 с.
- Походня С. И., 1989. Языковые средства и виды реализации иронии. Киев : Наукова думка. 126 с.
- Розанов В. В., 1996. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николокиной. М. : Республика. 702 с.
- Скуридина С. А., 2007. Поэтика имени у Ф.М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Воронеж : Науч. кн. 302 с.
- Тынянов Ю. Н., 1921. Достоевский и Гоголь (к теории пародии). Петроград : ОПОЯЗ. 48 с.
- Щенников Г. К., 2007. Сатира и трагедия как жанровые составные русского классического романа : «Господа Головлевы», «Братья Карамазовы» // Роман Ф.М. Достоевского «Братья

Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. М. : Наука. С. 687–693.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Достоевский* – Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы : роман. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2022. 832 с.
- ЛГ* – Литературные герои : [энциклопедия] // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/litheroes>
- МАС* – Словарь русского языка : в 4 т. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. 4 т.
- Федор Достоевский...* – Федор Достоевский. Антология жизни и творчества. URL: <https://fedordostoevsky.ru>

REFERENCES

- Akhmanova O.S., 1969. Ironiya [Irony]. Akhmanova O.S. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., p. 185.
- Bakhtin M.M., 1986. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Khudozh. lit. Publ. 486 p.
- Bulataya E.V., 2016. Ironiya kak sposob vyrazheniya neyavnoj ocenki v komedii N.V. Gogolya «Revizor» [Irony as the Means of Implicit Evaluation Expression in Nikolai Gogol's Comedy "The Government Inspector"]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word]. Saint Petersburg, O-vo prep. rus. yaz. i lit., no. 4, pp. 66-71.
- Vaulina S.S., Bulataya E.V., 2019. Mekhanizmy ironicheskogo smysloobrazovaniya v khudozhestvennom tekste (na primere povestey N.V. Gogolya «Vechera na khutore bliz Dikanki») [Mechanisms of Ironic Meaning Formation in Literary Text (By Example of N.V. Gogol's Novels "Evenings on a Farm near Dikanka")]. *Nauchnyy dialog*, no. 7, pp. 56-69. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-56-69
- Zakharov V.N., 1997. Ironiya [Irony]. Shchennikov G.K., ed. *Dostoevskiy: Estetika i poetika: slov.-sprav.* [Dostoevsky. Aesthetics and Poetics. Dictionary-Reference Book]. Chelyabinsk, Metall Publ. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/160/>
- Kashina N.V., 1989. *Estetika F.M. Dostoevskogo* [Aesthetics of F.M. Dostoevsky]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 288 p.
- Kashkin V.B., Shilikhina K.M., 2013. Sushchestvuet li «retsept» ironii? (na materiale russkogo i italiyanskogo yazykov) [Is There a "Recipe" for Irony? (On the Material of Russian and Italian Languages)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 3 (036), pp. 98-106.
- Kuznetsova A.V., 2019. Retseptivno-interpretativnoe prostranstvo khudozhestvennogo teksta: problemnaya paradigma [Receptive-Interpretative Space of Literary Text: Problematic Paradigm]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Issues of Theory and Practice]. Tambov, Gramota Publ., vol. 12, iss. 12, pp. 118-121.
- Kunilskiy A.E., 1994. Problema «smekh i khristianstvo» v romane Dostoevskogo «Bratya Karamazovy» [The Problem of "Laughter and Christianity" in Fyodor Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov"]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], no. 3, pp. 192-200.
- Loginova N.I., 1999a. K voprosu ob ironii u A.S. Pushkina («Kapitanskaya dochka») i u F.M. Dostoevskogo («Podrostok») [On the Question of Irony in A.S. Pushkin ("The Captains Daughter") and F.M. Dostoevsky ("The Teenager")]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology], no. 5, pp. 16-26.
- Loginova N.I., 1999b. *Formy i funktsii komicheskogo v romanakh F.M. Dostoevskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Forms and Functions of the Comic in the Novels of F.M. Dostoevsky. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 22 p.
- Losev A. F., 1995. *Forma – Stil – Vyrazhenie* [Form – Style – Expression]. Moscow, Mysl Publ. 944 p.
- Malikova T.O., 2006. Poetika ironii v skaze V. Vysotskogo [Poetics of Irony in V. Vysotsky's Tales]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University. Series: Humanities. Philology], no. 2 (42), pp. 314-315.
- Nakamura K., 2011. *Slovar personazhey proizvedeniy F.M. Dostoevskogo* [Dictionary of Characters in the Works of F. M. Dostoevsky]. Saint Petersburg, Giperion Publ. 399 p.
- Pasi I., 1980. Ironiya kak esteticheskaya kategoriya [Irony as an Aesthetic Category]. *Marksistsko-leninskaya estetika v borbe za progressivnoe iskusstvo* [Marxist-Leninist Aesthetics in the Struggle for Progressive Art]. Moscow, Nauka Publ., pp. 60-84.
- Petrova O.G., 2009. Ironiya kak sposob sozdaniya obrazov personazhey v idiostilyakh Ch. Dikkensa i U.M. Tekkereya [Irony as a Way of Creating Character Images in the Idiostyles of C. Dickens and W.M. Thackeray]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of

- Chelyabinsk State University. Series. Philology. Art History], iss. 36, pp. 73-77.
- Pivoev V.M., 1982. Ironiya kak esteticheskaya kategoriya [Irony as an Aesthetic Category]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], no. 4, pp. 54-61.
- Pivoev V.M., 2000. *Ironiya kak fenomen kultury* [Irony as a Cultural Phenomenon]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU. 106 p.
- Pokhodnya S.I., 1989. *Yazykovye sredstva i vidy realizatsii ironii* [Language Means and Types of Irony Expressing]. Kiev, Naukova dumka Publ. 126 p.
- Rozanov V.V., 1996. *Sobranie sochineniy. Legenda o Velikom inkvizitore F.M. Dostoevskogo. Literaturnye ocherki. O pisatelstve i pisatelyakh* [Collected Works. The Legend of the Grand Inquisitor by F.M. Dostoevsky. Literary Essays. About Writing and Writers]. Moscow, Respublika Publ. 702 p.
- Skuridina S.A., 2007. *Poetika imeni u F.M. Dostoevskogo (na materiale romanov «Podrostok» i «Bratya Karamazov»)* [Poetics of Name in F.M. Dostoevsky (On the Material of the Novels “Teenager” and “The Brothers Karamazov”)]. Voronezh, Nauch. kn. Publ. 302 p.
- Tynyanov Yu.N., 1923. *Dostoevskiy i Gogol (k teorii parodii)* [Dostoevsky and Gogol (Towards a Theory of Parody)]. Petrograd, OPOYAZ Publ. 48 p.
- Shchennikov G.K., 2007. Satira i tragediya kak zhanrovye sostavnye russkogo klassicheskogo romana: «Gospoda Golovlevy», «Bratya Karamazovy» [Satire and Tragedy as Genre Components of the Russian Classic Novel. “The Gentlemen Golovlev”, “The Brothers Karamazov”]. Kasatkina T.A., ed. *Roman F.M. Dostoevskogo «Bratya Karamazovy»: sovremennoye sostoyanie izucheniya* [F.M. Dostoevsky's Novel “The Brothers Karamazov”: Current State of Study]. Moscow, Nauka Publ., pp. 687-693.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Dostoevskiy F.M. *Bratya Karamazovy: roman* [The Brothers Karamazov. Novel]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ. 2022. 832 p.
- Literaturnye geroi: entsiklopediya [Literary Characters. Encyclopedia]. *Akademik*. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/litheroes/>
- Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., Poligrafresursy Publ. 1999.
- Fyodor Dostoevskiy. Antologiya zhizni i tvorchestva* [Fyodor Dostoevsky. Anthology of Life and Creative Work]. URL: <https://fedordostoevsky.ru/>

Information About the Authors

Svetlana S. Vaulina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevskogo St, 14, 236041 Kaliningrad, Russia, svaulina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7109-2836>

Elena V. Bulataya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Theory and Practice of Germanic Languages, Baranovichi State University, Voikova St, 21, 225404 Baranovichi, Belarus, bulataya87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7948-5108>

Информация об авторах

Светлана Сергеевна Ваулина, доктор филологических наук, профессор Института образования и гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, ул. А. Невского, 14, 236041 г. Калининград, Россия, svaulina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7109-2836>

Елена Васильевна Булатая, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики германских языков, Барановичский государственный университет, ул. Войкова, 21, 225404 г. Барановичи, Беларусь, bulataya87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7948-5108>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.3>

UDC 811.161.1:008
LBC 81.411.2-006

Submitted: 18.05.2023
Accepted: 01.11.2023

ORIENTAL TEXT AND THE SUBTEXT OF RUSSIAN PAROEMIOLOGY¹

Valery M. Mokienko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Tatiana G. Nikitina

Pskov State University, Pskov, Russia

Abstract. The article examines the geocultural image of the East, which has developed in Russian linguaculture. The purpose of the work is to systematize the conceptual and substantive characteristics of the Eastern world displayed by proverbs, to identify the axiological load of the Eastern-marked paroemias. The involvement in the study of the material of canonical proverbs, which accumulate centuries-old folk experience and fix the priorities of everyday consciousness, allows the authors to see the specifics of folk ideas about the Eastern world against the background of philosophical and aesthetic reconstructions of the image of the East, performed to date on the material of fiction of the 17th – 20th centuries. Transformations of proverbs and neoparoemias with an oriental cultural component, which function in the Internet space, make it possible to trace the dynamics of the geocultural image of the East, the specifics of its interpretation from the positions of the modern native speaker. This seems relevant in the context of the activation of the eastern vector of Russian state interests. As a result of the conducted research, conclusions are drawn about the deactualization of most of the paroemias based on phantom representations and real historical facts of interaction between Russians and the peoples of the East, trends in the use of oriental images in modern formation and transformation of phraseological units and paroemias are revealed. Special attention is paid to the paroemia *The East is a delicate matter*, which originates from cinematography. An unlimited range of its transformations is shown, thus forming a single paroemiological nest, which in the future can be described in an innovative paroemiological dictionary.

Key words: paroemiology, paroemia, transformation of paroemia, linguaculturology, linguoaxiology, geocultural image, geocultural image of the East.

Citation. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Oriental Text and the Subtext of Russian Paroemiology. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 1, pp. 29-41. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.3>

УДК 811.161.1:008
ББК 81.411.2-006

Дата поступления статьи: 18.05.2023
Дата принятия статьи: 01.11.2023

ВОСТОЧНЫЙ ТЕКСТ И ПОДТЕКСТ РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ¹

Валерий Михайлович Мокленко

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Татьяна Геннадьевна Никитина

Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

Аннотация. В статье рассматривается паремиологическая репрезентация геокультурного образа Востока, сложившегося в русской лингвокультуре, что представляется актуальным в условиях активизации восточного вектора российских государственных интересов. Цель работы – обнаружение и систематизация отображаемых пословицами понятийно-содержательных параметров восточного мира, аксиологической нагруженности восточно маркированных паремий. Посредством анализа исконных русских пословиц, аккумулирующих многовековой народный опыт, выявлена специфика народных представлений о восточном

мире на фоне философско-эстетических реконструкций образа Востока, выполнявшихся на материале произведений художественной литературы XVII–XX веков. Показано, что современные пословичные трансформы и неопаремии с восточным культурным компонентом, функционирующие в интернет-пространстве, отражают динамику геокультурного образа Востока, особенности его интерпретации с позиций современного носителя русского языка. В результате проведенного исследования сделаны выводы о дезактуализации большей части древних паремий, основанных на фантомных представлениях и реальных исторических фактах взаимодействия русских с народами Востока, установлены тенденции использования восточных образов в современном паремио- и фразеолообразовании и преобразовании. Особое внимание уделено паремии *Восток – дело тонкое*, восходящей к сфере киноискусства. Показан неограниченный диапазон ее трансформаций, образующих единое паремиологическое гнездо, которое в перспективе работы над темой может стать объектом описания в инновационном паремиологическом словаре.

Ключевые слова: паремиология, паремия, трансформация паремии, лингвокультурология, лингвоаксиология, геокультурный образ, геокультурный образ Востока.

Цитирование. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Восточный текст и подтекст русской паремиологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 29–41. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.3>

Введение

Целый комплекс социально значимых стереотипов в сознании россиян связан с геокультурным образом Востока. В филологии и философии геокультурный образ традиционно понимается как компактная модель репрезентации определенного географического пространства сквозь призму социокультурных ценностей и символов, эволюционирующая в изменяющемся мире [Гузенина, 2011, с. 112–113; Мулахи, Ельцова, Пинаев, 2021, с. 239–241].

В разные периоды русской истории пространственные параметры геокультурного образа Востока менялись, о чем свидетельствуют работы, авторы которых включают в ориентальное пространство Закавказье, территории современных арабских стран и Ирана (Персии), Среднюю Азию, Индию, Китай, Монголию, Японию, делая акцент на «религиозных коннотациях» собирательного образа Востока – мусульманских, буддистских, конфуцианских, даосистских [Глаголев, 2019, с. 69; Гузенина, 2011, с. 112].

Становление стереотипизированной картины восточного мира в сознании русскоязычного социума прослеживается социологами, философами, историками от времен монголо-татарского нашествия до создания идеологической зоны «советского Востока» [Пржиленский, 2021; Суворов, 2015], а к факторам, определяющим современную неоднозначную интерпретацию образа, отнесены этнический

состав населения России с возрастающим «восточным компонентом», военные конфликты в геополитическом пространстве Востока, деятельность экстремистских исламских группировок и т. п. [Гузенина, 2011, с. 112–114].

Объектом исследования в лингвокультурологии становится языковое воплощение этого геокультурного образа. На материале художественного текста оно рассмотрено в широком временном диапазоне – от А.С. Пушкина до В.О. Пелевина [Алексеев, 2013; 2014; 2016; Янь, 2019]. Восточный фатализм, восточная мудрость, созерцательность и мистицизм, восточные локусы и персонажи, ключевые слова-ориентализмы – все это образует «восточное пространство» русского художественного текста, о котором П.В. Алексеев говорит как о «восточном тексте» русской литературы, вводя в научный оборот структурной поэтики это терминологическое сочетание, образованное по аналогии с «петербургским текстом» В.Н. Топорова и Ю.М. Лотмана [Алексеев, 2013, с. 7; 2014, с. 86–87].

Мы же, используя этот термин, обратимся к восточному тексту русской паремиологии, и прежде всего пословиц – языковых единиц, лингвокультурологический и социокультурологический потенциал которых оценивается чрезвычайно высоко и разрабатывается на материале разных языков [Ye et al., 2018; Med, 2020; Mokienko, 2019]. Однако в исследованиях, посвященных культурно-историческим и социально-политическим факторам, определявшим и определяющим формирование и эво-

люцию образа Востока в России, можно отметить лишь единичные случаи привлечения конкретных паремий в качестве верификационно-иллюстративного материала [Глаголев, 2019, с. 70; Гузенина, 2011, с. 113]. Ориентальный культурный фон этих паремий, формируемый на уровне отдельных компонентов или целостного содержания народных изречений, – это и есть тот «подтекст» (содержательный и эмотивно-оценочный), экспликация которого позволит сделать выводы об основных позициях «бытового русского ориентализма» [Глаголев, 2019] – аксиологической интерпретации житейским сознанием восточного менталитета, бытовых и социально-политических реалий, традиционных ценностей восточной культуры.

Все более очевидной становится лингвокультурологическая ценность фиксации фразеологического и паремиологического фонда в его динамике, что отмечают лексикографы (см.: [Шулежкова, 2019, с. 180–181; Mokienko, 2020, р. 221–222]; (Walter, Mokienko, S. 6–7)). Паремологи также обращаются к анализу семантики и прагматики новых паремий, а исконные пословицы рассматривают в современном социокультурном контексте, определяющем их семантические преобразования и аксиологические сдвиги [Burgers, Renardel de Lavalette, Steen, 2018; Lomotey, Csajbok-Twerefou, 2021; Sevilla Muñoz, 2017]. Включение в научный оборот новых и трансформированных пословиц позволит нам дополнить паремиологическую ретроспективу выводами об эволюции геокультурного образа Востока в сознании носителей русского языка, об оценочных смыслах, скрытых в современном паремиологическом подтексте – продукте лингвокреативного осмысления динамики и противоречий в отношениях Востока и Запада.

Материал и методы исследования

Материалом исследования стали исконные русские пословицы, прототипически связанные с реалиями Востока, отобранные из 300 сборников XVII–XX вв. и нашедшие отражение в сводных словарях паремий (БСРНС; БСРП; МНН), а также трансформированные и новые паремиологические единицы, зафиксированные в словаре «антипос-

ловиц» (Walter, Mokienko), в живой речи носителей русского языка и интернет-коммуникации (социальные сети, интернет-чаты, порталы СМИ) с 2012 по 2022 год.

В нашей базе данных насчитывается более 250 исконных пословиц и поговорок, формирующих восточный текст русской паремиологии².

При реализации различных аспектов исследования использованы современные методы лингвистического анализа, результаты применения которых представлены в статье. В ходе структурно-семантического анализа материала выявлены границы варьирования паремий и типы их преобразований, дискурс-анализ контекстов употребления позволил определить современный денотативный диапазон паремий, их функции в различных сферах коммуникации. Процедуры историко-этимологического анализа в сочетании с приемами лингвокультурологического и лингвоаксиологического анализа были направлены на выявление культурно-исторического фона паремий и особенностей их переосмысления в современной социокультурной ситуации, в том числе формирования и эволюции оценочных коннотаций.

В статье также представлены результаты использования методик лексикографического моделирования, воплотившиеся в словарных разработках авторов, и намечены перспективы лексикографического развития темы. Таким образом, реализовано комплексное представление паремиологического образа восточного мира и взаимодействия России с этим миром.

Результаты и обсуждение

Восток в русской паремиологической ретроспективе и новых образных ассоциациях

Интерес к восточным культурам, религиозно-философским концепциям, очарование авторов красотой и экзотикой Востока, отмеченные исследователями в художественных текстах XIX – начала XX в. [Алексеев, 2013; 2014; Мулахи, Ельцова, Пинаев, 2021], абсолютно не характерны для пословиц, появившихся гораздо раньше в народной среде. Само

понятие «Восток» как геокультурное пространство, судя по материалам словарей народной речи (ДС; СРНГ) и сборников пословиц (ДП; МНН), отсутствует в народной паремиологии. Здесь упоминается *заморье* – далекая, неизвестная, заморская сторона. Человека, прибывшего оттуда, называют *гостем-заморянином*, а его рассказы, как и «байки» побывавших за морем соотечественников, обрастающие удивительными подробностями, воспринимаются с недоверием, иронией, снисхождением: *Добро заморскому гостю врать (хвастать); Добро тому врать, кто за морем бывал*. Можно предположить, что в формировании пословичного образа заморья, заграницы не последнюю роль сыграли народные представления именно о восточных землях, которые уже с XII в. привлекали паломников, купцов, путешественников [Пачкалов, 2009; Сайнбаяр, 2019], тогда как события Средневековья в западном (балтийском) приморском и «заморском» регионах чаще упоминаются в источниках в военно-стратегическом контексте [Волков, 2021; Селезнёв, 2021], а тихоокеанское «заморье» в те времена еще и не появилось на картах [Захаренко, 1992].

Текст пословиц свидетельствует о том, что речь в них идет о теплых, заморских землях (*Все птицы за море полетели, а мы на тоску остаёмся*), но значимость этой климатической характеристики заморья снижается при пословичной реализации аксиологемы ‘на Родине лучше, чем на чужбине’: *За морем теплее, а на Родине сердцу веселее; За морем теплее, а дома (у нас) веселее*. Если кто-то все же не прочь отправиться в заморские земли, то на этот случай имеется предупреждение (*Многие за море покушались, да не все домой воротились*) и совет не выходить из зоны домашнего комфорта (*Хвали заморье, на печи сидючи; Хвали заморье, а сиди дома*).

Создаются и паремиологические пародии на «фейковую» информацию о заморской реальности: *Дёшевы за морем коровы, дороги мухи; за муху с мушонком дают корову с телёнком (мушонок – ‘детёныш мухи’)*. Мудрый совет не гнаться за заморской дешевизной (*За морем телушка – полушка (корова по деньге), да рубль перевоз*) дополняется аксиологическим аргументом: свое лучше

чужого, заморского – *Домашний телёнок лучше заморской коровы*.

Отражен пословицами и реальный опыт контакта русских с восточными цивилизациями, в частности с монголо-татарскими завоевателями. Небольшой перечень пословиц и поговорок, рассматриваемых в этой связи российскими и зарубежными исследователями (*Незванный гость хуже татарина; В татарских очах нет проку; Как Мамай прошел; Мамаево побоище*) [Гузенина, 2011, с. 213; Med, 2020, р. 217], дополним паремиями, запечатлевшими факты противостояния монголо-татарам: *Постой, татарин: дай саблю выхватить (отточить)* (ДП, т. 2, с. 62); *Учи казачьего сына на коня садиться да с татарами биться*. Кубан. (‘об опытном человеке, которому не нужны ничьи советы’) (МНН, с. 895).

Долгие годы тесных межкультурных контактов позволили русским сделать оценочные заключения о характере, поведении, обычаях татар: *Татарин либо насквозь хорош, либо насквозь мошенник* (ДП, т. 1, с. 272); *Старших и в Орде почитают* (ДП, т. 1, с. 193, 276); *Вам, татарам, все даром* (ДП, т. 2, с. 154); *Нам, татарам, лишь бы даром* (МНН, с. 899). Пословицы свидетельствуют об успешном осуществлении межкультурного общения: русские посещают татарские территории, полученные там свежие новости передают односельчанам, что отражает прототип пословицы *Иван был в Орде, а Марья вести сказывает* (ДП, т. 2, с. 160). Совершаются международные торговые операции: татарам, в частности, продают домашний скот, отсюда – шуточные предупреждения: *Не трясси головой как упрямая кляча, татарам продадим!; Не верти головою, как бешеная овца, не продали б татарам!; Не храни, татарам продадим!* (ДС, т. 2, с. 640; т. 4, с. 564).

Паремиологический след, оставленный в русском языке контактами с турками, не столь заметен, но не менее значим в лингвокультурологическом плане. Военный характер таких контактов (средневековые русско-турецкие войны) определяет тематику и образность пословиц и поговорок. Сопоставление боевой подготовки турок и русских явно не в пользу первых: *Турки валяются (падают) как чурки, а наши, слава Богу, стоят безголо-*

вы (МНН, с. 917). Причудливая форма турецкого холодного оружия стала мотивирующим признаком устойчивых сравнений, используемых вне военной сферы, в том числе в жаргонизированной разговорной речи, что отражают пометы в словарных статьях:

Кривой как турецкий ятаган. Разг. Шутл. О кривых, дугообразных предметах. < Ятаган – большой кривой турецкий кинжал (БСРНС, с. 780).

Кривой как турецкая сабля. Разг., жарг. Шутл.-ирон. Об очень пьяном человеке. < Кривой – жарг. ‘пьяный’ (БСРНС, с. 588).

В поле зрения креативных создателей фразеологических неологизмов попадают и современные реалии социально-политической сферы, которые становятся образными стержнями оборотов, построенных на метафорических ассоциациях или созданных по модели:

Пояс шахида. Жарг. Шк. Шутл. Школьный ранец, рюкзак. < Ассоциации по внешнему сходству и воображаемой функции с поясом террориста-смертника; оборот активизировался на фоне сообщений о готовящихся взрывах в школах (БСРП, с. 530).

Позвонить Бен Ладену *¹. Жарг. Мол. Шутл. Выйти по нужде. (Запись 2012 г.). < Ср. в этом же значении – *позвонить Виталику (Джону, шефу)* (БСРП, с. 88, 190, 750).

Тенденция, прямо противоположная показанной выше (фразеобразование на базе восточных образных мотивов), – это основанный на языковой игре перевод восточного подтекста паремии на глубинный уровень аллюзии в акте шутливой трансформации паремии, например, с образованием рифмопары варьируемых компонентов: *Незванный гость хуже татарина* → *Незванный гость хуже Гагарина: марсианская народная мудрость* (За-

пись 2018 г.); *Незванный гость хуже Гагарина: на МКС и так тесновато* (Запись 2020 г.).

Помимо этих фантастических космических ситуаций трансформы древней паремии, также лишённые формального восточного компонента, фиксируют события последних лет, включают актуальные для современных представителей русской лингвокультуры имена героев и «антигероев»: *Незванный гость хуже Панарина: Восточная конференция НХЛ* (Запись 2022 г.; А. Панарин – хоккеист клуба «Нью-Йорк Рейнджерс», входит в десятку лучших бомбардиров НХЛ); *Незванный гость хуже Кокорина* (Запись 2018 г.; А. Кокорин – скандально известный футболист, в 2018–2019 гг. отбывавший тюремное наказание за драку). Обращение к теме пандемии коронавируса и деятельности террористических группировок возвращает некоторым шутливо-ироническим вариациям пословицы «восточный колорит»: *Незванный гость хуже Аль-Каиды* *²; *Незванный гость хуже ИГИЛовца* *³; *Незванный гость хуже уханьского* (Записи 2012–2022 гг.).

Таким образом, отраженная пословицами история взаимодействия русских с восточным миром и паремиологическая картина становления геокультурного образа Востока в житейском сознании русского человека прослеживаются большей частью в историческом, архаизированном фрагменте русского паремиологического фонда. По данным словаря живых русских пословиц (Мокиенко) и материалам интернет-коммуникации, лишь одна из рассмотренных выше паремий (*Незванный гость хуже татарина*) не потеряла актуальности, в большинстве контекстов используется в исходном значении (‘о человеке, пришедшем в гости без приглашения или не вовремя’ (Мокиенко, с. 72) и все чаще в актах трансформации наполняется новым социокультурным содержанием, в том числе и с восточным акцентом, который определяется скорее экстралингвистическими факторами, чем

*¹ Включен в Перечень физических лиц, связанных с терроризмом или с распространением оружия массового уничтожения, составляемый в соответствии с решениями Совета Безопасности ООН.

*² «Аль-Каида» – террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

*³ ИГИЛ – террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

ассоциативной связью *татарин* → *восток*. По данным Информационной системы когнитивных экспериментов (thesaurus.ru), среди 78 реакций на слово-стимул *татарин*, полученных от респондентов в возрасте от 18 до 100 лет, представляющих 30 профессий, не зафиксировано ни одной реакции *восток* (Сиренко).

**Восток – дело тонкое:
социокультурные интерпретации
XXI века**

Не менее ценен для лингвосоциокультурологических исследований материал новых паремий XX в., в большинстве своем – крылатых фраз, источником которых стали кинофильмы и книги, неопаремий XXI в., заимствованных из английского языка, визуализирующихся при помощи мемов и распространяющихся в соцсетях [Зиновьева, 2021, с. 226], а также исконных неопословиц, восходящих к сфере рекламы, политической риторики и другим современным текстам [Маслова, 2014, с. 83]. В социально-политическом контексте определенных событий и фактов, мотивировавших их появление, рассматривается функционирование таких паремий в медиатексте – основной сфере их реализации [Lomotey, Csajbok-Twerefou, 2021; Musolff, 2021].

Мы также обратились к медиаматериалам, чтобы зафиксировать новые восточно маркированные паремии, по результатам их лингвокультурологического и лингвоаксиологического анализа сделать выводы о динамических процессах в языковом отображении и эмотивно-оценочной интерпретации восточных реалий и уточнить направления эволюции геокультурного образа Востока в русской лингвокультуре, наметившиеся в представленном выше описании исконных паремий. В медиадискурсе последних 10 лет нам удалось зафиксировать единичные употребления устойчивых фраз с восточным культурным компонентом, восходящих к песенным текстам XX в. (*Если б я был султан* – слова песни на стихи Л. Дербенева из кинофильма «Кавказская пленница», реж. Л. Гайдай, 1967 г.; *Хорошо жить на востоке* – из одноименной песни бардов Сергея и Татьяны Никитиных, 1968 г.). На этом фоне осо-

бенно очевидной стала масштабная паремиологическая экспансия содержательно емкого и аксиологически неоднозначного крылатого выражения *Восток – дело тонкое*. Сотни употреблений этой паремии зафиксированы нами в интернет-коммуникации и живой речи, десятки употреблений – в научных статьях по социологии, политологии, истории, философии, экономике. Трансформационный потенциал и денотативный диапазон этого выражения обеспечивает такой объем его реализаций, который в количественном отношении сопоставим с материалом отобранных для анализа исконных паремий. Этим объясняется наше решение ограничиться в данной части исследования этой паремией и ее производными.

Фразу *Восток – дело тонкое* произносит красноармеец Федор Сухов – герой фильма «Белое солнце пустыни» (реж. В. Мотыль, 1970 г.). Как отмечает В.С. Глаголев, изначально фраза отсылает зрителей к тому историческому периоду (20-е г. XX в.), когда продвижение идеи «советского Востока» столкнулось с многочисленными сложностями межкультурной коммуникации, с бесчисленными ловушками и осложнениями ключевых направлений советской внешней политики [Глаголев, 2019, с. 70]. Определенные сложности во взаимоотношениях России со странами Востока, как и хорошо осознаваемая стратегическая важность этих взаимоотношений, характерны и для современной геополитической ситуации, не случайно именно в социально-политическом контексте паремия *Восток – дело тонкое* представлена в большинстве реализаций.

Медиаматериалы под таким заголовком дают возможность проследить в содержательном наполнении оборота оценку культурно-исторических и геополитических процессов, реалий восточного мира и взаимодействия с ним с позиций политической и экономической прагматики XXI века. *Восток – дело тонкое* в современной медиаинтерпретации – это и сложные межплеменные отношения, например, в Афганистане, и деятельность террористических группировок, и последствия иностранного военного присутствия, которые не позволяют уверенно прогнозировать развитие событий и четко определять перспекти-

вы сотрудничества с новой властью (подзаголовок статьи подчеркивает неопределенность: «Восток – дело тонкое: чего ждать от талибов *4?») (Дорошенкова).

На паремийных бинамах (*Восток – Запад, тонкий – толстый*) строят свои трансформации пользователи информационно-развлекательного портала «Спрашивалка» (sprashivalka.com), задающие вопрос и формулирующие различные по эмотивной оценочности ответы (от резкого неодобрения в аксиологическом противопоставлении до лингвоориентированной шутки): *Восток – дело тонкое, а Запад какое? – Запад – противоположно, значит – толстое, там больше половины страдают ожирением...* (Влад). *Восток – дело тонкое, а Запад ...? – Скользкое* (Тамара С.); *Развратное* (Жасмин); *Грязное* (Сергей Б.); *Тухлое* (Алекс В.). Возможно, к таким ответным реакциям пользователей приводит не только интуитивное следование законам паремиологического моделирования в формате бинама, но и включение аксиологической оппозиции «свое – чужое», где Восток при всей его специфике оказывается ближе к первому из обозначенных параметров (ср. также размышления литературоведов и философов о положительном образе Востока, о русском ориентализме как дискурсе национального самоопределения и самоидентификации [Алексеев, 2014; Суворов, 2015]).

Трансформационный потенциал выражения *Восток – дело тонкое* позволяет политическим аналитикам, бизнесменам и обычным пользователям соцсетей ввести в паремиологические заголовки своих постов пространственные координаты точек притяжения особого интереса, озабоченности россиян в связи с решением первоочередных задач во взаимодействии с Востоком.

Прежде всего это Ближний Восток, который продолжает оставаться горячей точкой планеты. Замена ключевого компонента паремии соответствующим макротопонимом – одна из частотных трансформаций выражения. Заголовок *Ближний Восток – дело тонкое*, как правило, избирается авторами, рассматривающими целый комплекс проблем, среди которых

борьба с ИГИЛ, положение в Сирии и сложные взаимоотношения стран-соседей по региону.

Подзаголовок статьи, конкретизирующий тему, и лид, представляющий основную идею материала, могут и более точно определять пространственную локализацию авторского интереса (в следующих примерах – это Израиль, Иран): *Ближний Восток – дело тонкое: ракеты сбиваем, но газ добываем. Ракетные атаки на Израиль не остановят добычу газа* (Круглей); *Ближний Восток – дело тонкое: какие победы одержал Иран в геополитическом закулисье* (Ванескегян).

Часто авторы выносят географические координаты реализации формулы *Восток – дело тонкое* на уровень варьирования топонимического компонента паремии. *Иран – дело тонкое; Ирак – дело тонкое; Вьетнам – дело тонкое; Афган – дело тонкое* – под такими заголовками на порталах СМИ (mk.ru; portal-kultura.ru; e-news.su; redstar.ru; KolokolRussia.ru; islamnews.ru и др.) размещены материалы общественно-политической проблематики, представляющие анализ давних и недавних военных конфликтов, особенностей внутри- и внешнеполитического курса государств, возможностей усиления влияния России в странах региона.

Практически «вне политики» оказался самый частотный вариант паремии: *Китай – дело тонкое* (70 % от 395 зафиксированных в Интернете трансформаций рассматриваемой паремии). Приведем лишь некоторые заголовки и фрагменты постов, которые представляют различные смысловые реализации трансформированной паремии и раскрывают содержание характеризующего страну сочетания – *дело тонкое: Китай – дело тонкое, или особенности национального мышления* (название раздела «Магазеты» – популярного коллективного блога о Китае Magazeta.com); *Китай – дело тонкое. Большинство туристов относятся к Китаю как к непонятной и экзотической стране, полной тайн и опасностей* (заголовок и лид поста в разделе «Туризм» на информационном портале Web-3.ru); *Китай – дело тонкое: как декорировать интерьер в стиле шинуазри* (на-

*4 «Талибан» – террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

звание поста на контентной платформе Dzen.ru) и др.

Примерно в этих же не затрагивающих политическую сферу направлениях народным сознанием осмысливается и исходная паремия: народная медицина (*Восток – дело тонкое* – название группы сторонников восточной медицины в соцсети «ВКонтакте»); философия (*Восток – дело тонкое: «Тот, кто пытается создать порядок, создаст лишь беспорядок», – Лао-Цзы* – название ветки форума «Обо всем» на портале MFD.RU); семейные отношения (*Восток – дело тонкое: Психология восточных мужчин* – рубрика на сайте знакомств Teato); традиционная пища (*Загадки удовольствия, или Восток – дело тонкое* – подборка рецептов восточной кухни на портале Информационного агентства Нижнего Тагила) и т. п. Кулинарная тема, явно преобладающая в таких интерпретациях, воплощается уже с формально-семантическим преобразованием оборота в названиях заведений фуд-индустрии (ресторан восточной кухни «*Дело тонкое*» в Москве, восточный стритфуд «*Дело тонкое*» в Екатеринбурге) и кулинарных каналов в Интернете: *Восток – дело вкуса*; *Восток – дело сладкое* (каналы на контентной платформе Dzen.ru).

Таким образом, реализованный и реализуемый номинаторами практически неограниченный трансформационный потенциал самой популярной современной восточно ориентированной русской паремии позволяет говорить о возможности рассмотрения совокупности ее семантических интерпретаций и структурно-семантических трансформаций как единого паремиологического гнезда и о целесообразности создания полноценного «Словаря одной паремии», который представит современный «монопаремический» восточный текст с историко-этимологическим и социокультурологическим комментированием исходного выражения *Восток – дело тонкое* и сотен употреблений оборота и его трансформов применительно к широкому кругу ситуаций, процессов, тенденций в социально-политической и обиходно-бытовой сферах. Это перспективное направление в развитии темы предполагает системную лексикографическую репрезентацию понятийно-содержательного

компонента современного восточного паремиологического текста и экспликацию скрытых смыслов и оценочных коннотаций паремиологического подтекста, формирующих геокультурный образ Востока в языковом сознании наших современников.

Заключение

На данный момент можно констатировать выход из употребления большей части ориентально маркированных паремий, зафиксированных в сборниках XVII–XX вв. и отражающих свойственный житейскому сознанию размытый образ заморских, возможно восточных, теплых стран и реальные контакты русских с народами Востока: военные конфликты с турками, вооруженные столкновения и бытовые контакты с монголо-татарами. Единственная активно функционирующая в настоящее время восточно ориентированная исконная паремия – *Незванный гость хуже татарина* – теряет свой ориентальный подтекст и становится объектом языковой игры, обеспечивающей реализацию новых речевых смыслов применительно к новым тематическим сферам (спорт, космос, здравоохранение и др.). Таким образом, происходит «демилитаризация» и «демифологизация» образа Востока, отраженного исконными паремиями в обиходно-бытовом сознании россиян, усиливаются утилитарно-прагматические аспекты пословичной интерпретации восточного мира.

В современных паремиях (они представлены многочисленными производными крылатого выражения *Восток – дело тонкое* в социальных сетях, блогах, живой речи) восточный мир становится более определенным географически, более привлекательным для взаимодействия (сфера туризма, медицины, индустрии питания, дизайна и т. п.), в то время как использование паремии и ее трансформов в новостных и аналитических медиаматериалах по-прежнему связано с темами конфликтов, напряженности, сложных межгосударственных отношений на Востоке, но в большей степени, чем когда-либо, нацелено на отражение проблематики сотрудничества со странами этого беспокойного региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00141 «Идеографический словарь русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

The study is funded by the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00141 «Ideographic Dictionary of Russian Phraseological Neology: Dynamics of Language and Thought», implemented at St. Petersburg State University).

² В статье не рассматриваются пословицы народов Востока, известные в разных языках, в том числе в русском (*собака лает, а караван идет* и т. п.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев П. В., 2013. Восточный текст в поэтике М.Ю. Лермонтова // Вестник Томского государственного университета. № 374. С. 7–10.
- Алексеев П. В., 2014. Восточный текст русской литературы и спор о «русском ориентализме» // Диалог культур: поэтика локального текста : сб. ст. Горно-Алтайск : Гор.-Алт. гос. ун-т. С. 85–92.
- Алексеев П. В., 2016. Восток в творческом сознании Ф.М. Достоевского периода Крымской войны // Имагология и компаративистика. № 1 (5). С. 30–43. DOI: 10.17223/24099554/5/2
- Волков В. А., 2021. Русско-шведские войны и столкновения на Балтийском море и побережье в XI–XII вв. // Гуманитарные исследования Центральной России. № 4 (21). С. 19–24. DOI: 10.24412/2541-9056-2021-4-19-24
- Глаголев В. С., 2019. Концептуализация понятия «бытовой ориентализм» в России: стереотипы и прототипы // Гуманитарный вектор. Т. 14, № 4. С. 68–75. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-68-75
- Гузенина С. В., 2011. К вопросу о формировании образа Востока в России // Теория и практика общественного развития. № 2. С. 112–115.
- Захаренко И. А., 1992. Развитие крупномасштабного картографирования на Дальнем Востоке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7, Геология и География. Вып. 1. С. 56–64.
- Зиновьева Е. И., 2021. Актуальные процессы в образовании неопаремий русского языка // Функциональная грамматика: теория и практика : сб. ст. Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т. С. 225–230.
- Маслова В. А., 2014. Новые русские пословицы: когнитивный и лингвокультурологический аспекты // Вестник Новгородского государственного университета. № 77. С. 81–84.
- Мулахи С., Ельцова Е. Н., Пинаев С. М., 2021. Топос Египта в поэзии Серебряного века // Научный диалог. № 5. С. 237–255. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-237-255
- Пачкалов А. В., 2009. О нижневолжских топонимах «Хожения за три моря» Афанасия Никитина // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (37). С. 85–86.
- Пржиленский В. И., 2021. Образ Востока в системах мышления и структурах социального действия // Вопросы философии. № 6. С. 54–64. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-6-54-64
- Сайнбаяр В., 2019. Лексические заимствования как жанрово-стилевая особенность «хождений» в русском языке // Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве : сб. ст. Элиста : Калмыц. гос. ун-т. С. 127–132.
- Селезнёв Ю. В., 2021. Из похода «придоша новгородци с князем Олександром вси здорови». Русско-шведские конфликты в XIII столетии // Военно-исторический журнал. № 8. С. 4–13.
- Суворов В. В., 2015. Положительный образ Востока и национально-культурная идентичность в России (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник Поволжского института управления. № 6 (51). С. 95–101.
- Шулежкова С. Г., 2019. Русские и болгарские фразеологические неологизмы как объект словарного описания // Научный диалог. № 9. С. 173–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-173-189
- Янь М., 2019. Традиции русского ориентализма в творчестве В. Пелевина // Научное мнение. № 9. С. 76–82. DOI: 10.25807/РВН.22224378.2019.9.76.82
- Burgers Ch., Renardel de Lavalette K., Steen G., 2018. Metaphor, Hyperbole, and Irony: Uses in Isolation and in Combination in Written Discourse // Journal of Pragmatics. Vol. 127. P. 71–83. DOI: 10.1016/j.pragma.2018.01.009
- Lomotey B. A., Csajbok-Twerefou I., 2021. A Pragmatic and Sociolinguistic Analysis of Proverbs Across Languages and Cultures // Journal of Pragmatics. Vol. 182. P. 86–91. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.06.014
- Med N., 2020. Cultural Code in Russian Phraseology and Paremiology // Paremia. № 30. P. 215–224.
- Mokienko V. M., 2020. České ekvivalenty nové ruské frazeologie // Bohemistika. Vol. 2. S. 217–231. DOI: 10.14746/bo.2020.2.6
- Mokienko V. M., 2019. Russian Paremiology in the Linguistic and Cultural Space // Paremia. № 28. P. 199–222.

- Musolff A., 2021. Hyperbole and Emotionalisation: Escalation of Pragmatic Effects of Proverb and Metaphor in the “Brexit” Debate // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 25, № 3. P. 628–644. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-628-644
- Sevilla Muñoz J., 2017. El refranero hoy // *Paremia*. Vol. 26. P. 229–237.
- Ye S., Ma Z., Ng T.K., Lu E. Y., 2018. Chinese Proverb Scale: Development and Validation of an Indigenous Measure of Chinese Traditional Values // *Asian Journal of Social Psychology*. Vol. 21, № 3. P. 156–177. DOI: 10.1111/ajsp.12217

ИСТОЧНИКИ

- Ванескегян* – Ванескегян А. Ближний Восток – дело тонкое: какие победы одержал Иран в геополитическом закулисье. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20190103/blizhnij-vostok-delo-tonkoe-kakie-pobedy-oderzhal-iran-v-geopoliticheskom-zakulise-16573047.html>
- Дорошенкова* – Дорошенкова Е. Дело тонкое. Что ждать от талибов: прогноз ветерана афганской войны. URL: https://bryansk.aif.ru/society/delo_tonkoe_chno_zhdet_ot_talibov_prognoz_veterana_afganskoj_voyny
- Круглей* – Круглей И. Война на Ближнем Востоке – дело тонкое: ракеты сбиваем, но газ добываем. URL: <https://oilcapital.ru/article/general/25-05-2021/voyna-na-blizhnem-vostoke-delo-tonkoe-rakety-sbivaem-no-gaz-dobyvaem>
- Dzen.yandex* – Китай – дело тонкое: как декорировать интерьер в стиле шинуазри? // *Zen.yandex*. URL: https://zen.yandex.ru/media/yapokupayu_dom/kitai—delo-tonkoe-kak-dekorirovat-interer-v-stile-shinuazri-5e1871faf73d9d00b0713855
- Magazeta.com* – Китай – дело тонкое, или особенности национального мышления // *Magazeta.com*. URL: <https://magazeta.com/china-delicate>
- Web-3.ru* – Китай – дело тонкое // *Web-3.ru*. URL: https://web-3.ru/china/chigeninfo/chinaprov/?act=full&id_article=1813

СЛОВАРИ

- БСРНС* – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
- БСПП* – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. 784 с.
- ДП* – Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. М. : Худож. лит., 1984. 2 т.

- ДС* – Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка : в 4 т. М. : ГИС, 1955. 4 т.
- Мокиенко* – Мокиенко В. М. Школьный словарь живых русских пословиц. СПб. : Нева, 2002. 352 с.
- МНН* – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
- Сиренко* – Сиренко А. В. Русский ассоциативный словарь // Информационная система когнитивных экспериментов. URL: <http://thesaurus.ru/dict>
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52 / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Л. ; СПб. : Наука, 1965–2021.
- Walter, Mokienko* – Walter H., Mokienko V. Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2002. 153 p.

REFERENCES

- Alekseev P.V., 2013. Vostochnyy tekst v poetike M.Yu. Lermontova [Oriental Text in the Poetics of M.Yu. Lermontov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 374, pp. 7-10.
- Alekseev P.V., 2014. Vostochnyy tekst russkoy literatury i spor o «russkom orientalizme» [Russian Literature’s Oriental Text and the Dispute About “Russian Orientalism”]. *Dialog kultur: poetika lokalnogo teksta: sb. st.* [Dialogue of Cultures: The Poetics of a Local Text. Collection of Articles]. Gorno-Altaysk, Gor.-Alt. gos. un-t, pp. 85-92.
- Alekseev P.V., 2016. Vostok v tvorcheskoy soznanii F.M. Dostoevskogo perioda Krymskoy voyny [The East in the Creative Consciousness of F.M. Dostoevsky During the Crimean War]. *Imagologiya i komparativistika* [Imagology and Comparative Studies], no. 1 (5), pp. 30-43. DOI: 10.17223/24099554/5/2
- Volkov V.A., 2021. Russko-shvedskie voyny i stolkoveniya na Baltijskom more i poberezhye v XI–XII vv. [Russian-Swedish Wars and Clashes on the Baltic Sea and the Coast in the 11th – 12th Centuries]. *Gumanitarnye issledovaniya Tsentralnoy Rossii* [Humanities Researches of the Central Russia], no. 4 (21), pp. 19-24. DOI: 10.24412/2541-9056-2021-4-19-24
- Glagolev V.S., 2019. Kontseptualizatsiya ponyatiya «bytovoi orientalizm» v Rossii: stereotipy i prototipy [Conceptualization of the Concept of “Everyday Orientalism” in Russia: Stereotypes and Prototypes]. *Gumanitarnyi vector* [Humanitarian Vector], vol. 14, no. 4, pp. 68-75. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-68-75

- Guzenina S.V., 2011. K voprosu o formirovanii obraza Vostoka v Rossii [On the Question of the Formation of the Image of the East in Russia]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], no. 2, pp. 112-115.
- Zakharenko I.A., 1992. Razvitie krupnomasshtabnogo kartografirovaniya na Dalnem Vostoke [Development of Large-Scale Mapping in the Far East]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 7. Geologiya i Geografiya* [Vestnik of St. Petersburg University], iss. 1, pp. 56-64.
- Zinovyeva E.I., 2021. Aktualnye protsessy v obrazovanii neoparemiy russkogo yazyka [Current Processes in the Formation of Neoparemiias in the Russian Language]. *Funktionalnaya grammatika: teoriya i praktika: sb. st.* [Functional Grammar: Theory and Practice. Collection of Articles]. Cheboksary, Chuvash. gos. ped. un-t, pp. 225-230.
- Maslova V.A., 2014. Novye russkie posloviцы: kognitivnyy i lingvokulturologicheskiy aspekt [New Russian Proverbs: Cognitive and Linguoculturological Aspects]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Novgorod State University], no. 77, pp. 81-84.
- Mulakhi S., Eltsova E.N., Pinaev S.M., 2021. Topos Egipta v poezii Serebryanogo veka [Topos of Egypt in the Poetry of the Silver Age]. *Nauchnyi dialog*, no. 5, pp. 237-255. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-237-255
- Pachkalov A.V., 2009. Onizhnevolzhskikh toponimakh «Khozheniya za tri morya» Afanasiya Nikitina [About the Lower Volga Toponyms “Walking Across Three Seas” by Afanasy Nikitin]. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki* [Old Russia. Issues of Medieval Studies], no. 3 (37), pp. 85-86.
- Przhilenskiy V.I., 2021. Obraz Vostoka v sistemakh myshleniya i strukturakh sotsialnogo deistviya [The Image of the East in Systems of Thinking and the Structure of Social Action]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], no. 6, pp. 54-64. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-6-54-64
- Saynbayar V., 2019. Leksicheskie zaimstvovaniya kak zhanrovo-stilevaya osobennost «khozhdeniy» v russkom yazyke [Lexical Borrowings as a Genre and Style Feature of “Walking” in the Russian Language]. *Setevoe vostokovedenie: vzaimodeystvie mongolskikh i tyurkskikh etnosov vo vremeni i v prostranstve: sb. st.* [Network Oriental Studies: Interaction of Mongolian and Turkic Ethnic Groups in Time and Space. Collection of Articles]. Elista, Kalmyts. gos. un-t, pp. 127-132.
- Seleznev Yu.V., 2021. Iz pokhoda «pridosha novgorodtsi s knyazem Oleksandrom vsi zdorovi». Russko-shvedskie konflikty v XIII stoletii [From the Campaign “the Novgorodians Came with Prince Alexander All Healthy”. Russian-Swedish Conflicts in the 13th Century]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal* [Military History Magazine], no. 8, pp. 4-13.
- Suvorov V.V., 2015. Polozhitelnyy obraz Vostoka i natsionalno-kulturnaya identichnost v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Positive Image of the East and National-Cultural Identity in Russia (The Second Half of the 19th – The Beginning of the 20th Century)]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], no. 6 (51), pp. 95-101.
- Shulezhkova S.G., 2019. Russkie i bolgarskie frazeologicheskie neologizmy kak obyekt slovarnogo opisaniya [Russian and Bulgarian Phraseological Neologisms as an Object of Dictionary Description]. *Nauchnyi dialog*, no. 9, pp. 173-189. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-173-189
- Yan M., 2019. Traditsii russkogo orientalizma v tvorchestve V. Pelevina [Traditions of Russian Orientalism in the Works of V. Pelevin]. *Nauchnoe mnenie* [The Scientific Opinion], no. 9, pp. 76-82. DOI: 10.25807/PBH.22224378.2019.9.76.82
- Burgers Ch., Renardel de Lavalette K., Steen G., 2018. Metaphor, Hyperbole, and Irony: Uses in Isolation and in Combination in Written Discourse. *Journal of Pragmatics*, vol. 127, pp. 71-83. DOI: 10.1016/j.pragma.2018.01.009
- Lomotey B.A., Csajbok-Twerefou I., 2021. A Pragmatic and Sociolinguistic Analysis of Proverbs Across Languages and Cultures. *Journal of Pragmatics*, vol. 182, pp. 86-91. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.06.014
- Med N., 2020. Cultural Code in Russian Phraseology and Paremiology. *Paremia*, no. 30, pp. 215-224.
- Mokienko, V. M., 2020. České ekvivalenty nové ruské frazeologie. *Bohemistyka*, vol. 2, s. 217-231. DOI: 10.14746/bo.2020.2.6
- Mokienko V.M., 2019. Russian Paremiology in the Linguistic and Cultural Space. *Paremia*, no. 28, pp. 199-222.
- Musolf A., 2021. Hyperbole and Emotionalisation: Escalation of Pragmatic Effects of Proverb and Metaphor in the “Brexit” Debate. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 25, no. 3, pp. 628-644. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-628-644
- Sevilla Muñoz J., 2017. El refranero hoy. *Paremia*, vol. 26, pp. 229-237.
- Ye S., Ma Z., Ng T.K., Lu E.Y., 2018. Chinese Proverb Scale: Development and Validation of an

Indigenous Measure of Chinese Traditional Values. *Asian Journal of Social Psychology*, vol. 21, no. 3, pp. 156-177. DOI: 10.1111/ajsp.12217

Kitai – delo tonkoe [China Is a Delicate Matter]. *Web-3.ru*. URL: https://web-3.ru/china/chigeninfo/chinaprov/?act=full&id_article=1813

SOURCES

- Vaneskegyan A. *Blizhnii Vostok – delo tonkoe: kakie pobedy oderzhal Iran v geopoliticheskom zakulisye* [The Middle East Is a Delicate Matter: What Victories Iran Has Won in the Geopolitical Backstage]. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20190103/blizhnij-vostok-delo-tonkoe-kakie-pobedy-oderzhal-iran-v-geopoliticheskom-zakulise-16573047.html>
- Doroshenkova E. *Delo tonkoe. Chto zhdet ot talibov: prognoz veterana afganskoi voiny* [It's a Delicate Matter. What to Expect from the Taliban: The Forecast of an Afghan War Veteran]. URL: https://bryansk.aif.ru/society/delo_tonkoe_chno_zhdet_ot_talibov_prognoz_veterana_afganskoy_voyny
- Kruglei I. *Voyna na Blizhnem Vostoke – delo tonkoe: rakety sbivaem, no gaz dobyvaem* [The War in the Middle East Is a Delicate Matter: We Shoot Down Missiles, but We Extract Gas]. URL: <https://oilcapital.ru/article/general/25-05-2021/voynana-blizhnem-vostoke-delo-tonkoe-rakety-sbivaem-no-gaz-dobyvaem>
- Kitai – delo tonkoe: kak dekorirovat interer v stile shinuazri? [China Is a Delicate Matter: How to Decorate an Interior in Chinoiserie Style?]. *Dzen.yandex*. URL: https://zen.yandex.ru/media/yapokupayu_dom/kitai—delo-tonkoe-kak-dekorirovat-interer-v-stile-shinuazri-5e1871faf73d9d00b0713855
- Kitai – delo tonkoe, ili osobennosti natsional'nogo myshleniia [China Is a Delicate Matter, or the Peculiarities of National Thinking]. *Magazeta.com*. URL: <https://magazeta.com/china-delicate>

DICTIONARIES

- Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bolshoy slovar russkikh narodnykh sravnenii* [A Large Dictionary of Russian Folk Comparisons]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2008. 800 p.
- Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bolshoy slovar russkikh pogovorok* [A Large Dictionary of Russian Sayings]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2013. 784 p.
- Dal V.I. *Poslovitsy russkogo naroda: v 2 t.* [Proverbs of the Russian People. In 2 Vols.]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1984.
- Dal V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, GIS, 1955.
- Mokienko V.M., 2002. *Shkolnyy slovar zhivykh russkikh poslovits* [School Dictionary of Living Russian Proverbs]. Saint Petersburg, Neva Publ. 352 p.
- Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. *Bolshoy slovar russkikh poslovits* [A Large Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2010. 1024 p.
- Sirenko A.V. *Russkiy assotsiativnyy slovar* [Russian Associative Dictionary]. *Informatsionnaya sistema kognitivnykh eksperimentov* [Information System of Cognitive Experiments]. URL: <http://thesaurus.ru/dict>
- Filin F.P., Sorokoletov F.P., Myznikov S.A., eds. *Slovar russkikh narodnykh govorov. Vyp. 1–52* [Dictionary of Russian Folk Dialects. Iss. 1-52]. Leningrad, Saint Petersburg, Nauka Publ., 1965–2021.
- Walter H., Mokienko V. *Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter*. Greifswald, Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2002. 153 p.

Information About the Authors

Valery M. Mokienko, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Slavic Philology, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russia, mokienko40@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

Tatiana G. Nikitina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Educational Technologies, Pskov State University, Lenina Sq., 2, 180016 Pskov, Russia, cambala2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9006-9738>

Информация об авторах

Валерий Михайлович Мокиенко, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, mokienko40@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор кафедры образовательных технологий, Псковский государственный университет, пл. Ленина, 2, 180016 г. Псков, Россия, cambala2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9006-9738>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.4>

UDC 811.161.1:81'373.43
LBC 81.411.2-32

Submitted: 22.05.2023
Accepted: 01.11.2023

SYSTEMATIC AND FUNCTIONAL ASPECTS OF NEOLOGISMS DENOTING JOB TITLES IN RUSSIAN ¹

Irina V. Fufaeva

HSE University, Moscow, Russia

Olga G. Zgirovskaya

HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of the analysis on neologisms denoting professions (including colloquial and/or representing collocations) obtained through a survey of native speakers of the Russian language, using the method of distributive semantics (RusVectores service) and the language model with artificial intelligence ChatGPT. All three methods for identifying neologisms – the names of professions – were evaluated and compared, both in quantitative terms and in terms of content. The most effective was a survey of native speakers of the Russian language; the least effective was the method of distributive semantics (RusVectores service). Extralinguistic factors in the emergence of new job titles are identified: the appearance of new and intensive development of existing professional fields, their diversification, the influence of another language on professional usage, the need for prestigious modern titles of existing jobs. An active addition of neologisms to a group of vocabulary in the areas of creating and disseminating information and helping practices has been revealed, where the blurring of the boundaries of existing jobs leads to an expansion of the semantic scope of existing job titles, and a large number of designations for narrow specialists appear. For titles of jobs not related to these areas, new synonyms appear less actively. The area associated with information processing is characterized by semantic shifts in the titles already used in the language. Despite the fact that neologisms-borrowings are common in the sphere of profession nomination, they are often replaced by original synonyms, or such synonyms successfully compete with borrowings.

Key words: neologism, synonym, semantics, job titles, dictionary of synonyms, RusVectores, ChatGPT.

Citation. Fufaeva I.V., Zgirovskaya O.G. Systematic and Functional Aspects of Neologisms Denoting Job Titles in Russian. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 1, pp. 42-55. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.4>

УДК 811.161.1:81'373.43
ББК 81.411.2-32

Дата поступления статьи: 22.05.2023
Дата принятия статьи: 01.11.2023

НЕОЛОГИЗМЫ – НАЗВАНИЯ ПРОФЕССИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СИСТЕМНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ¹

Ирина Владимировна Фуфаева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Ольга Геннадьевна Згировская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Аннотация. В статье излагаются результаты анализа обозначающих профессии неологизмов, как зафиксированных, так и не зафиксированных в лексикографических изданиях. Список неологизмов составлен с применением опроса носителей русского языка, дистрибутивного метода, реализованного с помощью сервиса RusVectores, и языковой модели с искусственным интеллектом ChatGPT с

последующей верификацией. Полученные с использованием этих инструментов результаты были подвергнуты количественной и содержательной оценке. Наиболее эффективен опрос носителей языка, наименее эффективен – дистрибутивный метод (сервис RusVectores). Определены экстралингвистические факторы появления новых названий профессий: формирование новых и интенсивное развитие существующих профессиональных сфер, их диверсификация, влияние другого языка на профессиональный узус, потребность в престижных современных наименованиях существующих профессий. Показано, что наиболее активно пополняется неологизмами группа названий профессий в сферах создания и распространения информации и помогающих практик. Установлено, что неологизмы-названия профессий появляются в результате заимствования, актуализации словообразовательных ресурсов русского языка или расширения семантического объема уже существующих в языке номинаций. Исследуемые неологизмы вступают в синонимические и гипо- и гиперонимические отношения с уже существующими номинациями, что исконные синонимы часто вытесняют заимствования или успешно конкурируют с ними.

Ключевые слова: неологизм, синоним, семантика, названия профессий, словарь синонимов, RusVectores, ChatGPT.

Цитирование. Фуфаева И. В., Згировская О. Г. Неологизмы – названия профессий в русском языке: системный и функциональный аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 42–55. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.4>

Введение

Данное исследование выполнено в рамках работы над толково-дискурсивным словарем названий профессий – лексикографическим изданием, содержащим не только толкование значения лексической единицы, но и описание ее употребления в дискурсе (дискурсах). Концепция словаря базируется на следующих принципах: включение наименований профессий в широком смысле слова, то есть названий различных занятий, не обязательно входящих в классификаторы должностей и профессий; включение лексических единиц, принадлежащих к разным стилистическим пластам, в том числе неформальных (например, *пиарщик*, *пожарник*), а также гендерно и оценочно маркированных лексем; комплексное описание названий профессий и их функционирования в разных аспектах (грамматическом, прагматическом, историческом и т. д.).

Комплексное описание лексических единиц предполагает также характеристику парадигматических связей, прежде всего синонимических и гипо- и гиперонимических. Словарная статья содержит соответствующую зону, где указываются не только устоявшиеся синонимы, но и новые, актуальные, современные, еще не зафиксированные в словарях.

Существуют различные определения синонимии. При традиционном подходе под

синонимом понимается «такое слово, которое определено по отношению к своему эквиваленту (к другому слову с тождественным или предельно близким значением) и может быть противопоставлено ему по какой-либо линии: по тонкому оттенку в значении, по выражаемой экспрессии, по эмоциональной окраске, по стилистической принадлежности, по сочетаемости, а следовательно занимает свое место в лексико-семантической системе литературного общенационального языка» [Евгеньева, 2003, с. 11] (см. также: [Бережан, 1967; Брагина, 1986; Евгеньева, 1972; Новиков, 2001]). При этом представления о том, в какой мере содержание знаков должно совпадать, чтобы они считались синонимами, разнятся. Существуют и другие критерии отнесения единиц к синонимам: тождество денотата [Палевская, 1964], взаимозаменяемость [Горнунг, 1965; Звегинцев, 1963; Черемисина, 2004], совпадение формальных и семантических характеристик, например валентностей и частей речи [Апресян, 1995; 2009], смысловая и ассоциативная близость в сознании говорящего [Белов, 2018а; 2018б; Залевская, 2005; Лебедева, 1988; 2002].

Отметим также определение синонимов, которое дает академик Ю.Д. Апресян в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка»: «лексемы, толкования которых, доведенные до уровня семантических примитивов, имеют такую пересекающуюся часть, которая либо больше их суммарных различий

(если рассматриваются две лексемы), либо не меньше, чем их суммарные различия (если рассматривается три и более лексемы)» [Апресян, 2003, с. XLVI]. Для этого необходимо учитывать «вес» каждого семантического примитива, однако на практике это представляется крайне сложной задачей.

Ю.Д. Апресян отмечает, что можно говорить о точных синонимах, если толкования слов полностью совпадают, и неточных синонимах, или квазисинонимах, если они имеют большую общую часть, но не совпадают полностью [Апресян, 1995, с. 235]. Квазисинонимы могут отличаться оттенками значения и/или находиться между собой в родовидовых отношениях. В работе над толково-дискурсивным словарем мы находим и описываем названия профессий, являющиеся как точными синонимами, так и квазисинонимами. В дальнейшем мы используем термин «синоним» в трактовке А.П. Евгеньевой, понимая под ним точные синонимы и квазисинонимы.

Приводимые в словаре синонимы могут быть как традиционными, давно существующими в языке наименованиями, так и единицами, появившимися в XXI в. и обозначающими новые профессии и виды деятельности. Представляется, что фиксация таких неологизмов отражает употребления слова в современном языке и является необходимой для толково-дискурсивного словаря. К проблеме определения неологизмов обращались многие лингвисты [Брагина, 1973; Будагов, 1977; Гак, 1983; Лопатин, 1973; Сенько, 2007]. В данной статье мы опираемся на точку зрения Н.З. Котеловой, которая рассматривает лексические новшества как «слова, значения слов, идиомы, узуально существующие в определенном периоде в определенном языке, подъязыке, языковой сфере и т. д. и не существовавшие в определенном образом ограниченный предшествующий период в том же языке, подъязыке, языковой сфере и т. д.» [Котелова, 1978, с. 14]. Мы включаем в словарь синонимы (а также гипо- и гиперонимы, когипонимы), начавшие употребляться в XXI в. (как зафиксированные, так и не зафиксированные в словарях). Для этих единиц мы используем термин «неосинонимы».

Цель настоящего исследования – нахождение и описание неологизмов, называющих

профессии в системном и функциональном аспектах, а также установление причин появления этих номинаций. Нашими задачами были сбор материала (неологизмов) методом опроса респондентов, дистрибутивным методом, реализованным с помощью сервиса RusVectores, и методом использования языковой модели ChatGPT; сравнительная оценка эффективности этих методов; установление факторов, приводящих к неравномерности появления новых обозначений в разных профессиональных сферах, определение их места в лексической системе русского языка и характеристика некоторых особенностей их функционирования.

Материал и методы

Задача поиска неосинонимов не может быть решена с помощью словарей синонимов, поскольку в большинстве из них синонимические ряды названий профессий в целом представлены незначительно, а неологизмы отсутствуют в силу того, что работа над уже изданными словарями велась в XX в., или в силу подхода, принятого авторами того или иного лексикографического издания. Например, ряд «Парикмахер» в словаре З.Е. Александровой включает, помимо доминанты, 4 единицы, все они являются устаревшими: *тупейный художник*, *брадобрей*, *цирюльник*, *куафёр* (Александрова, с. 318).

Большое количество названий профессий включает только онлайн-словарь с полуавтоматическим пополнением В.Н. Тришина. Однако в этом современном словаре (2013 г.) представлено мало неологизмов. В редких случаях, когда в синонимическом ряду названия профессии присутствует неологизм, он может не обозначать профессию, например, неосиноним *аудиоредактор* (компьютерная программа) в синонимическом ряду «Редактор», так как в этом словаре синонимы приводятся к слову во всех его значениях без разграничения. Кроме того, в словарь В.Н. Тришина попадают не только лексические единицы, но и свободные словосочетания существительного с приложением, если они пишутся через дефис, например, *писатель-антифашист* и даже *профан-редактор* (Тришин).

Таким образом, для нахождения неосинонимов к словам, у которых оно было затруднительным, потребовалось применить другие методы. В качестве основного метода исследования использовался опрос респондентов. Далее мы выявляли неосинонимы с помощью современных цифровых инструментов: сервиса поиска семантических ассоциатов RusVectores и большой языковой модели с искусственным интеллектом ChatGPT, и сравнивали результаты, полученные посредством всех трех источников.

Дистрибутивно-семантическая методика, лежащая в основе работы сервиса RusVectores, основана на дистрибутивной гипотезе: слова, встречающиеся в схожих контекстах, имеют близкие значения; их значения тем ближе, чем чаще слова употребляются в идентичных контекстах. Такие единицы (семантические ассоциаты) выявляются с помощью компьютерного анализа больших данных. Сервис RusVectores осуществляет поиск в следующих корпусах: НКРЯ; НКРЯ, объединенный с Википедией; Тайга; новостной корпус. Ряды семантических ассоциатов к названиям профессий различаются в зависимости от выбранного корпуса текстов и характера деятельности.

ChatGPT не поисковая машина, а модель использования естественного языка, но задача поиска лексических единиц, которые являются частью языка, более естественна для нее, чем поиск информации другого типа. Однако, поскольку она способна не только работать с готовыми лексическими единицами, но и образовывать их, мы проверяли ее ответы с помощью сервиса вакансий HeadHunter и отбирали только те, которые содержались в объявлениях о вакансиях. Если русские названия вакансий отличались от выдачи ChatGPT, мы выбирали их. Например, ChatGPT выдал в качестве синонима к слову *лектор* словосочетание *мастер-класс лектор*, а в вакансиях на сервисе HeadHunter находится единица *ведущий мастер-классов*. Мы также уточняли с помощью HeadHunter обязанности специалистов и семантику названий соответствующих профессий, указанных в опросе и имевшихся в выдаче ChatGPT. Используя сервис RusVectores, мы вели поиск во всех 4 русскоязычных корпусах только среди существительных.

Наиболее эффективным методом поиска неосинонимов стал опрос респондентов с помощью Google Forms. Вопросник был размещен в открытом доступе, ответить мог любой желающий вне зависимости от рода занятий, возраста и других социально-демографических характеристик. В опросе приняли участие 77 человек. Респондентам нужно было ответить на вопросы о связях денотатов 14 слов: *редактор, журналист, пиарщик, писатель, лектор, тренер, певец, парикмахер, модельер, флорист, секретарь, охранник, водитель, летчик*, а также указать, насколько они знакомы с деятельностью человека соответствующей профессии, – во всех случаях большинство опрошенных близко не знакомы с такой деятельностью.

Опрос был посвящен выявлению семантических связей исследуемых названий профессий; мы не просили специально указывать новую, современную лексику, но респонденты часто называли именно такие слова.

Новая лексика, используемая участниками опроса, включает как слова, еще не кодифицированные в словарях, появившиеся в последние годы, иногда не имеющие устоявшегося написания (некоторых заимствованные слова респонденты писали латиницей, что говорит о неполной освоенности слова), так и слова, зафиксированные в словарях XXI в., но не употреблявшиеся ранее, что проверялось нами по словарям, Национальному корпусу русского языка (НКРЯ) и коллекции отсканированных книг Google Books. Часть таких слов имеет разговорную или жаргонную окраску. Среди них есть и слова, возникшие на рубеже XX–XXI вв., но уже переходящие из пласта неологизмов в общеупотребительную лексику, например, *копирайтер, маркетолог*. Кроме того, мы обращали внимание на признаки обретения словами новых значений и новую сочетаемость.

Массив отобранных неологизмов и их количество представлены в таблице (полужирным выделены слова, повторяющиеся в результатах, полученных разными методами, в скобках указано количество повторяющихся единиц, через двоеточие указано, результаты применения каких методик обнаруживают совпадения).

Неологизмы, выявленные с помощью опроса, сервиса дистрибутивной семантики RusVectores и ChatGPT

Neologisms identified by means of the survey, the distributive semantics service RusVectores and ChatGPT

Название профессии	Методика сбора материала			Общее количество несинонимов
	Опрос	RusVectores	ChatGPT	
Пиарщик	Сммщик, смм-менеджер (SMM-менеджер), маркетолог , маркетер, копирайтер , менеджер по рекламе, арт-директор, креативный директор, event-менеджер, блогер , продюсер, PR-менеджер (пиар-менеджер), менеджер, стилист, имиджмейкер , медиатеchnолог, специалист по связям с общественностью , бот, промоутер, таргетолог, рекламный менеджер, медиадизайнер, медийщик, контент-менеджер, политтехнолог – 25	Политтехнолог , имиджмейкер , ньюсмейкер, маркетолог , копирайтер , блогер – 6	PR-специалист, специалист по связям с общественностью (ССО), менеджер по PR, коммуникационный специалист, PR-консультант, медиапланировщик, специалист по маркетинговым коммуникациям, специалист по событийному маркетингу, директор по связям с общественностью, менеджер по коммуникациям, специалист по взаимодействию с блогерами и инфлюенсерами, специалист по внешним коммуникациям, специалист по внутренним коммуникациям, специалист по корпоративным коммуникациям, специалист по кризисным коммуникациям, специалист по коммуникационной стратегии, специалист по медиапланированию – 17	42, в т. ч. маркетолог , копирайтер , имиджмейкер , политтехнолог (4): опрос, RusVectores, специалист по связям с общественностью (1): опрос, ChatGPT
Тренер	Методист, режиссер, методолог – 3	0	Коуч, инструктор, наставник, куратор, тьютор, тренер-консультант, эксперт, практик, фасилитатор, менеджер, тренер по личностному развитию, онлайн-тренер, фитнес-тренер, личный тренер – 14	17
Модельер	Дизайнер , стилист , кутюрье – 3	Дизайнер , стилист , кутюрье , арт-директор – 4	Дизайнер одежды, художник-модельер, кутюрье , фэшн-дизайнер, креативный директор, стилист , графический дизайнер, визуальный мерчендайзер, технический дизайнер, менеджер по разработке коллекций, модный куратор, руководитель дизайн-студии, модный аналитик, модный продюсер – 14	16, в т. ч. стилист , кутюрье (2): опрос, RusVectores, ChatGPT, дизайнер (1): опрос, RusVectores
Журналист	Сторителлер, медийщик, гонзо-журналист, колумнист, блогер , PR-менеджер, рерайтер, SMM-менеджер, копирайтер, сетевой журналист – 10	Блогер – 1	Стрингер, блогер , репортер в социальных медиа, мульти-медийный журналист, веб-журналист – 5	14, в т. ч. блогер (1): опрос, RusVectores, ChatGPT
Редактор	Копирайтер , рерайтер, контент-менеджер , райтер, медийщик, редактор сайта – 6	Колумнист – 1	Редактор контента, контент-менеджер , контент-редактор, редактор блога, редактор социальных медиа, копирайтер – 6	11, в т. ч. копирайтер , контент-менеджер (2): опрос, ChatGPT

Окончание таблицы

End of Table

Название профессии	Методика сбора материала			Общее количество неосинонимов
	Опрос	RusVectores	ChatGPT	
Секретарь	Офис-менеджер – 1	0	Административный ассистент, офис-менеджер , персональный ассистент, секретарь на ресепшн (ресепшионист), помощник в офис, секретарь-консультант, бизнес-администратор, секретарь-администратор, бизнес-ассистент, ассистент руководителя, координатор офиса – 11	11, в т. ч. офис-менеджер (1): опрос, ChatGPT
Парикмахер	Стилист , парикмахер-колорист, колорист, барбер , стилист по волосам – 5	Стилист – 1	Стилист , парикмахер-стилист, фризер, барбер , специалист по окрашиванию волос, эксперт по стайлингу волос, фэшн-стилист – 7	10, в т. ч. стилист (1): опрос, RusVectores, ChatGPT, барбер (1): опрос, ChatGPT
Писатель	Райтер, блогер , копирайтер , фикрайтер, медийщик, рэпер, колумнист – 7	0	Блогер , креативщик, копирайтер , интернет-писатель – 4	9, в т. ч. блогер , копирайтер (2): опрос, ChatGPT
Охранник	Секьюрити , личник, фсошник, чоповец, бодигард – 5	Секьюрити – 1	Охранник-контролер, частный охранник, безопасник, охранник-сопровождающий – 4	9, в т. ч. секьюрити (1): опрос, RusVectores
Лектор	Спикер , тренер (в нов. знач.), коуч, семинарист (в нов. знач.), эксперт (в нов. знач.) – 5	0	Спикер , эксперт (новое значение), мотивационный спикер, ведущий мастер-классов, журналист-комментатор – 5	8, в т. ч. спикер , эксперт (в нов. знач.) (2): опрос, ChatGPT
Флорист	Дизайнер интерьера, ландшафтный дизайнер – 2	Дизайнер – 1	Флорист-декоратор, флорист-продавец, аранжировщик цветов, флорист-дизайнер (фитодизайнер) – 4	7
Певец	Рэпер , бэк-вокалист, диджей – 3	0	Хип-хоп-исполнитель, рэпер – 2	4, в т. ч. рэпер (1): опрос, ChatGPT
Водитель	Маршруточник – 1	0	0	1
Летчик	0	0	0	0

Результаты и обсуждение

Сравнение эффективности методов поиска неосинонимов

Для 14 наименований профессий в данных опроса содержится 76 новых единиц, в выдаче сервиса RusVectores таких единиц 15, в выдаче ChatGPT – 93. В том числе неповторяющихся единиц в данных опроса 55, в выдаче сервиса RusVectores – 4, в выдаче ChatGPT – 74 (см. рис. 1). Таким образом, самым неэффективным способом поиска неосинонимов (новых семантических ассоциатов) названий профессий оказался сервис RusVectores. Неэффективность дистрибутивного метода, реализован-

ного с помощью сервиса RusVectores, на наш взгляд, связана с материалом, на котором дистрибутивно-семантическая модель осуществляет поиск: письменные тексты, большая часть которых прошла редактирование. Это медийные тексты (самый объемный подкорпус НКРЯ – газетный, Новостной корпус в RusVectores, сегмент «Новости» корпуса Тайга) и опубликованная художественная и документальная проза (большая часть основного корпуса НКРЯ, самый объемный сегмент корпуса Тайга – «Литературные тексты»). Представляется, что такие тексты содержат меньше неологизмов, в том числе актуальных и еще не вошедших в словари, чем разговорная речь и язык Интернета.

Однако сервис RusVectors позволил получить синонимы-неологизмы, хотя и меньше, чем остальные методы. Значительно больше таких единиц в данных опроса и выдаче ChatGPT, проверенной и скорректированной по сервису вакансий HeadHunter.

Между результатами опроса и выдачей языковой модели ChatGPT не прослеживается строгой корреляции по количеству неосинонимов для отдельных названий профессий. С помощью обоих методов выявлено, что максимальное количество синонимов содержит ряд «Пиарщик» (25 и 17 единиц соответственно), не выявлено ни одного неосинонима существительного *летчик*. Существенно различаются объемы рядов синонимов-неологизмов для слов *секретарь*, *модельер*, *тренер*. По результатам опроса в порядке убывания представлены *пиарщик*, *журналист*, *писатель*, *редактор*, (*лектор*, *парик-*

махер, *охранник* – эти три ряда имеют одинаковый объем), (*тренер*, *модельер*, *певец* – эти три ряда имеют одинаковый объем), *флорист*, *водитель*, *летчик*. В выдаче ChatGPT в порядке убывания представлены *пиарщик*, (*тренер*, *модельер* – эти 2 ряда имеют одинаковый объем), *секретарь*, *парикмахер*, *редактор*, (*журналист*, *лектор* – эти 2 ряда имеют одинаковый объем), (*писатель*, *охранник*, *флорист* – эти 3 ряда имеют одинаковый объем), *певец*, (*водитель*, *летчик* – эти 2 ряда имеют одинаковый объем); слова с одинаковым количеством неосинонимов даны в скобках. Количественная характеристика результатов представлена на рисунке 2.

В содержательном аспекте результаты опроса и выдачи ChatGPT тоже существенно различаются, имея всего 14 общих единиц.

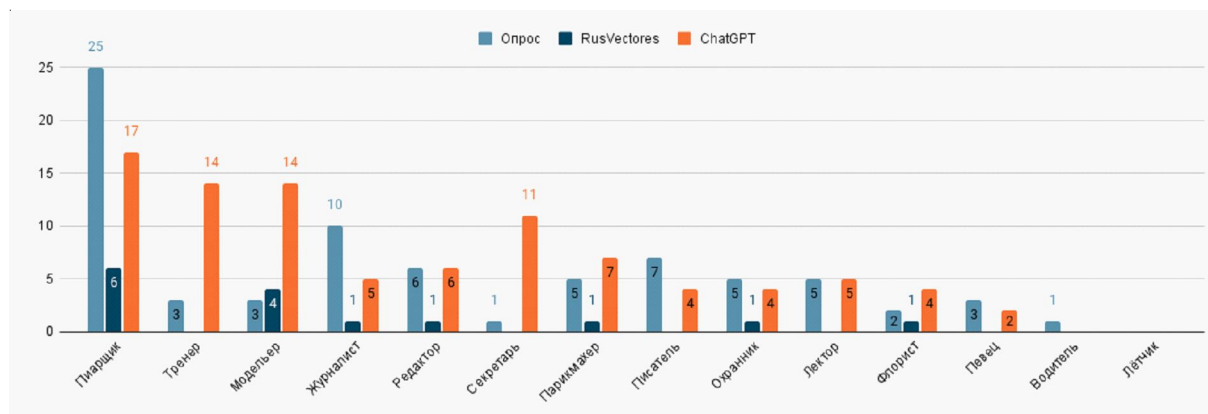

Рис. 1. Количество неосинонимов, полученных каждым из методов
 Fig. 1. The number of neosynonyms obtained by each method

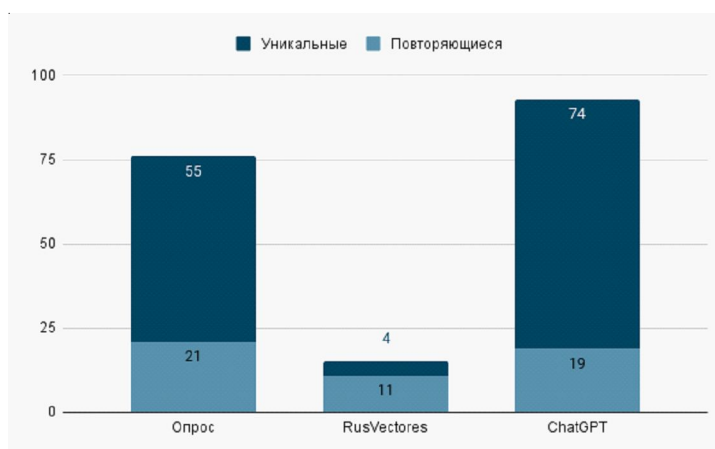

Рис. 2. Соотношение разных источников неологизмов для конкретных названий профессий
 Fig. 2. The ratio of different sources of neologisms for specific job titles

Материал, выданный ChatGPT, более объемный, но менее качественный, чем материал, полученный в результате опроса: неосинонимы из выдачи ChatGPT значительно менее частотны, чем неосинонимы из данных опроса, что подтверждается большим количеством вакансий, имеющихся в объявлениях сервиса HeadHunter для данных опроса, и небольшим их количеством для данных ChatGPT. ChatGPT, в отличие от респондентов, для многих названий профессий выдает редкие и частные гипонимы, по форме являющиеся составными номинациями с дефисом или распространенными словосочетаниями. Кроме того, модель ChatGPT часто приводит переводы английских наименований, для которых нет адекватных соответствий в русском языке. Такие единицы мы не включали в список неологизмов. Поскольку ChatGPT не поисковая машина, а языковая модель, способная создавать слова и словосочетания, ее выдача требует серьезной проверки и выявления названий профессий, реально не существующих, по крайней мере в русском языке. При этом примерно для 90 % ответов ChatGPT обнаружены реальные профессии, указанные в объявлениях о вакансиях на сервисе HeadHunter; кроме того, ее ответы включали не только заимствования или переводы с английского, но и неологизмы, образованные в русском языке, в том числе разговорные (например, *безопасник*), что свидетельствует о достаточно высоком уровне использования русского языка моделью ChatGPT.

Итак, опрос респондентов является наиболее эффективным из использованных нами методов поиска новых синонимов для названий профессий. Самым перспективным и продуктивным представляется сочетание всех трех методов; при этом опрос наиболее трудоемок и не применим в значительных масштабах. Языковую модель ChatGPT в этих целях можно использовать в больших масштабах с ручной проверкой и отбором.

При том, что тенденция к заимствованию новых названий профессий из английского языка (прямо или посредством калькирования) выражена весьма отчетливо и такие слова преимущественно отмечаются исследователями (см. например: [Демидова, Хрущева, 2022; Дедюхина, 2022]), все три метода

показывают, что пополнение этой группы лексикой происходит также за счет словообразовательных ресурсов русского языка и развития новых значений существующих в нем слов.

Далее охарактеризуем полученный языковой материал в зависимости от того, к какой сфере деятельности относится профессия, названная неологизмом.

Неологизмы в сфере маркетинга

Результаты применения всех заявленных инструментов (опрос, RusVectors, ChatGPT) показали, что больше всего новых названий профессий образуется в сфере маркетинга, интенсивная диверсификация которой происходит наиболее очевидно. В этой сфере существенную роль играют получение информации (например, о потребителях, товарах на рынке) и ее распространение (с целью увеличения продаж и т. д.). Для решения каждой маркетинговой задачи может быть свой специалист, у которого есть соответствующее наименование. Ср., например, описание работы на сайте специалиста по маркетингу:

Грамотный маркетолог – это смысловик, таргетолог, SMM-специалист, сторисмейкер, рилсмейкер, контекстолог, методист, коуч, стратег, воронколог, копирайтер, дизайнер, аналитик, немного сеошник и разработчик В ОДНОМ ЛИЦЕ. И даже немного таролог, психолог и предсказатель (ПМ).

Неологизмы в сфере маркетинга – это многочисленные гипонимы, отражающие активную профессиональную диверсификацию (например, *специалист по событийному маркетингу*) под влиянием процессов в аналогичной зарубежной сфере и английском языке. Они представляют собой прямые заимствования (в том числе неадаптированные, с элементами в латинской графике) или кальки.

Неологизмы в сфере создания и распространения информации

Результаты опроса и выдача ChatGPT различаются по количеству неосинонимов для отдельных названий профессий.

Так, помимо сферы маркетинга, наибольшее количество синонимов респонденты привели к названиям профессий, связанных с произ-

водством, обработкой и распространением информации (как правило, вербальной, но не только), нацеленной на массовую аудиторию: *журналист, писатель, редактор и лектор*. В целом это свидетельствует о том, что названия существующих профессий появляются более интенсивно в сферах, связанных с созданием и распространением информации, чем в других сферах. В этих активно развивающихся сферах и у прежних, и у новых названий профессий (например, *редактор* и *копирайтер*) меняются области значений в связи с постоянными изменениями самой деятельности, что, в свою очередь, связано с возникновением новых форматов информации и способов работы с ней. Расширение и размывание круга обязанностей способствует и расширению лексического значения слова.

Так, слово *редактор* в некоторых контекстах может означать специалиста, работающего не только с письменным текстом, но и с информацией в аудио- и видеоформате, а также не только редактирующего, но и создающего такую информацию. Например, вакансия «редактор сайта» или «пишущий редактор» предполагает, что сотрудник будет находить или самостоятельно писать тексты, подбирать иллюстрации и т. д. Существительное *журналист* в контексте может означать специалиста, в задачи которого входит не столько создание, сколько распространение информации. В сфере информации появляются новые типы, форматы содержания, и, как следствие, новые профессии по его созданию и обработке.

Русское слово *писатель* не может использоваться (без дополнительного определения) в отношении того, кто пишет нехудожественные тексты на заказ или в силу профессиональных обязанностей; по-видимому, этому препятствуют возвышенные коннотации слова в русском языке, ср. давно существующий медийный синоним *инженер человеческих душ* (Александрова, с. 329). Поэтому для обозначения такого специалиста заимствуются английские слова *райтер, ре-райтер, копирайтер*. Однако в новой профессии, русское название которой – *технический писатель* – является калькой англ. *technical writer*, коннотации снимаются прилагательным *технический*.

Слова *копирайтер, блогер, медийщик* воспринимаются как синонимы (или некоторыми респондентами как гипо- и гиперонимы) не одного названия профессии, а каждого названия из группы *журналист, писатель, редактор*, связанных с информацией; см. выше о расширении круга обязанностей в этой сфере и размывании семантики.

О значимости блога как нового формата, в котором сейчас создается информация разной природы (текстовая, визуальная, аудио, смешанная) и с разной целью (коммерческой, некоммерческой, политической, просветительской и т. д.), свидетельствует как тот факт, что слово *блогер* респонденты привели в качестве синонима некоторых названий профессий (например, *пиарщик*), так и появление наименований типа *редактор блога, специалист по взаимодействию с блогерами и инфлюенсерами*.

Неологизмы

в сфере помогающих практик

В выдаче ChatGPT больше всего новых синонимов, помимо слова *пиарщик*, у названий профессий *тренер, модельер, секретарь*.

Слово *тренер* развило новое значение в информационной сфере – ‘наставник, коуч’ и приобрело новую сочетаемость – *тренер по личностному развитию* (в результатах опроса отмечается окказионализм *тренер личности*). Сейчас так обозначают человека, который помогает не в освоении какого-либо вида спорта, а в достижении профессиональных и карьерных целей. Поскольку занятия, которые обобщенно называют помогающими практиками – менторство, тьюторство, коучинг, психология и др., а также онлайн-образование сейчас активно развиваются, появляется большое количество неологизмов, в основном заимствованных, для обозначения специалистов в этих сферах: *ментор, коуч* и пр. Такие единицы, однако, сосуществуют с давно имеющимися в языке наименованиями видов деятельности, например, со словом *наставник*, семантика которого расширяется за счет значения ‘помощь клиенту в достижении личных целей’.

Сфера помогающих практик семантически сближается с информационной: респон-

денты назвали в опросе слово *тренер* (в новом значении) как синоним к слову *лектор*; в этом же ряду находится слово *коуч*, а также слово *эксперт* (как названное в опросе, так и выданное ChatGPT). У слова *эксперт* тоже отражена новая семантика и возможность его употребления без дополнения, как обозначение самостоятельного занятия (*неэксперт в чем-то*, а просто *эксперт*), см. новую сочетаемость *приглашенный эксперт*. В этот же ряд входит неологизм *семинарист* (см. устаревший омоним ‘ученик семинарии’), обозначающий ведущего семинаров, в том числе онлайн.

Увеличение роли «дистанционного говорения» в силу расширения аудитории проявляется и в том, что в качестве синонима к слову *лектор* языковой моделью было выдано *журналист-комментатор*.

Неологизмы в других сферах

Появление неосинонимов-заимствований к словам *модельер* и *парикмахер* (*стилист*, *фешн-стилист*, *фешн-дизайнер*, *колорист* и т. д.) отражает устойчивую тенденцию клиентоориентированных профессий в сфере имиджа, моды, красоты к заимствованию обозначений по соображениям престижа.

Неосинонимы к ряду «Секретарь» являются в основном заимствованиями, включая синонимы (*офис-менеджер*) и гипонимы (*рецепшионист*).

Определенную активность в возникновении новых названий демонстрирует и далекая от новых технологий, но все более массовая, востребованная и диверсифицирующаяся профессия охранника. При этом в ряду «Охранник» появляются не столько заимствования (*секьюрити*), сколько новые исконные разговорные образования: *личник*, *безопасник* и т. д.

Заключение

I. Решение задачи выявления неологизмов-названий профессий потребовало применения разных инструментов. Сопоставление полученных данных показало, что наиболее оптимальные – это опрос респондентов и язы-

ковая модель ChatGPT с последующей верификацией.

II. Результаты проведенного исследования позволили установить экстралингвистические факторы, приводящие к активизации процесса образования новых названий профессий.

1. Появление новой профессиональной сферы, что стимулирует образование новых слов для обозначения новых видов профессиональной деятельности (например, *таргетолог*).

2. Интенсивное развитие уже существующей профессиональной сферы, ее диверсификация, выделение частных профессий, что стимулирует образование новых гипонимов исходного названия (например: новый гипоним *личник* к слову *охранник*).

3. Развитие определенной профессиональной сферы под влиянием развития и диверсификации той же сферы в иноязычной культуре. Это ведет к появлению заимствований с новыми значениями или оттенками значений (например: новый гипоним *стрингер* к слову *журналист*, русская калька *специалист по событийному маркетингу* (из англ. *Event Marketing Specialist* или *Event Specialist*), являющаяся новым гипонимом к новому же заимствованию *PR-менеджер*).

4. Влияние другого языка на профессиональный узус в силу языковых контактов и привычек. Это ведет к тому, что у прежних названий профессий возникают заимствованные синонимы, не имеющие явных семантических отличий (ср.: *дизайнер* ‘верстальщик’ при уже имевшемся заимствовании *дизайнер* в других значениях).

5. Влияние потребности профессионалов в клиентоориентированных сферах моды, имиджа, красоты во все более престижных, благозвучных, современных названиях их профессий. Это ведет к регулярному возникновению заимствованных синонимов, отличающихся не столько лексическим значением, сколько коннотациями престижности, ср. *цветочник* – *флорист*.

III. Неологизмы-названия профессий в русском языке появляются в результате заимствования, включая калькирование (источник – прежде всего английский язык), актуализации словообразовательных ресурсов русского языка или расширения семантического объема уже существующих в языке номинаций.

Значительная доля заимствований среди неологизмов в русском языке традиционно вызывает беспокойство определенной части общества и некоторых представителей государственных органов и даже стимулирует принятие документов, так или иначе регулирующих использование заимствований. Однако именно в сфере профессий заимствования часто вытесняются исконными синонимами или такие синонимы могут успешно конкурировать с заимствованиями и обретать более широкие возможности употребления (например: *авиатор – летчик, шофер – водитель*, в новой сфере IT пара *программист – разработчик* и новое неформальное сокращение *разраб*).

В любую эпоху в различных профессиональных сферах неологизмы появляются с разной интенсивностью, прежде всего по экстралингвистическим причинам: неравномерное развитие технологий, общественное внимание к каким-либо профессиональным сферам и т. д. Это находит отражение в языке.

Сейчас особенно активно пополняются неологизмами сферы создания и распространения информации и помогающих практик. Семантические отношения наименований профессий в сфере, связанной с информацией, характеризуются с одной стороны, интенсивностью, а с другой стороны, сложностью их верификации: одни и те же связи одними респондентами воспринимаются как синонимические («одно и то же»), другими – как гипо- и гиперонимические («X – частный случай Y»); некоторые слова, например, *копирайтер*, воспринимаются как синонимы к названиям разных профессий.

В сфере создания и распространения информации наблюдается, с одной стороны, размывание границ существующих профессий, их расширение, что отражено, например, в семантике слов *редактор* и *журналист*. С другой стороны, в этой же сфере появляется большое количество неологизмов для обозначений узких специалистов.

К сфере создания и распространения информации примыкает так называемая сфера помогающих практик, где важную роль играет устная речь как деятельность, которая также представляет собой создание и распространение информации, в том числе на большую аудиторию, часто онлайн.

У наименований профессий, не связанных с этими сферами, менее активно появляются синонимы, ср. отсутствие неосинонимов к слову *летчик*.

Дальнейшее исследование лексики, называющей профессии XXI в., а также ее лексикографическая фиксация представляются важными и перспективными задачами.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Проект «Речевые практики российского общества».

The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University). Project “Discourse Practices across Professional, Cultural, and Social Groups”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д., 1995. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М. : Яз. слав. культуры ; Восточ. лит. 472 с.
- Апресян Ю. Д., 2003. Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М. : Яз. слав. культуры. С. XXII–LII.
- Апресян Ю. Д., 2009. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1. Парадигматика. М. : Яз. слав. культуры. 568 с.
- Белов В. А., 2018а. Взаимозаменяемость как критерий синонимии (экспериментальное и корпусное исследование) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Т. 15, вып. 3. С. 390–411. DOI: 10.21638/spbu09.2018.306
- Белов В. А., 2018б. Реализация теоретических подходов к синонимии в методике русского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 1. С. 96–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.16
- Бережан С. Г., 1967. Совпадение отдельных элементов смысловой структуры слов как основа синонимичности // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXVI, вып. 3. С. 254–268.
- Брагина А. А., 1973. Неологизмы в русском языке. М. : Наука. 224 с.
- Брагина А. А., 1986. Синонимы в литературном языке. М. : Наука. 128 с.

- Будагов Р. А., 1977. Что такое развитие и совершенствование языка? М. : Наука. 264 с.
- Гак В. Г., 1983. Новые слова и новые словари // Новые слова и словари новых слов. Л. : Наука. С.15–29.
- Горнунг Б. В., 1965. О природе синонимии в языке и теоретических предпосылках составления синонимических словарей // Вопросы языкознания. № 5. С. 95–99.
- Дедюхина А. Г., 2022. Англицизмы в русском языке: «Профессии и должности IT-сферы» (классификационные группы) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 6 (169). С. 176–181.
- Демидова Л. И., Хрущева О. А., 2022. Вотчеры и фактчекеры: проблема перевода современных профессий // Филологические чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Оренбург, 18–19 нояб. 2021). Оренбург : Оренбург. гос. ун-т. С. 298–302.
- Евгеньева А. П., 1972. Синонимические и парадигматические отношения в русской лексике // Синонимы русского языка и их особенности. Л. : Наука. С. 5–22.
- Евгеньева А. П., 2003. Введение // Словарь синонимов русского языка : в 2 т. Т. 1: А–Н / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Астрель ; АСТ. С. 5–14.
- Залевская А. А., 2005. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные работы. М. : Гнозис. 543 с.
- Звегинцев В. А., 1963. Замечания о лексической синонимии // Вопросы теории и истории языка : сб. в честь проф. Б.А. Ларина. Л. : Изд-во ЛГУ. С. 127–142.
- Карцевский С. О., 1965. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях : в 2 ч. Ч. 2. М. : Просвещение. С. 85–93.
- Котелова Н. З., 1978. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л. : Наука. С. 5–26.
- Лебедева С. В., 1988. Два подхода к исследованию лексической синонимии // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. Калинин : КГУ. С. 68–73.
- Лебедева С. В., 2002. Содержание термина «синонимия» в контексте современных исследований // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь : ТвГУ. С. 51–61.
- Лопатин В. В., 1973. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М. : Наука. 152 с.
- Новиков Л. А., 2001. Синонимия как функция // Избранные труды : в 2 т. Т. 2. М. : Изд-во Моск. ун-та. С. 538–553.
- Палевская М. Ф., 1964. Синонимы в русском языке. М. : Просвещение. 120 с.
- Сенько Е. В., 2007. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. СПб. : Наука. 354 с.
- Черемисина М. И., 2004. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск : Наука. 895 с.

ИСТОЧНИК

ИМ – Про маркетинг. URL: <https://zhannalab.ru/myservices/>

СЛОВАРИ

Александрова – Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М. : Рус. яз., 2011. 567 с.

Тришин – Тришин В. Н. Словарь синонимов. 2013. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm>

REFERENCES

- Apresyan Yu.D., 1995. *Izbrannyye trudy. T. 1. Leksicheskaya semantika* [Selected Works. Vol. 1. Lexical Semantics]. Moscow, Yaz. slav. kultury, Vostoch. lit. 472 p.
- Apresyan Yu.D., 2003. *Lingvisticheskaya terminologiya slovary* [Linguistic Terminology of the Dictionary]. *Novyy obyasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., pp. XXII-LII.
- Apresyan Yu.D., 2009. *Issledovaniya po semantike i leksikografii. T. 1. Paradigmatika* [Studies on Semantics and Lexicography. Vol. 1. Paradigmatics]. Moscow, Yaz. slav. kultury. 568 p.
- Belov V.A., 2018a. *Vzaimozamenyayemost kak kriteriy sinonimii (eksperimentalnoye i korpusnoye issledovaniye)* [Interchangeability as the Feature of Synonymy: (Experimental and Corpus Research)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], vol. 15, iss. 3, pp. 390-411. DOI: 10.21638/spbu09.2018.306
- Belov V.A., 2018b. *Realizatsiya teoreticheskikh podkhodov k sinonimii v metodike russkogo yazyka* [Implementation of Theoretical Approaches to Synonymy in the Methodology of the Russian Language]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceeding of Petrozavodsk State University], no. 1, pp. 96-101. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.16

- Berezhn S.G., 1967. Sovpadeniye otdelnykh elementov smyslovoy struktury slov kak osnova sinonimichnosti [The Coincidence of Separate Elements of the Semantic Structure of the Words as the Basis of Synonymity]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series], vol. XXVI, iss. 3, pp. 254-268.
- Bragina A.A., 1973. *Neologizmy v russkom yazyke* [Neologisms in Russian Language]. Moscow, Nauka Publ. 224 p.
- Bragina A.A., 1986. *Sinonimy v literaturnom yazyke* [Synonyms in the Literary Language]. Moscow, Nauka Publ. 128 p.
- Budagov R.A., 1977. *Chto takoye razvitiye i sovershenstvovaniye yazyka?* [What Is the Development and Improvement of the Language?]. Moscow, Nauka Publ. 264 p.
- Gak V.G., 1983. *Novyye slova i novyye slovari* [New Words and New Dictionaries]. *Novyye slova i slovari novykh slov* [New Words and Dictionaries of New Words]. Leningrad, Nauka Publ., pp.15-29.
- Gornung B.V., 1965. O prirode sinonimii v yazyke i teoreticheskikh predposylkakh sostavleniya sinonimicheskikh slovarey [On the Nature of Synonymy in Language and Theoretical Prerequisites for Compiling Synonymic Dictionaries]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], no. 5, pp. 95-99.
- Dedyukhina A.G., 2022. *Anglitsizmy v russkom yazyke: «Professii i dolzhnosti IT-sfery» (klassifikatsionnyye gruppy)* [English Borrowings in Russian: “Professions and Positions in the IT Sector” (Classification Groups)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 6 (169), pp. 176-181.
- Demidova L.I., Khrushcheva O.A., 2022. *Votchery i faktchekery: problema perevoda sovremennykh professiy* [Watchers and Factcheckers: The Problem of Translating Modern Professions]. *Filologicheskiye chteniya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiyem (Orenburg, 18–19 noyab. 2021)* [Philological Readings. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Orenburg, November 18–19, 2021)]. Orenburg, Orenburg. gos. un-t, pp. 298-302.
- Yevgenyeva A.P., 1972. *Sinonimicheskiye i paradigmicheskiye otnosheniya v russkoy leksike* [Synonymous and Paradigmatic Relations in Russian Vocabulary]. *Sinonimy russkogo yazyka i ikh osobennosti* [Synonyms of the Russian Language and Their Features]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 5-22.
- Yevgenyeva A.P. 2003. *Vvedeniye* [Introduction]. *Slovar sinonimov russkogo yazyka: v 2 t. T. 1: A–N* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language. In 2 Vols. Vol. 1: A–N]. Moscow, Astrel Publ. AST Publ., pp. 5-14.
- Zalevskaya A.A., 2005. *Psikholingvisticheskiye issledovaniya. Slovo. Tekst. Izbrannyye raboty* [Psycholinguistic Research. Word. Text. Selected Works]. Moscow, Gnozis Publ. 543 p.
- Zvegintsev V.A., 1963. *Zamechaniya o leksicheskoy sinonimii* [Remarks on Lexical Synonymy]. *Voprosy teorii i istorii yazyka: sb. v chest prof. B.A. Larina* [Issues of the Theory and History of Language. Collection in Honor of Prof. B.A. Larin]. Leningrad, Izd-vo LGU, pp. 127-142.
- Kartsevskiy S.O., 1965. *Ob asimmetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka* [About Asymmetrical Dualism of a Linguistic Sign]. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh: v 2 ch. Ch. 2* [The History of Linguistics of the 19th–20th Centuries in Essays and Extracts. In 2 Pts. Pt. 2]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., pp. 85-93.
- Kotelova N.Z., 1978. *Pervyy opyt leksikograficheskogo opisaniya russkikh neologizmov* [The First Experience of a Lexicographic Description of Russian Neologisms]. *Novyye slova i slovari novykh slov* [New Words and Dictionaries of New Words]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 5-26.
- Lebedeva S.V., 1988. *Dva podkhoda k issledovaniyu leksicheskoy sinonimii* [Two Approaches to the Study of Lexical Synonymy]. *Psikholingvisticheskiye issledovaniya znacheniya slova i ponimaniya teksta* [Psycholinguistic Studies of the Meaning of the Word and the Understanding of the Text]. Kalinin, KGU, pp. 68-73.
- Lebedeva S.V., 2002. *Soderzhaniye termina «sinonimiya» v kontekste sovremennykh issledovaniy* [The Content of the Term “Synonymy” in the Context of Modern Research]. *Psikholingvisticheskiye issledovaniya slova i teksta* [Psycholinguistic Studies of the Meaning of the Word and the Understanding of the Text]. Tver, TvGU, pp. 51-61.
- Lopatin V.V., 1973. *Rozhdeniye slova. Neologizmy i okkazionalnyye obrazovaniya* [The Birth of the Word. Neologisms and Occasional Formations]. Moscow, Nauka Publ. 152 p.
- Novikov L.A., 2001. *Sinonimiya kak funktsiya* [Synonymy as a Function]. *Izbrannyye trudy:*

v 2 t. T. 2 [Selected Works. In 2 Vols. Vol. 2].
Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, pp. 538-553.

Palevskaya M.F., 1964. *Sinonimy v russkom yazyke*
[Synonyms in Russian]. Moscow,
Prosveshcheniye Publ. 120 p.

Senko Ye.V., 2007. *Neologizatsiya v sovremennom
russkom yazyke: mezhurovnevyy aspekt*
[Neologization in Modern Russian: An Inter-Level
Aspect]. Saint Petersburg, Nauka Publ. 354 p.

Cheremisina M.I., 2004. *Teoreticheskiye problemy
sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem*
[Theoretical Issues of Syntax and Lexicology of
Languages of Various Systems]. Novosibirsk,
Nauka Publ. 895 p.

SOURCE

Pro marketing [About Marketing]. URL: <https://zhannalab.ru/myservices/>

DICTIONARIES

Aleksandrova Z.E. *Slovar sinonimov russkogo yazyka*
[Dictionary of Synonyms of the Russian
Language]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2011. 567 p.

Trishin V.N. *Slovar sinonimov* [Dictionary of
Synonyms], 2013. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm>

Information About the Authors

Irina V. Fufaeva, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, HSE University, Myasnickaya St, 20, 101000 Moscow, Russia, iriel@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0952-8461>

Olga G. Zgirovskaya, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Research Laboratory of Linguistic Conflictology and Modern Communicative Practices, HSE University, Myasnickaya St, 20, 101000 Moscow, Russia, olga.slovo42@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4299-2354>

Информация об авторах

Ирина Владимировна Фуфаева, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, 20, 101000 г. Москва, Россия, iriel@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0952-8461>

Ольга Геннадьевна Згировская, кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, 20, 101000 г. Москва, Россия, olga.slovo42@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4299-2354>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.5>

UDC 81-112.2
LBC 81.04

Submitted: 24.08.2023
Accepted: 01.12.2023

THE STRUCTURE AND LINGUISTIC REPRESENTATION OF *SANCTIO* IN OLD ENGLISH AND OLD RUSSIAN CHARTERS

Tatiana Yu. Belonogova

Tyumen State University, Tyumen, Russia

Abstract. The article identifies universal and specific structural and linguistic peculiarities of the *sanctio* (prohibitive formula / curse), an element of the main part of the Old English (Anglo-Saxon) and Old Russian charters. The analysis has shown that the prohibition of violating a contract or changing its terms and the punishment awaiting those who violate the contract are universal and integral components of the internal form of the *sanctio* of Anglo-Saxon and Old Russian charters. The motive for breach of a contract also belongs to the universal components of the *sanctio* but is optional and not presented in all documents. In both Anglo-Saxon and Old Russian charters, violation of the contract was identified with the commission of a sin and was prosecuted by religious sanctions. The distinctive feature of the Anglo-Saxon charters in Latin was the usage of Christian images alongside the images of ancient mythology resulting from the borrowing of ready-made formulas from Latin documents and the increasing influence of the Christian Church. Old Russian charters, apart from spiritual punishment, contained mentioning the secular punishment, either monetary or corporal. Syntactically, the *sanctio* were conditional constructions, characterized by prescriptive modality and reflecting some elements of colloquial speech (in Old Russian charters). The use of negatively coloured vocabulary (mainly in Anglo-Saxon charters) had to increase the emotional impact on the participants of the legal act. Appealing to the feeling of fear, which served as a means of maintaining law and order, the compilers of the charters threatened the potential transgressor with God's punishment. They called on the Lord, the Most Holy Theotokos (in Old Russian charters) and various saints to be heavenly judges. The linguistic peculiarities of sanctions are presented in their functional syncretism, blending of the spheres of legal, everyday, and religious communication.

Key words: *sanctio*, sanction, prohibitive formula, Anglo-Saxon charter, Old Russian charter, functional syncretism.

Citation. Belonogova T. Yu. The Structure and Linguistic Representation of *Sanctio* in Old English and Old Russian Charters. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 1, pp. 56-68. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.5>

СТРУКТУРА И ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ *SANCTIO* В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ И ДРЕВНЕРУССКИХ ГРАМОТАХ

Татьяна Юрьевна Белоногова

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Аннотация. В статье описаны универсальные и специфические структурные и языковые черты *sanctio* (запретительной формулы / формулы заклатья) – значимого элемента древнеанглийских (англосаксонских) и древнерусских грамот. Запрет на нарушение договора или изменение его условий и наказание, ожидающее того, кто нарушит договор, являются универсальными и обязательными компонентами внутренней формы *sanctio* англосаксонских и древнерусских грамот; мотив нарушения договора, будучи универсальным компонентом, представлен факультативно. Показано, что в грамотах нарушение договора отождествляется с совершением греха и преследуется религиозными санкциями. В англосаксонских грамотах на латинском языке обнаружено смешение Христианских образов и образов античной мифологии, возникающее в результате заимствования из латинских документов готовых формул и усиливающегося влияния Христианской церкви, в древнерусских грамотах наряду с духовным наказанием – упоминание мирского наказания (телесного или денежного). Определено, что синтаксически *sanctio* – условные конструкции, характеризующиеся прескриптивной модальностью, которая реализуется глагольными формами и категориями, и в древнерусских грамотах отражающие разговорные элементы. Выявлено, что использование негативно окрашенной лексики (преимущественно в англосаксонских грамотах) усиливало эмоциональное воздействие на участников юридического акта. Апеллируя к чувству страха как средству поддержания законопорядка, составители грамот грозили Божьей карой и призывали в небесные судьи Господа, Пресвятую Богородицу (в древнерусских грамотах), различных святых. Установлено, что языковая специфика санкций обусловлена их функциональным синкретизмом, смешением сфер правовой, бытовой, религиозной коммуникации.

Ключевые слова: *sanctio*, санкция, запретительная формула, древнеанглийская грамота, древнерусская грамота, функциональный синкретизм.

Цитирование. Белоногова Т. Ю. Структура и языковая репрезентация *sanctio* в древнеанглийских и древнерусских грамотах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 56–68. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.5>

Введение

Статья посвящена рассмотрению структурной и языковой специфики одного из важнейших элементов композиционной структуры древнеанглийских (англосаксонских) и древнерусских грамот – санкции (от лат. *sanctio*), представляющей собой запрет на нарушение условий документа и предусматривающей ту или иную меру ответственности за невыполнение договора.

Англосаксонскими грамотами, или хартиями (англ. *charter*) называются различные по назначению документы, которые предоставляли какие-либо права или привилегии, фиксировали сделки и оформляли правоотношения между контрагентами. Они представлены королевскими и частными хартиями,

земельными пожалованиями, договорами аренды, завещаниями [Keynes, 2001, p. 99]. Для номинации такого документа в текстах древнеанглийского периода использовались лексемы *bóc* «документ, грамота, устанавливающая право собственности» или *ge-writ* «письменный документ, грамота»:

(1) др.-англ. *Ðis is seó bók, ðe Æðelstán cing gebócode Friþestáne bisceope* (DAAS, p. 187) – Это грамота, которую король Этельстан даровал епископу Фритестану (здесь и далее перевод с древнеанглийского и латинского наш. – Т. Б.);

(2) др.-англ. *7 þis gewrit was awriten on Wintanceastre* (DAAS, p. 159) – и эта грамота была написана в Винчестере.

Земля, переданная на основании грамоты, главным образом, в пользу представите-

лей знати или церковных учреждений именовалась *bóc-land* (бокленд) – форма землевладения, схожая с вотчиной; она стала основой возникновения феодального землевладения в Англии. Однако после нормандского завоевания (XII в.) в результате утраты древнеанглийской юридической письменной традиции лексема *bóc* в значении «документ, грамота» вышла из употребления. В этот период в лексический состав английского языка вошел термин *charter*. Он имеет латинское происхождение (лат. *cartula* букв. *small paper*) и заимствован из старофранцузского (старофр. *charter* «charter, letter, document»):

(3) др.-англ. *Ich Æðelstan... grantye and confirmye by ðisse minre charter* (1250 г.) (ASChart, № 23) – Я, Этельстан... передаю в дар и подтверждаю дарение моей грамотой.

Слово *грамота*, являясь заимствованием из греческого языка (греч. *γράμμα*), первоначально имело значение «письменность, письмо, азбука», однако уже в ранних памятниках древнерусской письменности (летописях, законодательных актах) оно встречается в значении «деловой документ, акт» (Исаев, 2001):

(4) *Иже лживую грамоту списавыи о продажи какова либо мѣста, и съ приобшеники своими, руки ихъ усѣчени будутъ* (СлРЯ XI–XVII, с. 119).

На Руси грамотами назывались, главным образом, документы договорного характера – акты, а также официальные и частные письма, представленные на пергаменте, бересте, а с XIV в. и на бумаге [Большая Российская энциклопедия, 2007, с. 619]. Наибольшее распространение слово *грамота* по отношению к деловым документам получило в X–XVII века. Начиная с XVIII в. «в связи с введением западно-европейской номенклатуры официальных документов термин “грамота” стал употребляться значительно реже» [Большая Российская энциклопедия, 2007, с. 619].

Англосаксонские и древнерусские грамоты представляют собой неопределимый источник для изучения эволюции языковых явлений, фактов истории и культуры, общественных и семейных отношений, быта. В них находят свое отражение языковая картина мира и ре-

лигиозное сознание средневекового человека. С конца XVIII – начала XIX в. и вплоть до настоящего времени англосаксонские и древнерусские грамоты не раз становились объектом трудов по истории и лингвистике. При этом рассматривались лексические и грамматические особенности различных видов грамот, написанных на пергаменте и бересте [Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015; Gallagher, 2018; Schendl, Wright 2011], синтаксическое строение [Борковский, 1958; Литвина, 1995; Стеценко, 1977; Carlton, 1970] жанровая специфика [Качалкин, 1988; Алексеев, 1974; Морковина, 2005; Tollerton, 2011], композиционная структура и отдельные элементы формуляра, в том числе санкции [Андреев, 1986; Каштанов, 1970; Климкович, 2006; Castle, 2016; Hofman, 2008]. Создание электронных баз данных англосаксонских и древнерусских грамот «The Electronic Sawyer», «GRAMOTY.ru», «Drevlit.ru» сделало их доступным для широкого круга ученых и вновь всколыхнуло интерес к данным текстам. Тем не менее стоит отметить, что работы, посвященные как сопоставительному анализу англосаксонских и древнерусских грамот в целом, так и их отдельным элементам, в частности санкциям, единичны. Между тем сопоставительное исследование англосаксонских и древнерусских грамот и их отдельных элементов позволит раскрыть особенности генезиса документных текстов в разных языках, выявить их универсальные и национально-культурные особенности, что будет способствовать становлению целостной картины возникновения и эволюции официально-делового стиля в английском и русском языках.

Цель статьи – установить универсальные и специфические черты структуры и языкового оформления *sanctio*, представленные в древнеанглийских и древнерусских грамотах.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили тексты древнерусских (70 грамот) и англосаксонских грамот (70 грамот на латинском и древнеанглийском языках), опубликованные в сборниках Б. Торпа, А. Робертсон, Ф. Хармер, С.Н. Валка, Б.Д. Грекова и Л.В. Черепнина (см. список источников). Для анализа привлекались также данные электронного

онлайн-каталога англосаксонских грамот – The Electronic Sawyer: Revised Catalogue of Anglo-Saxon Charters.

Хронологические рамки исследования ограничены древнеанглийским и древнерусским периодами в истории английского и русского языков соответственно. Нижняя хронологическая граница обусловлена наличием самых ранних сохранившихся англосаксонских (VII в.) и древнерусских (XII в.) грамот. Верхняя хронологическая граница определяется окончанием древнеанглийского (XI в.) и древнерусского (XIV в.) периодов. Несмотря на значительные различия в хронологии, древнеанглийские и древнерусские тексты этих периодов сопоставимы по ряду причин.

Прежде всего необходимо отметить, что указанное время характеризовалось распространением христианства, которое оказало существенное политическое, культурное и языковое влияние на становление древнеанглийского и древнерусского государств. Одним из наиболее значимых результатов принятия христианства стало введение в Англии латинского алфавита, появление и развитие кириллической письменности в Древней Руси, использование латинского и церковнославянского языков.

Таким образом, англосаксонское и древнерусское общества находились в схожей ситуации по отношению к более ранним письменным культурам: ими были восприняты, как отмечает Т.В. Гимон, «многие навыки и представления, связанные с письмом, извне – от Римской церкви и кельтов (Англия), из Византии, Болгарии и, возможно, из западнославянских стран (Русь)» [Гимон, 2011, с. 20]. Помимо этого, как в Англии, так и в Древней Руси, модели текстов юридического и экономического характера складывались на основе образцов римского права, несмотря на то что его рецепция в Древней Руси имела свои особенности и проходила под влиянием византийского (греко-римского) права [Ярушева, 2016].

Однако при указанных сходствах письменных культур англосаксонского и древнерусского обществ, между ними были существенные различия, которые проявлялись в сферах применения и функционирования латинского и церковнославянского языков. На территории

раннесредневековой Англии как в качестве языка богослужения и церковной литературы, так и языка официальных документов использовалась латынь, диалекты древнеанглийского языка применялись в ситуациях бытового общения [Timofeeva, 2013]. В Древней Руси статусом языка богослужения и литературного языка обладал церковнославянский, на котором создавались произведения духовного содержания. Тексты юридического и делового содержания подверглись «минимальному влиянию церковнославянского языка» [Улуханов, 2002, с. 25]. Сосуществование церковнославянского литературного и русского административного считается «самой оригинальной чертой языкового развития в России» [Успенский, 1994, с. 15], подобной которой «не было ни у западноевропейских, ни у западнославянских народов» [Успенский, 1994, с. 15]. Как следствие, язык древнерусских грамот характеризовался крайне ограниченным использованием церковнославянизмов. Англосаксонские же грамоты вплоть до IX в. писались исключительно на латинском языке [Gallagher, 2018, с. 207]. Первые случаи применения в них древнеанглийского языка прежде всего для описания границ передаваемой в дар земельной собственности (boundary clauses) ученые датируют IX в. [Lowe, 1998, p. 73], однако доминирование латинского языка в текстах англосаксонских грамот сохранилось и после IX в., поскольку латынь продолжала выполнять роль языка науки, образования и юриспруденции.

Как известно, древнеанглийский язык не был однородным и был представлен четырьмя диалектами [Vaugh, Cable, 2002, p. 47]. Борьба англосаксонских королевств, завершившаяся их объединением под властью Уэссекса, привела к возвышению Уэссекского диалекта, ставшего в течение IX в. основным письменным языком, на котором было создано подавляющее большинство письменных памятников древнеанглийского периода, в том числе англосаксонские грамоты [Vaugh, Cable, 2002, p. 47]. В развитии языка деловой письменности древнерусского периода ученые выделяют два подпериода: Киевской Руси (X–XII вв.) и феодальной раздробленности (XIII–XIV вв.). Несмотря на увеличение видов документов в XIII–

XIV вв., деловой язык этого времени не подвергся каким-либо существенным трансформациям. Исследуя языковые особенности древнерусских грамот, ученые отмечают в них чрезвычайно небольшое количество диалектных различий. В частности, новгородские пергаменные грамоты «ориентированы на наддиалектные нормы; новгородизмы появляются в них только как отступления... от этих норм» [Зализняк, 2004, с. 12].

Появление древнеанглийских и древнерусских грамот было обусловлено потребностями древнеанглийского и древнерусского обществ, которые характеризовались становлением государственности, формированием различных договорных и имущественно-правовых отношений, требующих письменного закрепления.

Назначение документа предопределяло его структуру, так называемый «формуляр», то есть схему или модель построения, для исследования которой был разработан метод формулярного анализа [Лаппо-Данилевский, 2007; Данилевский и др., 2004; Каштанов, 1970; и др.]. При помощи этого метода ученые определили общую схему построения грамот, включающую начальный протокол, основную часть и конечный протокол [Лаппо-Данилевский, 2007]. Каждая из трех представленных частей дробится на более мелкие составляющие. Так, в основной части может быть максимально реализовано 6 элементов: преамбула, публичное объявление, изложение событий, предшествовавших составлению документа, условия сделки, санкция и удостоверительные сведения [Каштанов, 1970, с. 27]. Использование данной схемы позволяет установить особенности внутренней структуры каждого документа и выявить его универсальные и специфические черты.

Основой для сопоставительного анализа стало сходство функционального назначения исследуемых грамот (фиксирование результата сделки), коммуникативной цели (передача прав или собственности), содержания (определение условий сторон) и композиционной структуры (наличие общих структурных элементов).

Объектом данного исследования является санкция (лат. *sanctio*) или «запретительная формула», «формула заклития» [Алексеев, 1974] как один из важнейших элементов, входящих в

основную часть англосаксонских и древнерусских грамот. Англосаксонские и древнерусские грамоты имели договорной характер, так как фиксировали сделки и определяли условия [Маловичко, 2002]. Санкция в англосаксонских и древнерусских грамотах представляет собой запрет на нарушение договора и предписывает меру ответственности, возникающей вследствие нарушения запрета. В формуляре средневековых актов представлены санкции духовного и светского характера. Санкции духовного характера (лат. *sanctio spiritualis*) сводились к перспективе небесной кары, в то время как санкции светского характера (лат. *sanctio temporalis*) предполагали, главным образом, денежное взыскание или телесные наказания [Чиркова, 2019, с. 31].

Для выявления языковой специфики санкций в древнеанглийских и древнерусских грамотах использовались методы лексико-грамматического, лингвостилистического, контекстуального и сопоставительного анализа.

Результаты и обсуждение

Санкции в англосаксонских грамотах

При анализе внутренней формы санкций в англосаксонских грамотах нами были выделены следующие компоненты.

I. Мотив или причины нарушения договора, такие как зависть, дерзость или «дьявольское наваждение»:

(5) др.-англ. gif he þonne to þan gedyrstig wære... (DAAS, p. 166) – если он будет настолько дерзок...;

(6) лат. Si quis igitur tetri demonis stimulatione instinctus... (TES, S 595) – Если кто-то побужденный дьявольским наваждением...

II. Запрет на нарушение договора, его изменение:

(7) лат. ...nostrum decretum infringere uoluerit (TES, S 595) – ...наше указание захочет нарушить;

(8) др.-англ. ...þe þas gife æfre awende ofþe gewanude (SEHD, № 23) – ...того, кто этот дар когда-либо изменит или уменьшит/

III. Собственно наказание.

Как показали результаты анализа, нарушение договора отождествлялось с соверше-

нием греха, в результате этого в санкциях англосаксонских грамот преобладало наказание духовного характера. Оно могло настичь того, кто нарушил договор, при жизни (отлучение от церкви, анафема) и/или после смерти (Страшный суд, муки в аду):

(9) лат. ...sit anatematizatus (TES, S 581) – будет предан анафеме;

(10) др.-англ. ...sioe he awænded fram God (TES, S 1148) – он будет отлучен от Господа;

(11) др.-англ. ...sy his lif her gescert. 7 his wunung on helle gründe... (TES, S 985) – жизнь его сократится и пребывание его будет в аду.

При этом упоминание известных грешников, считающихся попавшими в ад, было призвано усилить чувство страха, воспринимаемого в средневековом обществе как основное средство предотвращения правонарушения и поддержания установленного порядка:

(12) др.-англ. 7 gif hwa this awendan wylle sy he fordemed mid Iudan Scariothe (TES, S 115) – и, если кто-то захочет это изменить, он будет проклят вместе с Иудой Искаротом.

IV. Отсутствие покаяния или искупления совершенного нарушения договора:

(13) др.-англ. ...nymðe heo hit her mid þingonge bote gebete (TES, S 98) – если они здесь не искупят свою вину возмещением;

(14) др.-англ. ...buton he þe hrædlicor þæt forlæte . 7 on riht eac eft gewende (TES, S 1487) – если он это быстро не оставит и также потом по праву не вернет;

(15) лат. ...nisi prius digna satisfactione emenda[ue]rit (TES, S 177) – если прежде достойно не исправит возмещением.

Таким образом, согласно англосаксонским грамотам, того, кто по какой-либо причине нарушит договор или изменит его условия, будет ждать «кара небесная», при условии, что он не искупит свою вину должным образом:

(16) лат. Siquis autem hanc donationem meam inuido maliuoloue infringere temptauerit animo. sit separatus in hoc seculo a participatione corporis et sanguinis domini nostri Iesu Christi. et in futuro a cetu omnium sanctorum segregatus nisi antea suam presumptionem digna satisfactione correxerit (TES, S 34) – Но, если кто-нибудь это мое дарение попы-

тается нарушить завистливой злой душой, будет отлучен в этом веке от принятия тела и крови Господа нашего Иисуса Христа, и в будущем веке от всех святых будет отделен, если он перед этим свое упорство достойно не исправит возмещением.

Необходимо отметить, что выделенные содержательные компоненты представлены не во всех санкциях, при этом обязательными являются запрет на нарушение договора, его изменение и собственно наказание, факультативными – мотив нарушения договора, возможность искупления проступка и возмещение ущерба.

Санкции, или, другими словами, запретительные формулы, имели прескриптивный характер, то есть предписывали действия адресата и характеризовались обязательностью их выполнения. На морфологическом уровне прескриптивный характер выражался в употреблении форм сослагательного наклонения в активном или пассивном залоге как в грамотах на латыни, так и в грамотах на древнеанглийском языке: лат. *pūniātur* «будет наказан», *torqueantur* «будет замучен», *corrōditur* «будет терзаем», *sit separatus* «будет отлучен», др.-англ. *aebbe* «навлечет», *sy amansumod* «будет отлучен», *sy ætbroden* «будет лишен», *sy fordemed* «будет проклят» и т. д.

Синтаксически санкции представляют собой условные конструкции, начинающиеся с древнеанглийского или латинского условных подчинительных союзов *gif* и *si* «если»:

(17) др.-англ. *gif ecmu: ...gif aenig monn ðas ure ge witnisse incerre non owihte ðaet he aebbe ðaes aelmaechtgan godes [unhlisan]* (SEHD, p. 6) – если какой-либо человек изменит это каким-либо образом, он навлечет на себя проклятие Всемогущего Господа;

(18) лат. *si* если: *Siquis uero minuere uel fraudare presumpserit hanc donationem . sit separatus a consortio sanctorum* (TES, S 514) – Если же кто-то дерзнет уменьшить или отнять это дарение, будет отлучен от общества святых.

Грамоты писались непрерывным текстом, система пунктуационных знаков была неразвита, и некоторые из них были добавлены в более позднее время. Данная особенность значительно затрудняет точное определение границ предложения. Однако во многих случаях начало предикативной единицы отмечено со-

юзом. Самым частотным был сочинительный союз *and* или его графический эквивалент, напоминающий цифру 7. Подобный способ соединения предложений получил название «союзное» или «цепочечное нанизывание». Зачастую союз *and* использовался вместе с подчинительными союзами, в частности *gif*, маркируя начало условной конструкции:

(19) др.-англ. *and gyf ænig man sý swá dyrstig on gæp God ðæt ðis áwendan wille...* (TES, S 981) – и, если какой-нибудь человек будет таким дерзким против Господа, что это захочет изменить...

В лексическом плане отличительной особенностью санкции как элемента англосаксонской грамоты является наличие негативно окрашенных эмоционально-оценочных лексем, которые выражают отношение сторон договора к его нарушению и тому, кто это совершит. Тот, кто осмелится нарушить договор, считался дерзким (др.-англ. *dyrstig*), алчным (лат. *avarus*) и завистливым (лат. *invidus*). Он навлек на себя позор и проклятие (др.-англ. *unhlisa*, *awyrgednes*), а незаконное присвоение чужой собственности называлось подлым грабежом (др.-англ. *mánfull reáflác*).

Помимо этого, лексический состав англосаксонских грамот характеризуется использованием названий античных мифологических существ и объектов подземного мира:

(20) лат. *...et dentibus Cerberi infernalis sine termino cum daemonibus omnibus Stigia palude cogrodetur* (TES, S 914) – и зубами адского Цербера со всеми демонами бесконечно будет терзаем в болоте Стикса;

(21) лат. *...sit ipse sub stigei fluminis undam pteseps in ima tartara trusus* (TES, S 595) – будет низвергнут в волны реки Стикс в глубину Тартара.

Использование таких лексических единиц, встречающихся исключительно в англосаксонских грамотах, написанных на латинском языке, вызывает среди исследователей множество споров. Некоторые специалисты объясняют этот факт тем, что англосаксонские грамоты писались по образцу латинских документов, и санкции, содержащие упоминание античных мифологических существ и объектов, были, возможно, заимствованы в виде готовых формул. Средневековое право вообще характеризовалось приверженностью

к формализму, сильный толчок которому дала католическая церковь, собиравшая документы, разрабатывавшая образцы и картулярии (сборники копий грамот). Очень часто образцы были построены таким образом, что оставалось внести только имена сторон и название местности [Хрестоматия..., 1961, с. 46–47].

Другие ученые полагают, что составители грамот на латыни использовали античную мифологию, чтобы придать изложению более высокий стиль или показать уровень своего образования: «...the usage of classical mythological vocabulary may have been prompted by a wish to embellish the sanctions in order to put them into a higher stylistic register or perhaps even to “show off” one’s education» [Hofman, 2008, с. 149] – ...использование лексики из классической мифологии могло быть вызвано желанием приукрасить санкции, чтобы придать им более высокий стиль или, возможно, даже «продемонстрировать» свое образование (перевод с английского наш. – Т. Б.).

В грамотах, написанных на древнеанглийском языке, античные мифологические образы были вытеснены библейскими (например, муки в аду, отлучение от принятия тела и крови Христова, имя Иуды как величайшего грешника) под влиянием распространившегося по всей территории раннесредневековой Англии христианства. В результате постепенной секуляризации и эволюции договорного права в Англии санкции сакрального характера перестают упоминаться к XIII в. [Castle, 2016, p. 180].

Санкции в древнерусских грамотах

Санкции в древнерусских грамотах имели схожую с англосаксонскими внутреннюю форму. В них мог быть представлен мотив или причина нарушения договора, объясняемые влиянием злых сил:

(22) Аще кто диявольмъ [науч]ень и злыми [человѣкы наважень цѣто] хочеть отъяти, от нивъ ли, от пожнь ли, или от ловищъ, а буди ему против[нь] святии Спасъ и въ сь вѣкъ и въ будущии (ГВНП, № 104).

Запрет на нарушение договора, его изменение:

(23) А хто сю грамоту переступить, на того богъ и святый Спасъ (ГВНП, № 109);

(24) А кто сие мое слово переставить, ино судить ему богъ и святый мученикъ Георгии въ семь вѣцѣхъ и въ будущемъ (ГВНП, № 79).

В некоторых случаях нарушение договора детализировалось. Так, земельное пожалование нельзя было отнимать, ни полностью, ни частично. Никто не мог им пользоваться за исключением одаряемого:

(25) Да же который князь по моему княжению почынетъ хогѣти отъяти у святого Георги[я, а] богъ буди за тѣмъ и святая богородица, и тѣ святый Георгии у него то отимаеть (ГВНП, № 81);

(26) А въ тое земли, ни въ пожъни, ни въ тони не вступатися ни князю, ни епискупу, ни боярину, ни кому (ГВНП, № 82).

Многие запретительные формулы были направлены против преемников и наследников, которые могли потребовать назад землю, принадлежащую, по их мнению, им:

(27) А кто дѣти мои хъ или братъ моему мое данье порушить, а то судить ему богъ... (ГВНП, № 86).

Как отмечает Ю.Г. Алексеев, такие формулы указывают на неразвитость представлений о земле как частной собственности дарителя. Они свидетельствуют о существовании остатков прежнего восприятия земельной собственности как принадлежащей определенному кругу лиц – родственникам, что, согласно древнему обычному праву, исключало возможность ее передачи [Алексеев, 1974, с. 128]. К XVI в. в результате развития имущественно-правовых отношений подобные формулы выходят из употребления.

Нарушение договора влекло за собой наказание. Однако, в отличие от англосаксонских хартий, в древнерусских грамотах помимо наказания духовного характера, которое могло настигнуть нарушителя договора как при жизни, так и после смерти, с XIV в. встречаются санкции светского характера – штраф или телесное наказание:

(28) А хто сю грамот(у) подвигнетъ моих дѣтей или моих брат(а)ничев, ино ми с нимъ судъ перед богомъ, а дасть тотъ с(в)агоу Тр(ои)цѣ двѣстѣ руб(ле)въ (АСЭИ СВР, № 4);

(29) А черезъ сю мою грамоту кто ихъ чѣмъ изобидеть, или кто не иметь ходити по сеи грамотѣ, быти ту от мене от великого князя в казни (ГВНП, № 88).

В санкциях, представленных в древнерусских грамотах, так же, как и в англосаксонских, встречается упоминание имени Иуды, как одного из самых известных грешников, для иллюстрации того, что ждет человека, осмелившегося нарушить договор:

(30) Аще сию грамоту хто преступить, да будетъ проклять трети сты святыхъ отецъ и осмынадесятъ и буди ему со Иудою причастье (ГВНП, № 103).

Подкрепляя права новых владельцев религиозными санкциями, составители древнерусских грамот обращались не только к Богу, но и к Пресвятой Богородице, что нехарактерно для англосаксонских грамот:

(31) А хто на сию землю наступить, а то управитъ мати божия (ГВНП, № 102).

На Руси Богородица – это особо почитаемой духовной фигурой. Она считалась заступницей и защитницей русской земли, предстательницей за людей перед Всевышним [Малето, 2003].

Так как пожалования земли осуществлялись, в основном, в пользу монастырей, в запретительные формулы древнерусских грамот включались имена святых, в честь которых эти монастыри были основаны:

(32) А кто почынетъ вступатися въ тое землю, и въ воду, и въ пожни или князь или епискупъ, или хто иметь силу дѣяти, и онъ въ второе пришествие станеть тяжатися съ святымъ Пантелеимономъ (ГВНП, № 82).

Проведенный анализ показал, что обязательными компонентами древнерусских санкций являются запрет на нарушение договора или его изменение и наказание, факультативными – мотивы или причины нарушения договора; упоминание о возможности искупления вины отсутствует.

Прескриптивный характер древнерусских грамот на морфологическом уровне выражается в использовании форм настоящего-будущего времени глагола, приобретающих в запретительных формулах значение должен-

ствования: *дасть, управитъ, судить, отима-
еть, отдасть, станеть тяжатися*. Импе-
ративность реализовывалась также с помо-
щью форм инфинитива и повелительного на-
клонения: *быти в казни, буди противень*.
Частица *да* усиливало значение приказа-
ния: *да судить, да будетъ проклять*.

Синтаксически санкции представлены
конструкциями, маркированными начинатель-
ным союзом *а* или реже церковнославянским
условным союзом *аще*:

(33) А хъто наступи и грамоту нашу поруди,
і онъ богу и пречистой судъ отдасть во ономъ вѣце
(ГВНП, № 283).

В данном контексте определительные
конструкции, начинающиеся с *а кто / хто*,
приобретают условное значение. употребле-
ние соотносительных союзов *то, ино* во вто-
рой части конструкции передает значение
следствия нарушения запрета, результата:

(34) А кто сю грамоту рушит моих детей или
кто моего роду, ино суд ми перед богом (АСЭИ
СВР, № 5).

Отметим, что древнерусские грамоты,
как и англосаксонские – это непрерывный
текст, а функционирование имеющих знаков
препинания отлично от современного. Напри-
мер, для отделения однородных членов мог-
ла ставиться точка после каждого из них. Гра-
ницы предложения графически не отображе-
ны, что затрудняет их точное определение.
Одни предложения нанизывались на другие и
соединялись в крупное синтаксическое целое.
Однако в большинстве случаев каждая сле-
дующая предикативная единица маркирована
каким-либо формальным служебным сред-
ством, например союзами *а, и, да*, получив-
шими название «начинательных». При этом,
как показано Т.М. Николаевой, в летописных
текстах доминировал начинательный союз *и*,
в то время как в деловой письменности чаще
использовался союз *а*. Объясняется это тем,
что деловые тексты в большей степени отра-
жали разговорную речь, в которой данный
союз был более распространен [Николаева,
1997, с. 10].

В целом исследователи отмечают недо-
статочную структурированность и неопреде-
ленность местоположения санкции в древне-

русских грамотах [Черкасова, 2002, с. 37].
По словам ученых, «относительно устойчивая
формула санкции установилась только с XIV–
XV вв., в предшествующий период *sanctio* от-
личалась большим разнообразием и наличи-
ем более ярких образов» [Ельчанинова и др.,
2014, с. 273].

Заключение

Результаты проведенного анализа пока-
зали, что англосаксонские и древнерусские гра-
моты характеризуются функциональным син-
кретизмом, так как сочетают в себе черты
правовой, религиозной, бытовой коммуникации.
Особенно ярко это продемонстрировано в сан-
кции (запретительной формуле), важнейшем
элементе основной части грамот. Универсаль-
ными и обязательными компонентами внутрен-
ней формы санкции англосаксонских и древне-
русских грамот являются запрет на наруше-
ние договора (или изменение его условий) и на-
казание, ожидающее того, кто нарушит дого-
вор. Мотив нарушения договора также принад-
лежит к универсальным компонентам, однако,
будучи факультативным, представлен не во
всех документах. Наличие обязательных и фа-
культативных элементов свидетельствует о не-
достаточной структурированности санкций ан-
глосаксонских и древнерусских грамот; к спе-
цифическим особенностям санкций древнерус-
ских грамот относится вариативность их мес-
тоположения в тексте.

Запретительные формулы носили пре-
скриптивный характер, то есть предписывали
действия адресата и характеризовались об-
лигаторностью их выполнения, которая ре-
ализовывалась на морфологическом уровне с
помощью различных форм и категорий глаго-
ла. Синтаксически санкции в англосаксонских
и древнерусских грамотах представляли со-
бой конструкции с условным значением, мар-
кированные подчинительными или начина-
тельными союзами, и отражали отдельные
особенности разговорной речи (в древнерус-
ских грамотах).

Как в англосаксонских, так и древнерус-
ских грамотах нарушение договора отожде-
ствлялось с совершением греха, и права бе-
нефициаров подкреплялись религиозными сан-
кциями. Страшный суд, муки в аду вместе с

известными грешниками, отлучение от церкви, бездна Тартара и глубины Стикса – неполный список небесных кар, ожидающих того, кто осмелится нарушить волю, изложенную в грамоте. При этом отличительной чертой англосаксонских грамот на латинском языке является смешение Христианских образов и образов античной мифологии, возникающее в результате заимствования из латинских документов готовых формул и усиливающегося влияния Христианской церкви. В древнерусских грамотах помимо санкций, предполагающих духовное наказание, представлены «мирские» санкции – наложение штрафа или телесное наказание. Упоминание Господа, Пресвятой Богородицы (в древнерусских грамотах), различных святых придавало документу авторитетность и весомость. Очевидно, что право на этапе становления было неотделимо от религиозных норм и понятий, соединяя сакральные и светские элементы. Использование негативно окрашенной лексики (преимущественно в англосаксонских грамотах) усиливало эмоциональное воздействие на участников и свидетелей юридического акта. Сопоставительное исследование таких ранних документных текстов, как англосаксонские и древнерусские грамоты позволяет проследить эволюцию договорного права, которое отражало культурный, социальный и политический контекст, в рамках которого оно формировалось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Ю. Г., 1974. Частный земельный акт средневековой Руси (от Русской Правды до Псковской Судной грамоты) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. 6. Л. : Наука. С. 125–141.
- Андреев В. Ф., 1986. Новгородский частный акт XII–XV вв. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние. 143 с.
- Большая Российская энциклопедия. В 30 т. Т. 7. Гермафродит – Григорьев, 2007. М. : Большая Рос. энцикл. 767 с.
- Борковский В. И., 1958. Синтаксис древнерусских грамот: сложное предложение. М. : Акад. наук СССР. 185 с.
- Гимон Т. В., 2011. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси : Сравнительное исследование. М. : Рус. Фонд Содействия Образованию и Науке. 696 с.
- Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф., 2004. *Источниковедение*. М. : Рос. гос. гум. ун-т ; Ин-т «Открытое общество». 701 с.
- Ельчанинова О. Ю., Оспенников Ю. В., Ромашов Р. А., Ютяева Л. Е., 2014. Система источников русского права X–XVIII вв. / под ред. Ю. В. Оспенникова. Самара : АСТАРД. 427 с.
- Зализняк А. А., 2004. Древненовгородский диалект. М. : Яз. слав. культуры. 872 с.
- Качалкин А. Н., 1988. Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. 1. М. : Изд-во Моск. ун-та. 119 с.
- Каштанов С. М., 1970. Очерки русской дипломатики. М. : Наука. 502 с.
- Климкович О. А., 2006. Структура зачина жалованных грамот // *Русский язык: система и функционирование : материалы III Междунар. науч. конф.* Ч. 1. Минск. С. 70–73.
- Лаппо-Данилевский А. С., 2007. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб. : Север. звезда. 285 с.
- Литвина А. Ф., 1995. Семантика и синтаксис формул в деловых документах XIII–XVII вв. (на материале русского, белорусского и украинского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 27 с.
- Малето Е. И., 2003. Образ Богородицы в русском средневековом сознании и его эволюция (по материалам хождений XII–XV вв.) // *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)* : сб. ст. / отв. ред. А. И. Аксенов. М. [б. и.]. С. 9–23.
- Маловичко М. Г., 2002. Становление и развитие функционального стиля официально-деловой документации в английском языке : дис. ... канд. филол. наук. СПб. 252 с.
- Морковина О. В., 2005. Проблема взаимоотношения литературы и деловой письменности в традиции древнерусского завещания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск. 34 с.
- Николаева Т. М., 1997. Сочинительные союзы а, но, и: история, сходства и различия // *Славянские сочинительные союзы* : сб. ст. М. : ИСБ. С. 3–24.
- Стеценко А. Н., 1977. Исторический синтаксис русского языка. М. : Высш. шк. 351 с.
- Улуханов И. С., 2002. О языке Древней Руси. М. : Азбуковник. 192 с.
- Успенский Б. А., 1994. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М. : Гнозис. 240 с.
- Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы, 1961 / отв. ред. В. М. Корецкий. М. : Госюриздат. 950 с.
- Черкасова М. С., 2002. Поземельные акты как источник для изучения религиозного сознания

- средневековой Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 8. С. 35–47.
- Чиркова А. В., 2019. Западноевропейская дипломатика Средних веков и Раннего Нового времени. СПб. : Нестор-История. 92 с.
- Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., 2015. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М. : Рус. слов. 288 с.
- Ярушева Л. В., 2016. Влияние славянского, римского, немецкого права на формирование российских источников права // Genesis: исторические исследования. № 1. С. 1–16. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.1.16313
- Baugh A. C., Cable Th., 2002. A History of the English Language. L. : Routledge. 447 p.
- Carlton Ch. M., 1970. Descriptive Syntax of the Old English Charters. The Hague : Mouton & Co. N. V. Publishers. 200 p.
- Castle K. M., 2016. The Development and Decline of Malediction in the Charters of Anglo-Saxon England : [doctoral dissertation]. Toronto : University of Toronto. 256 p.
- Gallagher R., 2018. The Vernacular in Anglo-Saxon Charters: Expansion and Innovation in Ninth-Century England // Historical Research. Vol. 91, iss. 252. P. 205–235. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2281.12224>
- Keynes S., 2001. Charters and Writs // The Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England / ed. by M. Lapidge [et al.]. Oxford : Blackwell Publishing. P. 99–100.
- Lowe K. A., 1998. The Development of the Anglo-Saxon Boundary Clause // Nomina: Journal of the Society for Name Studies in Britain and Ireland. № 21. P. 63–100.
- Hofman P., 2008. Infernal Imagery in Anglo-Saxon Charters : [doctoral dissertation]. St. Andrews : University of St. Andrews. 401 p.
- Schendl H., Wright L., 2011. Code-Switching in Early English. Berlin : De Gruyter. 340 p.
- Timofeeva O., 2013. Of ledenum bocum to engliscum gereorde: Bilingual Communities of Practice in Anglo-Saxon England // Communities of Practice in the History of English. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company. P. 201–224.
- Tollerton L., 2011. Wills and Will-Making in Anglo-Saxon England. Woodbridge and Rochester. N. Y. : York Medieval Press in Association with The Boydell Press. 327 p.
- начала XVI в. / под ред. Б. Д. Грекова. Т. 1. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 804 с.
- ГВНП* – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М. : Л. : Изд-во Акад. Наук СССР, 1949. 407 с.
- ASChart* – Anglo-Saxon Charters / ed. by A. J. Robertson. N. Y. : Cambridge University Press, 2009. 594 p.
- DAAS* – Diplomatarium Anglicum Aevi Saxonici: A Collection of English Charters, from the Reign of King Aethelbert of Kent, A.D. DC.V. to That of William the Conqueror / ed. by B. Thorpe. Clark : The Lawbook Exchange, Ltd, 2008. 724 p.
- SEHD* – Select English Historical Documents of the Ninth and Tenth Centuries / ed. by F. E. Harmer. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 160 p.
- TES* – The Electronic Sawyer: Revised Catalogue of Anglo-Saxon Charters. URL: <http://www.esawyer.org.uk>

СЛОВАРИ

- Исаев* – Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов : От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М. : Спарк, 2001. 119 с.
- СлРЯ XI–XVII* – Словарь русского языка XI–XVII вв. В 30 вып. Вып. 4. М. : Наука, 1977. 384 с.

REFERENCES

- Alekseev Yu.G., 1974. Chastnyy zemelnyy akt srednevekovoy Rusi (ot Russkoy Pravdy do Pskovskoy Sudnoy gramoty) [Private Land Act of Medieval Rus' (From the Russian Truth to the Pskov Judicial Charter)]. *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny. T. 6* [Auxiliary Historical Sciences. Vol. 6]. Leningrad, Nauka Publ, pp. 125-141.
- Andreev V.F., 1986. *Novgorodskiy chastnyy akt XII–XV vv.* [Novgorod Private Act of the 12th – 15th Centuries]. Leningrad, Nauka. Leningr. otdnie Publ. 143 p.
- Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya. V 30 t. T. 7. Germafrodit – Grigoryev* [Great Russian Encyclopedia. In 30 Vols. Vol. 7. Germafrodit – Grigoryev], 2007. Moscow, Bolshaya Ros. entsikl. Publ. 767 p.
- Borkovskiy V.I., 1958. *Sintaksis drevnerusskikh gramot: slozhnoe predlozhenie* [Old Russian Charters Syntax: A Complex Sentence]. Moscow, Akad. nauk SSSR. 185 p.
- Gimon T.V., 2011. *Istoriopisanie rannesrednevekovoy Anglii i Drevney Rusi: Sravnitelnoe issledovanie* [Historical Writing in Early Medieval England and

ИСТОЧНИКИ

АСЭИ СВР – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV –

- Early Rus: A Comparative Study]. Moscow, Rus. Fond Sodeistviia Obrazovaniiu i Nauke. 696 p.
- Danilevskiy I.N., Kabanov V.V., Medushevskaya O.M., Rumyantseva M.F., 2004. *Istochnikovedenie* [Source Studies]. Moscow, Ros. gos. gum. un-t, In-t «Otkrytoe obshchestvo». 701 p.
- Elchaninova O.Yu., Ospennikov Yu.V., Romashov R.A., Yutiaeva L.E., 2014. *Sistema istochnikov russkogo prava X–XVIII vv.* [The System of Sources of Russian Law 10th – 18th Centuries]. Samara, ASGARD Publ. 427 p.
- Zaliznyak A.A., 2004. *Drevnenovgorodskiy dialekt* [Old Novgorod Dialect]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 872 p.
- Kachalkin A.N., 1988. *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoy epokhi. Ch. I* [Genres of the Russian Document of the Pre-Petrine Era. Pt. 1]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 119 p.
- Kashtanov S.M., 1970. *Ocherki russkoy diplomatiki* [Essays on Russian Diplomacy]. Moscow, Nauka Publ. 502 p.
- Klimkovich O.A., 2006. *Struktura zachina zhalovannykh gramot* [The Structure of the Beginning of the Charters of Grant]. *Russkiy yazyk: sistema i funktsionirovanie: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. Ch. I* [The Russian Language: System and Functioning. Proceedings of the 3rd International Scientific Conf. Pt. 1]. Minsk, pp. 70-73.
- Lappo-Danilevskiy A.S., 2007. *Ocherk russkoy diplomatiki chastnykh aktov* [Essay on Russian Diplomacy of Private Acts]. Saint Petersburg, Sever. zvezda Publ. 285 p.
- Litvina A.F., 1995. *Semantika i sintaksis formul v delovykh dokumentakh XIII–XVII vv. (na materiale russkogo, belorusskogo i ukrainskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantics and Syntax of Formulas in Business Documents of the 13th – 17th Centuries (Based on the Material of the Russian, Belarusian and Ukrainian Languages). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 27 p.
- Maletov E.I., 2003. *Obraz Bogoroditsy v russkom srednevekovom soznanii i ego evolyutsiya (po materialam khozhdeniy XII–XV vv.)* [The Image of the Mother of God in the Russian Medieval Consciousness and Its Evolution (Based on Pilgrimages of the 12th – 15th Centuries)]. Aksenov A.I., ed. *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.): sb. st.* [Studies on Source Study of Russian History (Before 1917). Collection of Articles]. Moscow, s. n. pp. 9-23.
- Malovichko M.G., 2002. *Stanovlenie i razvitie funktsionalnogo stilya ofitsialno-delovoy dokumentatsii v angliyskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Formation and Development of the Functional Style of Official and Business Documentation in English. Cand. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg. 252 p.
- Morkovina O.V., 2005. *Problema vzaimootnosheniya literatury i delovoy pismennosti v traditsii drevnerusskogo zaveshchaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Problem of the Relationship Between Literature and Business Writing in the Tradition of the Old Russian Will. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Tomsk. 34 p.
- Nikolaeva T.M., 1997. *Sochinitelnye soyuzy a, no, i: istoriya, skhodstva i razlichiya* [Coordinating Conjunctions “a,” “no,” “i”: History, Similarities and Differences]. *Slavyanskije sochinitelnye soyuzy: sb. st.* [Slavic Coordinating Conjunctions]. Moscow, ISB Publ., pp. 3-24.
- Stetsenko A.N., 1977. *Istoricheskiy sintaksis russkogo yazyka* [Historical Syntax of the Russian Language]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 351 p.
- Ulukhanov I.S., 2002. *O yazyke Drevney Rusi* [About the Language of Ancient Rus’]. Moscow, Azbukovnik Publ. 192 p.
- Uspenskiy B.A., 1994. *Kratkiy ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka (XI–XIX vv.)* [A Brief Essay on the History of the Russian Literary Language (11th – 19th Centuries)]. Moscow, Gnozis Publ. 240 p.
- Koretskiy V.M., ed., 1961. *Khrestomatiya pamyatnikov feodalnogo gosudarstva i prava stran Evropy* [Reader on the Records of the Feudal State and Law of European Countries]. Moscow, Gosyurizdat. 950 p.
- Cherkasova M.S., 2002. *Pozemelnye akty kak istochnik dlya izucheniya religioznogo soznaniya srednevekovoy Rusi* [Land Acts as a Source for Studying the Religious Consciousness of Medieval Rus’]. *Drevniia Rus. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], no. 8, pp. 35-47.
- Chirkova A.V., 2019. *Zapadnoevropeyskaya diplomatika Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni* [Western European Diplomacy of the Middle Ages and Early Modern Times]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 92 p.
- Yanin V.L., Zaliznyak A.A., Gippius A.A., 2015. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)* [Novgorod Letters on Birch Bark (From Excavations 2001–2014)]. Moscow, Rus. slov. Publ. 288 p.
- Yarusheva L.V., 2016. *Vliyanie slavyanskogo, rimskogo, nemetskogo prava na formirovanie rossiyskikh istochnikov prava* [The Influence of Slavic, Roman, German Law on the Formation of Russian Sources of Law]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical Research],

- no. 1, pp. 1-16. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.1.16313
- Baugh A.C., Cable Th., 2002. *A History of the English Language*. London, Routledge. 447 p.
- Carlton Ch.M., 1970. *Descriptive Syntax of the Old English Charters*. The Hague, Mouton & Co. N. V. Publishers. 200 p.
- Castle K.M., 2016. *The Development and Decline of Malediction in the Charters of Anglo-Saxon England: Doctoral Dissertation*. Toronto, University of Toronto. 256 p.
- Gallagher R., 2018. The Vernacular in Anglo-Saxon Charters: Expansion and Innovation in Ninth-Century England. *Historical Research*, vol. 91, iss. 252, pp. 205-235. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2281.12224>
- Keynes S., 2001. Charters and Writs. Lapidge M. et al., eds. *The Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England*. Oxford, Blackwell Publishing, pp. 99-100.
- Lowe K. A., 1998. The development of the Anglo-Saxon Boundary Clause. *Nomina: Journal of the Society for Name Studies in Britain and Ireland*, no. 21, pp. 63-100.
- Hofman P., 2008. *Infernal Imagery in Anglo-Saxon Charters: Doctoral Dissertation*. St. Andrews, University of St. Andrews. 401 p.
- Schendl H., Wright L., 2011. *Code-switching in Early English*. Berlin, De Gruyter. 340 p.
- Timofeeva O., 2013. Of ledenum bocum to englisicum gereorde: Bilingual Communities of Practice in Anglo-Saxon England. *Communities of Practice in the History of English*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, pp. 201-224.
- Tollerton L., 2011. *Wills and Will-Making in Anglo-Saxon England. Woodbridge and Rochester*. New York, York Medieval Press in Association with The Boydell Press. 327 p.

SOURCES

- Grekov B.D., ed. *Akty sotsialno-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV – nachala XVI v.* [Acts of Social-Economic History of North-Eastern Russia of the End of 14th – Beginning of the 16th c.], vol. 1. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1952. 804 p.
- Valk S.N., ed. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Charters of Novgorod the Great and of Pskov]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1949. 407 p.
- Robertson A.J., ed. *Anglo-Saxon Charters*. New York, Cambridge University Press, 2009. 594 p.
- Thorpe B., ed. *Diplomatarium Anglicum Aevi Saxonici: A Collection of English Charters, from the Reign of King Aethelbert of Kent, A.D. DC.V. to That of William the Conqueror*. Clark, The Lawbook Exchange, Ltd, 2008. 724 p.
- Harmer F.E., ed. *Select English Historical Documents of the Ninth and Tenth Centuries*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011. 160 p.
- The Electronic Sawyer: Revised Catalogue of Anglo-Saxon Charters*. URL: <http://www.esawyer.org.uk>

DICTIONARIES

- Isaev M.A. *Tolkovyy slovar drevnerusskikh yuridicheskikh terminov: Ot dogovorov s Vizantiej do ustavnykh gramot Moskovskogo gosudarstva* [An Explanatory Dictionary of Old Russian Legal Terms: From the Treaties with Byzantium up to the Charters of Moscow State]. Moscow, Spark Publ., 2001. 119 p.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. V 30 vyp. Vyp. 4* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th c. In 30 Iss. Iss. 4]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 384 p.

Information About the Author

Tatiana Yu. Belonogova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Department of Applied and Theoretical Linguistics, Tyumen State University, Volodarskogo St, 6, 625003 Tyumen, Russia, t.y.belonogova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1466-0945>

Информация об авторе

Татьяна Юрьевна Белоногова, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры прикладной и теоретической лингвистики, Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, 625003 г. Тюмень, Россия, t.y.belonogova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1466-0945>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.6>

UDC 811.111:32
LBC 81.432.1-55

Submitted: 30.06.2023
Accepted: 01.12.2023

DYNAMICS OF AMERICAN POLITICAL DISCOURSE OF THE 20th – EARLY 21st CENTURIES ¹

Olga L. Bessonova

Donetsk State University, Donetsk, Russia

Irina V. Fatianova

Donetsk State University, Donetsk, Russia

Abstract. The article addresses dynamics of conceptual space and communicative organization of the American political discourse in the 20th – early 21st centuries. The research objective is to identify transformations in the content of universal and nationally-marked concepts, as well as verbal modification of communicative strategies and tactics in the American political discourse of the periods under study. The main research methods applied are discourse, conceptual, semantic, and contextual analysis. The sampling corpus incorporates 662 public speeches of American presidents. The speeches under analysis belong to the ritual, orientational, and agonal genres of the political discourse. The main discourse-forming and nationally-marked concepts, features of the communicative structure of the American political discourse are established. The analysis of the metaphorical system as a way of realizing the intention in the American political discourse is carried out. The main types of conceptual metaphor, representing the discourse-forming concepts of the American political discourse are considered. The American political discourse conceptual space is more prone to transformations than its communicative structure in the studied timeframe. The nationally-marked concepts tend to be more dynamic than the universal discourse-forming concepts. The conceptual dynamism of the nationally-marked concepts manifests itself in the prevalence of the dominant features and the lacunarity at different stages of the American linguo-cultural community existence. The nationally-marked concepts components related to the historical and socio-cultural aspects of the speaking community life are brought into the open in the speeches of American presidents as transmitters of the national cultural values and role-status configurations in the political discourse of the 20th – early 21st centuries.

Key words: political discourse, discourse-forming concept, nationally-marked concept, conceptual metaphor, communicative strategy, communicative tactic, diachronic synchrony.

Citation. Bessonova O.L., Fatianova I.V. Dynamics of American Political Discourse of the 20th – Early 21st Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 1, pp. 69-83. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.6>

УДК 811.111:32
ББК 81.432.1-55

Дата поступления статьи: 30.06.2023
Дата принятия статьи: 01.12.2023

ДИНАМИКА АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА ¹

Ольга Леонидовна Бессонова

Донецкий государственный университет, г. Донецк, Россия

Ирина Валерьевна Фатьянова

Донецкий государственный университет, г. Донецк, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению динамики лингвокогнитивной и коммуникативной организации американского политического дискурса XX – начала XXI века. Цель исследования – установить и

описать трансформации в структуре универсальных и национально-маркированных концептов, а также изменения в вербальной репрезентации коммуникативных стратегий и тактик в американском политическом дискурсе изучаемых периодов. Основными методами исследования послужили дискурсивный, концептуальный, семантический и контекстуальный анализ. Эмпирический корпус составили 662 публичных выступления американских президентов. Анализируемые речи относятся к ритуальному, ориентационному и агональному жанрам политического дискурса. Установлены дискурсообразующие и национально-маркированные концепты, особенности коммуникативной организации американского политического дискурса. Проведен анализ системы метафор как средств реализации интенции в американском политическом дискурсе. Концептосфера американского политического дискурса, представленная системой дискурсообразующих и национально-маркированных концептов, подвержена трансформациям по сравнению с коммуникативной организацией данного типа дискурса. Дискурсообразующие концепты регулярно актуализируются в текстах всех жанров публичных выступлений президентов США. Национально-маркированные концепты демонстрируют большую динамику, что проявляется в доминировании актуальных когнитивных признаков и лакуарности на определенных этапах развития американского лингвокультурного сообщества. В публичных выступлениях президентов США как носителей соответствующей культуры и статусно-ролевых отношений в XX – начале XXI в. приоритетны те компоненты национально-маркированных концептов, которые связаны с историческими и социокультурными аспектами жизни американского лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: политический дискурс, дискурсообразующий концепт, национально-маркированный концепт, концептуальная метафора, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, диахроническая синхрония.

Цитирование. Бессонова О. Л., Фатьянова И. В. Динамика американского политического дискурса XX – начала XXI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 69–83. – (На англ. яз.). –DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.6>

Introduction

A comprehensive study of transformations in the American political discourse (hereinafter – APD) in the 20th – early 21st centuries based on the American presidents' public speeches is one of the topical issues of political linguistics.

In the modern APD research the emphasis is made on the important role of various linguistic means, in particular, metaphors [Kalinin, 2021; Pisarenkov, 2021], euphemisms [Kondratenko, 2021], neologisms [Nazarova, 2021], ideologemes [Mikhaylovskaya, 2023], specialised terminology [Sokolova, 2021]. APD has been approached in terms of evaluative utterances that underlie certain political beliefs and convictions [Vlasova, 2021; Kolesnikova, Kozlova, 2023; Kononova, Melnichuk, 2021; Sokolova, 2021], politicians' personal discourse of [Margaryan, 2022; Trusova, 2022], etc. A significant number of linguistic insights into political discourse are aimed at identifying its manipulative features, manifesting themselves in the choice of certain communicative strategies and tactics [Volkova, Panchenko, 2022; D'yachenko, 2021; Ust'yantseva, 2022; Chepurnaya, 2022]. Exploring the APD functioning, linguists focus on its linguo-cognitive, linguo-cultural, and linguo-

pragmatic aspects and features [Makurova, 2021; Mukhamatshin, 2021; Rubtsov, 2021; Chanturidze, 2020; Yasakova, 2022]. It should be pointed out, that the majority of the researches of political discourse are text-centric, which means that the use of linguistic means in the discourse is brought into the open, with supporting extralinguistic factors being neglected.

Thus, it seems appropriate to consider APD as a systemic dynamic phenomenon that undergoes changes accounted for by the socio-political and linguo-cultural situation. The relevance of the work is determined by the profound integrated approach to the study of the correlation between cognitive, rhetorical, and axiological aspects of APD. Revealing the role of language mechanisms in the context of media war in the present-day turbulent world also makes the suggested approach topical.

APD is treated as a form of social interaction determined by specific values and social norms, conventions and social practices, limited and influenced by specific institutional structures in society and real historical processes. The inclusion of a historical and social perspective in the APD treatment makes it possible to better reflect the dynamics of the social nature of a linguistic sign

at any level and to consider it as a result of social processes motivated by the unity of form and meaning. The APD institutional facet determines the significance of the individual at power. The APD most important characteristic feature is its ethno-cultural specificity, which is embedded in the culturally relevant communicative behaviour and values worldview of the language community. The APD extralinguistic component, along with cognitive and communicative activity, includes the speakers' values. Communication in APD centers around specific value concepts, which are embedded in evaluative structures. It is determined by a specific type of mentality relevant for political discourse. The research addresses American presidents' public speeches. It should be pointed out that the speech genre in the political discourse is characterized by a great variety of forms, thus accurately providing information that reflects the linguo-cultural community mentality and values system, influenced by the time and dominant ideology. The integrated approach to the study of APD statics and dynamics in the period of the 20th – early 21st centuries makes it possible to reveal transformations in its conceptual space and communicative structure.

The research objective is to identify and describe the dynamics in the conceptual space and the communicative organization of the APD in the 20th – early 21st centuries. To reach the objective, a number of tasks have been set, among which are to investigate the specifics of US presidents' political speeches at assorted historical stages and to compare the specific features with the established rules for public speeches of the US head of state, as well as to compare with the speech tradition of the American political rhetoric.

Material and methods

The empirical corpus is constituted by the texts of official transcripts of US presidents' speeches presented on the website *Millercenter.org: Presidential speeches*. In total, 662 public speeches have been subjected to the analysis. The speeches under study belong to the ritual (80), orientational (469) and agonal (113) genres of political discourse.

The empirical corpus incorporates 509 public speeches by the 20th century US presidents

(Th. Roosevelt, W.H. Taft, Th.W. Wilson, W.G. Harding, J.C. Coolidge Jr., H.C. Hoover, F.D. Roosevelt, H.S. Truman, D.D. Eisenhower, J.F. Kennedy, L.B. Johnson, R.M. Nixon, G.F. Ford Jr., J.E. Carter Jr., R.W. Reagan, G.H.W. Bush, W.J. "Bill" Clinton). They are referred to the *ritual* (66), *orientational* (360) and *agonal* (83) APD genres, including: Inaugural Address (23), Traditional Presidential Address (12), Anniversary Speech (21), Farewell Address (7), Response to the Allegations (3), Address on Domestic Policy (103), Address on U.S. Foreign Policy (131), Presidents message to other countries (13), Presidents speech at conferences of various levels (12), State of the Union Address (70), Campaign Speech (11), Press Conference (30), Nominee Acceptance Speech (22), Presidential Debate (26), Special Message to the Congress on Urgent National Needs (2), Address to Joint Session of Congress (20), Address to the U.N. General Assembly (10), Address to Congress Requesting a Declaration of War (3).

The empirical corpus also includes 153 speeches by the early 21st century American presidents (G.W. Bush, B.H. Obama II, D.J. Trump). They are assigned to the following APD genres: *ritual* (14, including 5 transcripts of Inaugural Address, 6 Anniversary Speeches, 2 transcripts of Farewell Address и 1 Response to the Allegations); *orientational* (109, Address on Domestic Policy (48), Address on U.S. Foreign Policy (20), Presidents message to other countries (11), Presidents speech at conferences of various levels (3), State of the Union Address (17), Campaign Speech (2), Press Conference (8)); *agonal* (30, Nominee Acceptance Speech (4), Presidential Debate (16), Address to Joint Session of Congress (5), Address to the UN General Assembly (5)).

In both the 20th and early 21st centuries, most of the presidential speeches deal with domestic and foreign policy. Particularly noteworthy are the ones focused on military operations on the territory of other states, in which the US military takes an active part. Along with the underlined topics, economic and migration problems, issues of reforming and improving the sphere of education and medicine are also coming to the fore in the early 21st century. The focus of politicians is the problems of state security, various types of terrorism and ways to

counter extremist activities, cyber security, environmental protection issues.

In order to achieve accurate results, we applied relevant quantitative and qualitative methods to the analysis of the selected political speeches, among them are componential, contextual, conceptual, compositional, linguo-stylistic, and discourse analysis. At the last stage of the analysis, the comparative method was employed to describe the results obtained. Quantitative analysis was used to determine the frequency value of means expressing discourse-forming and nationally-marked concepts, the correlation of communicative strategies and tactics of the APD in the 20th – early 21st centuries, and to establish the frequency of means of their expression.

Results and discussion

Conceptual space of the American political discourse in the 20th – early 21st centuries

Within the framework of this study, the concept as a key notion of cognitive linguistics is viewed from linguo-cognitive and linguo-cultural points of view [Karasik, 2002]. The concept is treated as a complex, dynamic, structural and semantic, ethnically and culturally determined mental unit of consciousness, which acts as a method and result of knowledge categorization and which can be expressed by language means [Popova, Sternin, 2007].

In the speeches under study we have identified contexts with actualized discourse-forming and nationally-marked APD concepts. The APD conceptual space in the 20th – early 21st centuries is shaped by such universal discourse-forming concepts as POLITICS, STATE, PEOPLE, POWER, and also by nationally-marked concepts as AMERICA, FREEDOM, NATIONALISM / PATRIOTISM, DEMOCRACY, EQUALITY, REVOLUTION, THE GREAT DEPRESSION, WAR, COLD WAR, CRISIS, PRESIDENT, THE FIRST LADY, PROSPERITY, FEMINISM, SECURITY, TERRORISM. The nationally-marked concepts can acquire ethnically relevant content, reflect the features of the national mentality, thus revealing certain national specificity.

Universal discourse-forming concepts of APD in the 20th – early 21st centuries

Discourse-forming concepts POLITICS, STATE, PEOPLE, POWER are the most significant in the conceptual sphere of the APD in the 20th – early 21st centuries. These concepts are viewed as complex mental formations in the minds of representatives of a linguistic community. Their notional-evaluative and figurative-evaluative constituents can be verbalized by various language units. The semantic space of the concept POLITICS tends to be extended in the APD of the 20th – early 21st centuries. The most frequent designations of this concept are *politics, policy, government, administration, organization, management*. In the early 21st century APD, the words *politics, government, administration, policy, authority* are characterized by the highest frequency value. Some designations expressing the concept POLITICS (for instance, *polity, realpolitik*) go out of use, and the new ones (for example, *campaign, black power, white power, soft power*) appear. In the 20th century APD, most concepts verbalize the segments POLITICAL VIEWS / BELIEFS and STATE OF POLITICAL AFFAIRS. In the early 21st century, the segments POWER IN PUBLIC LIFE and INFLUENCE are foregrounded. This observation reflects close connection of the concept POLITICS with the discourse-forming concepts POWER and STATE, as well as the nationally-marked concepts DEMOCRACY, FREEDOM, AMERICA.

In the APD of the 20th – early 21st centuries the concept POLITICS is expressed by various language units. The most frequent means are ideologemes, semantic repetition, syntactic parallelism, conceptual metaphor. American presidents, in their speeches on the country's foreign and domestic policy, the reconsideration of which entails the need to resolve a number of political, economic, social and moral-ethical issues, actively use ideologemes, the content of which varies depending on their contextual use:

(1) We must always be wary of those who with sounding brass and a tinkling cymbal preach the **ism of appeasement** (F.D. Roosevelt, Jan. 6, 1941).

Semantic repetition and syntactic parallelism are productive means of evoking an emotional response of the audience. Their use enhances the

influence on the addressee and helps to increase the statement illocutionary effect:

(2) **This isn't political grandstanding. This isn't class warfare. This is simple math. This is simple math. These are real choices. These are real choices** that we've got to make (B. Obama, Sept. 8, 2011).

Conceptual metaphor, and its structural type (see: [Lakoff, Johnson, 1980]) with source-domains POWER, WAR, THEATER, BUSINESS, PROFESSION and SPORT has turned out to be a productive way of representing the concept POLITICS in the APD in both the 20th – early 21st centuries. In both periods, the militaristic metaphor POLITICS is WAR prevails, which points out to the fierce competition not only among politicians, but also in a society as a whole. The political system is imbued with the spirit of militarism and is comprehended in terms of war with everyone and against everyone, which can be explained by the essence of the political discourse itself, i.e. the struggle for power:

(3) We will be ever vigilant and never vulnerable, and **we will fight our wars against** poverty, ignorance, and injustice – for those are the enemies against which our forces can be honorably marshaled (J. Carter, Jan. 20, 1977);

(4) I was proud to help **lead the fight** in Congress that led to the most sweeping ethics reform since Watergate (B. Obama, Sept. 26, 2008).

As a universal discourse-forming concept of the APD in the 20th – early 21st centuries, the concept POLITICS intersects with such discourse-forming concepts as POWER, STATE, PEOPLE and such nationally-marked concepts as AMERICA, DEMOCRACY, FREEDOM, PRESIDENT.

The main semantic features in the invariant model of the concept STATE in English are *country, government, official ceremony, the US*. In the APD of the 20th – early 21st centuries the conceptual space of STATE gets extended at the expense of such semantic features as *territory, political and social organizations, bodies of power, functions, ideology, symbols, religion and permanent population*.

The most frequently used language means, verbalizing this concept are epithets and proper names, metonymy, metaphors, semantic repetitions, syntactic parallelism, anaphora.

Epithets and proper names are a powerful tool for creating the required background of the speech, and politicians refer to them as an evaluative means to attract the audience attention:

(5) Because of what **America** is and what **America** has done, **a firmer courage, a higher hope, inspires the heart of all humanity** (C. Coolidge, Mar. 4, 1925).

Metonymy and metaphor illustrate the peculiarities of the worldview of the American linguo-cultural community in both historical periods:

(6) **Our harvests** are bountiful, **our factories** flourish, **our homes** are safe, **our defenses** are secure (L.B. Johnson, Nov. 28, 1963);

(7) States like these and their terrorist allies constitute **an axis of evil**, arming to threaten the peace of the world (G.W. Bush, Jan. 29, 2002).

The combination of semantic repetition, syntactic parallelism, anaphora is an emotional figurative device, having definite specificity and certain parameters of impact, which makes it possible to determine the discourse-forming (PEOPLE and STATE) and the nationally-marked (AMERICA, NATIONALISM / PATRIOTISM, PROSPERITY) concepts, as well as strategies (of manipulation) and tactics (of cooperation and promising), characteristic of the 20th – early 21st centuries APD:

(8) **Your voice, your hopes, and your dreams**, will define our American destiny. And **your courage and goodness and love** will forever guide us along the way. Together, **We Will Make America Strong Again. We Will Make America Wealthy Again** (D. Trump, Jan. 20, 2017).

The analysis of the verbalizers of the concept STATE enables to state its close connection with both the discourse-forming concepts POLITICS, POWER, PEOPLE, and with the nationally-marked concepts DEMOCRACY and NATION. Thus, the concept STATE in the APD of the 20th – early 21st centuries is distinguished by its cognitive features dynamic and a variety of linguistic descriptions and interpretation. The features *large family, traditional family, extended family* of the concept STATE, which prevail in the 20th century APD, become irrelevant in the early 21st century APD. The conceptual features *prestigious profession / occupation / jobs*,

residence, sexual orientation come to the fore in the early 21st century APD.

The prevalent number of contexts, that verbalize the concept PEOPLE in the 20th century APD, actualize the segments of INDIVIDUALS and FAMILY. In the early 21st century APD, the segments POLITICAL SUBJECT / OBJECT and RELATIONS are dominant, which is due to a number of factors, among which the worldview of the speaking community, transformations in the way of life, revision of traditional values, as well as the opposition of power and people, personality and mass (crowds), which manifests itself in close connection of the concept PEOPLE with the concepts POLITICS, POWER and STATE.

The peculiarities in verbalizing the figurative-evaluative constituent of the concept PEOPLE are observed in the choice and frequency of linguistic means. It is important to highlight that the most productive means are phraseological units, proverbs and sayings, proper names, metonymy, epithets, euphemisms, combination of anaphora, semantic repetition and syntactic parallelism.

American presidents quite often resort to metaphors, as well as to phraseological units in their speeches. Consequently, at first glance, the vocabulary is saturated with political, legal, economic terms, however, at the same time, it is expressive. Since most political speeches are targeted to the public at large, expressive means help to build up a special emotional atmosphere and mood, and demonstrate the speaker's eloquence. In the long run, it adds up to achieving the APD main goal, i.e. manipulation, persuasion, and winning the addressee.

It can be noted that new or modified phraseological units have constantly appeared and are appearing in the APD, with political realia being the most productive source of new phraseological units. Among them, the communicative type of phraseological units can be distinguished:

(9) **America is not anything if it consists of each of us. It is something only if it consists of all of us** (W. Wilson, Jan. 29, 1916).

The use of proper names of outstanding political leaders of the past and present adds up symbolism to the concept PEOPLE. Such anthroponyms cause the addressee's strong associations and corresponding emotions, which

means that proper names can perform a regulatory-influencing function.

For example, it is typical of American presidents to use the names of their predecessors in order to express tribute, evaluate successes, achievements, inspire citizens with the high example of national heroes, or, conversely, criticize the actions of a politician:

(10) We are the party of **Roosevelt**. We are the party of **Kennedy**. So, don't tell me that Democrats won't defend this country... (B. Obama, Aug. 28, 2008).

In the example (10), Barack Obama uses the names of Franklin Delano Roosevelt and John Fitzgerald Kennedy, identifying himself with prominent leaders, which enables positive evaluation of the capabilities of the newly elected president by the recipient, as Barack Obama points to his belonging to the same political party.

Another language means that represents the figurative-evaluative constituent of the concept PEOPLE is metonymy. At the conceptual level, the basis for such a trope is the activation of abstract concepts such as PART-WHOLE, CAUSE-RESULT, which serve to model the fundamental perceptual invariants of cognition and act as those topological constants that organize human interaction with the environment.

(11) I would fain believe that I am speaking for the silent mass of mankind everywhere who have as yet had no place or opportunity to speak their **real hearts** out concerning the death and ruin they see... (W. Wilson, Apr. 19, 1916).

The function of an epithet, which verbalizes figurative-evaluative constituent of the concept PEOPLE, is performed by adjectives. This trope makes the speech expressive. Resorting to epithets, the president can present the object in a favourable light. The analysis of the research material shows that in the 20th – early 21st centuries APD, the American people are presented as a brave, peace-loving, noble, invincible, prosperous and most powerful nation on Earth:

(12) **These gallant men** in blue and gray sit all about us here (W. Wilson, May 30, 1914).

Another device of figurative interpretation of the concept PEOPLE is euphemism. This trope is a figurative means that in natural speech serves

to replace straightforward, rude or unacceptable for any reasons names of phenomenon with a softer form of the denotation of this phenomenon. As political correctness is an integral component of the ideology of modern American society and political culture, euphemisms, being a universal linguistic phenomenon, are usually determined by socio-historical, moral and ethical norms, national and linguistic traditions of the linguistic community:

(13) Our nation is at war against a far-reaching **network of violence and hatred** (B. Obama, Jan. 20, 2009).

To update the concept PEOPLE at the syntactic level, combination of anaphora, semantic repetition and syntactic parallelism are used. Repetition fulfills the function of intensifying, increasing the emotional background of the speech. Repeating words helps to mount tension, which, in turn, reflects the emotional dynamic:

(14) **Washington flourished, but the people did not share in its wealth. Politicians prospered, but the jobs left and the factories closed.** <...> The establishment protected itself, but not the citizens of our country. <...> **Their victories** have not been **your victories**. **Their triumphs** have not been **your triumphs** (D. Trump, Jan. 20, 2017).

These language means are aimed at forming the addresser-addressee configuration and the image of a citizen in the socio-political system as reflected in the 20th – early 21st centuries APD.

The most productive means of expressing the universal discourse-forming concept PEOPLE is cognitive metaphor of different types. It is important to highlight prevalence of structural and ontological metaphors. The productive metaphorical patterns are as follows: PEOPLE are UNITY, PEOPLE are FEELINGS and EMOTIONS, PEOPLE are DEMOCRACY, PEOPLE are FORCE.

The following example demonstrates one of the most productive pattern, which is PEOPLE are UNITY:

(15) **We are bound together** by the most powerful of all ties, our fervent love for freedom and independence, which knows no homeland but the human heart (G. Ford, Aug. 1, 1975).

In the APD of the 20th – early 21st centuries, the invariant model of the concept POWER in

English is associated with the semantic features **control, ability, authority, country, influence**. The segments CONTROL and AUTHORITY in the structure of the concept POWER are more prominent in the APD of the 20th century, while in the early 21st century APD the verbalizers of the segments COUNTRY and INFLUENCE come to the fore. This observation can be explained by new challenges of time, among which is the changing role of the state on the world arena, the development of mass media, as well as the emergence of a number of controversial issues, in which the interests of world powers may collide.

The most productive means of expressing the concept POWER in the APD are metonymy, phraseological units, and epithets. The above-mentioned language means in the 20th – early 21st centuries APD add up to the expressiveness and imagery in presenting the information:

(16) It is the story of a new world that became a friend and liberator of the old, a story of a slave-holding society that became a servant of freedom, **the story of a power** that went into the world to protect but not possess, to defend but not to conquer (G.W. Bush, Jan. 20, 2001);

(17) **No evil force** on Earth can match **the noble power** and **righteous glory** of the American warrior (D. Trump, June 13, 2020).

The analysis of the metaphorical actualization of the figurative-evaluative constituent in the concept POWER shows that the most numerous in the APD of both periods are ontological metaphors with such source domains as an unspecified object (an object of desire, a trophy), a material object / phenomenon / artifact (mechanism, vehicle, building, tool), container, destination, living being. Another frequently used type of conceptual metaphors in the 20th – early 21st centuries APD is the structural one. In the 20th century APD the metaphorical pattern POWER is DEMOCRACY prevails. In the APD of the early 21st century there appears a new pattern, which is POWER is STRUGGLE:

(18) These acts of mass murder were intended to frighten our nation into chaos and retreat. But they have failed. **Our country is strong.** <...> **Today, our nation saw evil – the very worst of human nature – and we responded with the best of America** (G.W. Bush, Sept. 12, 2002).

*Nationally-marked concepts in APD
of the 20th – early 21st centuries*

Universal discourse-forming and nationally-marked concepts play an important role in the formation and understanding of the surrounding reality, which is modelled through interpretation of expressions used by the heads of state in their speeches. The conceptual space of the APD in the 20th – early 21st centuries can be represented as a multi-level construct with a complex structure, containing the concepts, notions and associations of the cultural community about the surrounding world at different levels of categorization, including universal and nationally-marked ones. The latter reflect the features of the linguo-cultural worldview and are the reason of conceptual and linguistic lacunarity. Certain universal concepts, for example, FREEDOM, DEMOCRACY, AMERICA, can acquire ethnically relevant content, reflect the features of the national mentality, thus acquiring a certain national specificity:

(19) **Our democracy** must be not only the envy of the world but the engine of our own renewal. **To renew America**, we must revitalize our democracy (B. Clinton, Jan. 20, 1993).

The APD nationally-marked concepts can be treated as micro conceptual sphere within the

framework of the political conceptual sphere. In public speeches of US presidents, the most frequent concept is AMERICA and its derivatives, since the presidential speech is characterized by a high degree of influence, persuasion, and is often friendly and promising. In it, the president addresses the most understandable and traditional values of the speaking community. The classification of nationally-marked concepts according to their frequency value in the assorted historical stages is presented in Table 1.

Socio-political and cultural information is stored in the social memory of the speaking community. At each historical stage, as components of the national worldview concepts do not have the same degree of relevance in speech-mental activity (see Table 1). Each stage in the life of the nation is characterized by changes in the political and sociocultural situation, and, consequently, the national and conceptual linguistic worldviews are updated. Thus, certain concepts are communicatively foregrounded by the nation. In Table 1, such concepts are marked with (+) as collectively conscious and reflecting extralinguistic realia of public interest. The concepts marked with (-), though being part of the national conceptual sphere, at a certain cultural and historical period are not accepted collectively. They are not social in demand due to the irrelevance of the phenomena of reality that they reflect.

Table 1. Nationally-marked concepts in the American political discourse of the 20th – early 21st centuries

Concept	1900–1940	1940–1970	1970–2000	2000–2019
AMERICA	+	+	+	+
AMERICAN PROMISE	–	+	+	+
AMERICAN SPIRIT	+	+	+	+
AMERICAN DREAM	+	+	+	+
REVOLUTION	+	–	–	+
THE GREAT DEPRESSION	+	+	–	–
FREEDOM	+	+	+	+
DEMOCRACY	+	+	+	+
EQUALITY	+	+	+	+
NATIONALISM / PATRIOTISM	+	+	+	+
WAR	+	+	+	+
COLD WAR	–	+	+	–
CRISIS	–	+	+	+
PRESIDENT	+	+	+	+
THE FIRST LADY	–	+	+	–
PROSPERITY	+	+	+	+
FEMINISM	–	+	+	+
SECURITY	+	+	+	+
TERRORISM	–	–	+	+

Nationally-marked concepts are in high demand in the political discourse of the United States, as they simplify the electorate mental subjective evaluation of the government bodies' activities, and, on the other hand, make it easier for politicians to influence their target audience. Nationally-marked concepts form the basis of socio-political institutions and have a great generative force due to their wide-scope semantics. As the main mental units, they establish the political worldview of the American community.

Communicative organization of APD in the 20th – early 21st centuries

The analysis of the APD in the 20th – early 21st centuries as a cognitive-communicative system addresses its cognitive and socio-pragmatic aspects. The former deals with the transfer of ideas and beliefs as reflected in the language use. The latter focuses on the interaction of communicants in certain socio-cultural contexts and situations. The socio-pragmatic aspect is implemented through a combination of strategies and tactics that organize the perception and interpretation of the text by the addressee. It brings into the open the intentionality of speech, reflected in the goals of the communicants. Politicians actualize their systems of values, assessments of information presented and in some cases imposed on the target audience. The factors mentioned above determine the ideological orientation of the political discourse.

In the APD of the periods under study the interaction between the addresser and the addressee can be represented with configuration models. These models determine the nature of communication and are the main factors in choosing the forms and strategies of communication:

- 1) addresser (president) – addressee (US citizens);
- 2) addresser (president) – addressee (world community);
- 3) addresser (president) – addressee (political supporters);
- 4) addresser (president) – addressee (political opponents);
- 5) addresser (president) – addressee (Congress).

In these models, the addresser plays a corrective role in the selection of strategies and means of argumentation. A type of linguistic personality, striving for persuasion, conquest, coercion and demonstrating dominance is realized:

(20) In Hawaii **our aim** must be to develop the Territory **on the traditional American lines. We do not wish** a region of large estates tilled by cheap labor; **we wish** a healthy American community of men who themselves till the farms they own. <...> **The land policy should as nearly as possible be modeled on our homestead system** (Th. Roosevelt, Dec. 3, 1901);

(21) **We were united by our conviction that America was the world's most exceptional country, blessed with the most incredible heroes, and that this was a land worth defending with our very last breath** (D. Trump, Sept. 11, 2020).

The strategic use of linguistic means in the 20th – early 21st centuries APD is aimed at creating and forming a special type of consciousness, i.e. mass consciousness, which absorbs individual consciousness and results in the use of manipulation as a strategy that has an indirect, but very significant impact on the mentality of people.

In the APD of the 20th – early 21st centuries, this strategy is implemented in 19 tactics: *“analysis-plus”, “analysis-minus”, accusation, impersonal accusation, denunciation, threat, presentation, self-presentation, rejection of criticism, self-justification, motivation, cooperation, disengagement, informing, promising, prediction, warning, ironization, provocation* (see Table 2). The minimum frequency of implementation of tactics is marked with (+), the average is marked with (++) , the maximum frequency is represented with (+++). The absence of tactics for implementing a strategy at a certain historical stage is marked with (–).

The *“analysis-plus”, inducement, promise, and warning tactics* are prevalent in the 20th century APD. In the early 21st century APD, the set of tactics that implement the manipulative strategy has extended. The *tactics of “analysis-minus”, accusation, threat, disengagement, promising, prediction, warning, and provocation* come to the fore. The manipulative strategy is mainly expressed by conceptual metaphors, as well as appellatives, syntactically simple sentences, inversion. It is aimed at

Table 2. Communicative tactics realizing the strategy of manipulation in APD of the 20th – early 21st centuries

№	Tactic	20 th century	Early 21 st century
1	“analysis-plus”	+	++
2	“analysis-minus”	+	–
3	accusation	+	–
4	impersonal accusation	+	–
5	denunciation	+	++
6	threat	++	+++
7	presentation	+	+
8	self-presentation	+	++
9	rejection of criticism	+	+
10	self-justification	+	+
11	motivation	+	++
12	cooperation	+	++
13	disengagement	+	++
14	informing	+	+
15	promising	+	++
16	prediction	+	++
17	warning	+	++
18	ironization	+	+
19	provocation	+	++

increasing the influence on the mass listener subconscious attitude.

Manipulation is revealed in a high density of words representing the key nationally-marked concepts AMERICA, FREEDOM, DEMOCRACY and the discourse-forming concept PEOPLE:

(22) Through much of the last century, **America’s faith in freedom and democracy was a rock in a raging sea. Now it is a seed upon the wind, taking root in many nations. Our democratic faith is more than the creed of our country**, it is the **inborn hope of our humanity**, an ideal we carry but do not own, a trust we bear and pass along. And even after nearly 225 years, we have a long way yet to travel (G.W. Bush, Jan. 20, 2001).

Another strategy that manifests itself in the APD of the 20th – early 21st centuries is the

strategy of pressure. It is viewed as communicative influence aimed at forcing the addressee to take actions, which are necessary for the addresser, but undesirable for the addressee. The strategy of pressure is approached as a goal-oriented destructive communicative behaviour. It is implemented in the 20th – early 21st centuries APD by means of 10 tactics: *denunciation, order, threat, accusation, inducement, “creating the image of the enemy”, insult, distancing, demarcation, emotional impact* (Table 3).

In the 20th century APD, the main tactics for implementing the strategy of pressure are those of *threat, accusation*, and *“creating the image of the enemy”*. In the 21st century APD, the above-mentioned tactics are relevant, too,

Table 3. Communicative tactics realizing the strategy of pressure in APD of the 20th – early 21st centuries

№	Tactic	20 th century	Early 21 st century
1	denunciation	+	++
2	order	+	+++
3	threat	++	++
4	accusation	++	++
5	inducement	+	+
6	“creating the image of the enemy”	+++	+++
7	insult	–	+
8	distancing	+	+
9	demarcation	–	+
10	emotional impact	+	+++

as well as the new tactic *of demarcation, of accusation, order, inducement, and emotional impact*, which turn out to be the most frequent.

These tactics are realized within the framework of complex sentences by means of syntactic parallelism, modal verbs, and semantic repetition. This is a popular technique of speech manipulation and pressure, and political pressure in particular. It seems to be an effective way of achieving the desirable effect, influencing the tonality and melody of the text space in a special way, subconsciously affecting the opinion and choice of the addressee:

(23) **If the Iraqi regime wishes peace**, it will immediately and unconditionally forswear, disclose, and remove or destroy all weapons of mass destruction, long-range missiles, and all related material. **If the Iraqi regime wishes peace**, it will immediately end all support for terrorism and act to suppress it, as all states are required to do by U.N. Security Council resolutions (G.W. Bush, Sept. 12, 2002).

Communicative strategies of manipulation and pressure prove to be universal for the APD of the 20th – early 21st centuries. The difference manifests itself in the choice of speech techniques, which depend on the characteristics of historical development, foreign policy, socio-economic situation, linguo-cultural specificity of the speaking community worldview, as well as behavioural stereotypes, the president's social status as guarantor of the US Constitution.

As compared to the strategy of pressure, manipulation appears to be more frequent in the communicative organization of the APD in both the 20th and in early 21st centuries. In the 21st century APD, the addresser (i.e. the president) positions himself more clearly as a subject of power, but not the official performing a nominal function. It is revealed in the presidential speech through demonstration of the politician's inner world, his religion and worldview, material and spiritual values, as well as his communicative intentions. Thus, the presidential rhetoric reflects the political and speech culture of the American society, and represents different opinions, social views of certain social groups and strata, as well as individuals in power.

Conclusions

A comprehensive study of the APD dynamic in the 20th – early 21st centuries, updated in the presidents' public speeches, made it possible to establish the transformations in its conceptual space and communicative organization, accounted for by the relevant political and socio-cultural context. The synchronous – diachronic perspective in the APD analysis reflects its dynamic nature, caused by discourse functioning in a particular society and by the pragmatic and genre specificity of the communicative context. The APD conceptual space, incorporating a system of discourse-forming and nationally-marked concepts, is more prone to transformations than the communicative organization of this type of discourse.

The basis of the APD semantic space in the 20th – early 21st centuries is a set of the universal discourse-forming concepts POLITICS, STATE, POWER, and PEOPLE, and the nationally-marked concepts AMERICA, FREEDOM, DEMOCRACY, COLD WAR, PRESIDENT, THE FIRST LADY, CRISIS, SECURITY, TERRORISM.

Discourse-forming concepts are regularly verbalized in all genres of public speeches of US presidents in the 20th – early 21st centuries. Nationally-marked concepts demonstrate more dynamic, which is manifested in the dominance of some actual cognitive features and lacunarity of the other ones at certain stages in the development of the American linguo-cultural community.

In the APD the dynamic of the core and peripheral conceptual features, as well as their key words is traced. The most important trends and characteristic features in the American presidential speech are identified, caused by alterations in the landmarks of the present-day American society. It is directly reflected in the selection of lexical, syntactic, and stylistic means of expressing discourse-forming and nationally-marked concepts.

The trend towards an increase in the number of conceptual features of discourse-forming and nationally-marked concepts is reflected in language changes. It is an indicator of the language development and results in the language national and cultural determination caused by socio-political

processes. In their public speeches, the 20th – early 21st centuries US presidents, as transmitters of the corresponding culture and status-role relations, prioritize the cognitive components of the nationally-marked concepts that are associated with historical and socio-cultural aspects in the life of the American linguo-cultural community.

Universal discourse-forming and nationally-marked concepts in the 20th – early 21st centuries APD are verbalized by various language units, among which the most productive are phraseological units, terminological units, mythologemes, ideologemes, epithets, metonymy, euphemisms, anaphora, semantic repetitions, syntactic parallelism.

Conceptual metaphor is the most productive way of representing universal discourse-forming and nationally-marked concept in both periods under study. The prevalent type are structural metaphors with such source-domains as POWER, WAR, THEATER, BUSINESS, PROFESSION, and SPORT. The dominance of the military metaphor POLITICS IS WAR in both periods indicates that the political system is imbued with the spirit of militarism, and is understood in terms of war with and against everyone, which can be explained by the essence of political discourse itself, i.e. the struggle for power.

Presidential rhetoric reflects the political and speech culture of the American society, represents different opinions, social views of certain social groups and strata or individuals. The addressers' imposing their own opinion on the addressee as if the existing reality, its interpretation in the text of a public speech, is directly related to the adoption by the mass recipient of certain decisions, the development of socially significant positions, and the implementation of specific practical steps, which is reflected in addresser – addressee configurations.

In the communicative organization of the 20th – early 21st centuries APD, metaphors manifest themselves as powerful emotional stimulants and as a means of pragmatic influence in order to categorize the world of politics, and change the citizens' worldview. The interaction of trends of stability and variability in the American presidential metaphorical system is revealed in the fact that, despite the shaped and clearly structured metaphorical patterns, the development of culture, science, technology, changes in the way of life,

the socio-political situation in the world, the dominant ideology in the state affects the set of metaphors and the emergence of new variants of the established metaphorical pattern, the deepening of the metaphor allusive potential, which exposes fundamentally new directions of metaphorical meanings.

Communicative strategies of manipulation and pressure are universal for the APD in the 20th – early 21st centuries. The differences lie in the choice of speech techniques, which depend on the characteristics of historical development, foreign policy, the socio-economic situation, the linguo-cultural originality of the communicants' worldview, as well as behavioural stereotypes, the president's social status as guarantor of the US Constitution. The manipulation strategy is more productive both periods under study when compared to the strategy of pressure. The dominance of the manipulative strategy in the APD of both periods is determined by a number of factors. The most significant of them is the worldview of the people in the historical era under consideration, which is determined to a greater extent by the dominant ideology and the socio-political situation that has developed in the world and that dictates the conditions of living and survival, both in their native country and in the constantly changing world.

NOTE

¹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (№ государственной регистрации 124012400351-9).

The research was carried out within the framework of the state budget theme “Decoding and interpretation of axiological semantics in Slavic, Germanic, Romance, and Caucasian linguistic cultures” (state registration number 124012400351-9).

REFERENCES

Chanturidze Yu.M., 2020. Diachronicheskie osobennosti aktualizatsii lingvokulturnogo kontsepta “borba” (na materiale amerikanskogo politicheskogo diskursa XIX – XXI vekov) [Diachronic Features of the Actualization of the Linguocultural Concept “Struggle”

- (Based on the American Political Discourse of the 19th – 21st Centuries)]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State University], no. 3, pp. 103-109.
- Chepurnaya A.I., 2022. Nekooperativnye strategii v amerikanskom politicheskom dialogicheskom diskurse (na primere zhanra press-brifinga) [Non-Cooperative Strategies in American Political Dialogic Discourse (On the Example of the Press Briefing Genre)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University], no. 79, pp. 155-166. DOI: 10.17223/19986645/79/8
- D'yachenko I.A., 2021. Kommunikativnaya strategiya formirovaniya emotsionalnogo nastroya adresata v anglo-amerikanskom politicheskom diskurse [Communicative Strategy for Forming the Emotional Mood of the Addressee in the Anglo-American Political Discourse]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova* [Bulletin of the Khakass State University Named After N.F. Katanov], no. 2 (36), pp. 43-48.
- Kalinin O.I., 2021. Kognitivnaya metafora i diskurs: napravleniya i metody sovremennykh issledovaniy [Cognitive Metaphor and Discourse: Research Methods and Paradigms]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 5, pp. 108-121. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.9>
- Karasik V.I., 2002. *Jazykovoj krug: lichnost, koncepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.
- Kolesnikova O.I., Kozlova E.A., 2023. Diskursivnaya lichnost lidera i ee tsennosti v emotsiogennoy reprezentatsii [The Discursive Personality of the Leader and Its Values in the Emotiogenic Representation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 1, pp. 162-172. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.13>
- Kondratenko E.N., 2021. Funktsionirovanie evfemizmov v amerikanskom politicheskom diskurse [Functioning of Euphemisms in American Political Discourse]. *Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Theory of Language and Intercultural Communication], no. 3 (42), pp. 88-97.
- Kononova I.V., Melnichuk T.A., 2021. Aksiologicheskaya sostavlyayushchaya amerikanskogo predvybornogo diskursa v dinamicheskom aspekte [Dynamics of Values in American Election Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 4, pp. 113-125. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.9>
- Lakoff G., Johnson M., 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press. 242 p.
- Makurova D.A., 2021. Aktualizatsiya yazykovoy lichnosti dezinformatora v amerikanskom politicheskom diskurse [Actualization of the Linguistic Personality of the Disinformer in American Political Discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Language Studies], no. 3 (46), pp. 727-730.
- Margaryan A.A., 2022. Antonimicheskaya oppozitsiya "voyna" – "mir" kak priem rechevogo vozdeystviya na soznanie adresata v amerikanskom politicheskom diskurse (na materiale vystupleniy D. Dzh. Trampa) [Antonymic Opposition "War" – "Peace" as a Method of Speech Impact on the Addressee's Consciousness in the American Political Discourse (Based on D. J. Trump's Speeches)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], vol. 15, no. 5, pp. 1491-1496. DOI: 10.30853/phil20220224
- Mikhaylovskaya M.V., 2023. Vybor strategii pri peredache ideologem v sinkhronnom perevode amerikanskogo politicheskogo diskursa [Choosing a Strategy for the Transfer of Ideologemes in Simultaneous Translation of American Political Discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], no. 2, pp. 190-200. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-15
- Mukhamatshin A.R., 2021. Historical, Ideological, Social Aspects in the Formation of the American Political Discourse and Its Manipulative Potential. *Kazan Linguistic Journal*, vol. 4, no. 4, pp. 537-549. DOI: 10.26907/2658-3321.2021.4.4.537-549
- Nazarova N.E., 2021. Mekhanizmy vozniknoveniya neologizmov v sovremennom amerikanskom voenno-politicheskom diskurse [Mechanisms of the Emergence of Neologisms in Modern American Military-Political Discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], no. 9 (851), pp. 162-173. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_162
- Pisarenkov A.A., 2021. Sindrom «posttrampa» v amerikanskom liberalnom politicheskom

- diskurse: simvol, metafori i allyuzii [The Post-Trump Syndrome in American Liberal Political Discourse: Symbols, Metaphors, and Allusions]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], no. 4, pp. 139-141.
- Popova Z.D., Sterin I.A., 2007. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST Publ. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicakii/Kognitivnaja_lingvistika/Kognitivnaja_lingvistika_2007.pdf
- Rubtsov I.N., 2021. Mestoimenie we kak sredstvo reprezentatsii kontsepta "soyuznik" v amerikanskom politicheskom diskurse [The Pronoun We as a Means of Representing the Concept "Ally" in American Political Discourse]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Science Journal of Volgograd State Pedagogical University], no. 10 (163), pp. 203-207.
- Sokolova M.A., 2021. Stay woke: terminologizatsiya snizhennoy leksiki v amerikanskom politicheskom diskurse [Stay Woke: Terminology of Reduced Vocabulary in American Political Discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 5 (89), pp. 79-85. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_05_09
- Trusova A.Yu., 2022. K voprosu o lingvisticheskikh sposobakh vyrazheniya kontsepta "Amerikanskiy politicheskiy diskurs" na osnove inauguratsionnoy rechi Dzho Baydena [On the Question of Linguistic Ways of Expressing the Concept "American Political Discourse" Based on Joe Biden's Inaugural Speech]. *Nauchnyy almanakh* [Scientific Almanac], no. 3-3 (89), pp. 81-86.
- Ust'yantseva A. E., 2022. Nepryamoy razgovor kak neotyemlemaya kommunikativnaya strategiya amerikanskogo politicheskogo diskursa [Indirect Conversation as an Integral Communication Strategy of American Political Discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], no. 3 (858), pp. 104-110. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_104
- Vlasova E.V., 2021. Pereocenka v politicheskom diskurse (na materiale britanskikh i amerikanskikh gazetnykh statej) [Reappraisal in Political Discourse (On the Material of British and American Newspaper Articles)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics], no. 6, pp. 20-28. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-6-20-28
- Volkova Ya.A., Panchenko N.N., 2022. Destruktivnaya kommunikativnaya lichnost: popytka klassifikatsii [Destructive Communicative Personalities: A Classification Attempt]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 5, pp. 143-154. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.13>
- Yasakova Yu.S., 2022. Fenomen yazykovoy igry v amerikanskom predvybornom politicheskom diskurse [The Phenomenon of the Language Game in the American Pre-Election Political Discourse]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], no. 3, pp. 144-146.

SOURCES

- Bush G.W. *First Inaugural Address*, 20 January 2001. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-2001-first-inaugural-address>
- Bush G.W. *State of the Union Address*, 29 January 2002. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-29-2002-state-union-address>
- Bush G.W. *Remarks at the UN General Assembly*, 12 September 2002. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-12-2002-remarks-un-general-assembly>
- Carter J. *Inaugural Address*, 20 January 1977. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1977-inaugural-address>
- Clinton B. *First Inaugural*, 20 January 1993. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1993-first-inaugural>
- Coolidge C. *Inaugural Address*, 4 March 1925. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-4-1925-inaugural-address>
- Ford G. *Remarks in Helsinki*, 1 August 1975. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/august-1-1975-remarks-helsinki>
- Johnson L.B. *Thanksgiving Message*, 28 November 1963. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/november-28-1963-thanksgiving-message>
- Obama B. *Debate Transcript*, 26 September 2008. URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/2008-debate-transcript/>
- Obama B. *Acceptance Speech at the Democratic National Convention*, 28 August 2008. URL:

- <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/august-28-2008-acceptance-speech-democratic-national>
- Obama B. *Inaugural Address*, 20 January 2009. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-2009-inaugural-address>
- Obama B. *Address to Congress on the American Jobs Act*, 8 September 2011. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-8-2011-address-congress-american-jobs-act>
- Roosevelt F.D. *State of the Union (Four Freedoms)*, 6 January 1941. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-6-1941-state-union-four-freedoms>
- Roosevelt Th. *First Annual Message*, 3 December 1901. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-3-1901-first-annual-message>
- Trump D. *Inaugural Address*, 20 January 2017. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-2017-inaugural-address>
- Trump D. *Address at West Point Graduation*, 13 June 2020. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/june-13-2020-address-west-point-graduation>
- Trump D. *9/11 Memorial Speech*, 11 September 2020. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-2020-9-11-memorial-speech-transcript>
- Wilson W. *Memorial Day Address*, 30 May 1914. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/may-30-1914-memorial-day-address>
- Wilson W. *An Address in Pittsburgh on Preparedness*, 29 January 1916. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-soldiers-memorial-hall-pittsburgh-pennsylvania>
- Wilson W. *Message Regarding German Actions*, 19 April 1916. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/april-19-1916-message-regarding-german-actions>

Information About the Authors

Olga L. Bessonova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of English Philology, Donetsk State University, Universitetskaya St, 24, 283001 Donetsk, Russia, olgabessonova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5171-9790>

Irina V. Fatianova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Donetsk State University, Universitetskaya St, 24, 283001 Donetsk, Russia, irafatianova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2870-1275>

Информация об авторах

Ольга Леонидовна Бессонова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии, Донецкий государственный университет, ул. Университетская, 24, 283001 г. Донецк, Россия, olgabessonova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5171-9790>

Ирина Валерьевна Фатьянова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий государственный университет, ул. Университетская, 24, 283001 г. Донецк, Россия, irafatianova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2870-1275>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.7>

UDC 81'276.1
LBC 81.006.2

Submitted: 01.10.2023
Accepted: 01.12.2023

**SOCIAL INCLUSION AND SOCIAL EXCLUSION
AS A TOOL FOR REFLECTING SOCIAL PROCESSES
IN THE LEXICAL NEOFORMATIONS OF YOUTH ENGLISH SLANG**

Nikolay L. Shamne

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Sergey A. Titarenko

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article discusses various approaches to defining the terminological base, the ambiguity of definitions, the lack of clear boundaries and signs of the concepts of social exclusion and social inclusion. The notions under study are characterized by way of their reference to communication process circumstances and participants, who are contrasted in their social status, cultural experience, ideological ideas and worldview to other social groups. The article analyzes slang neoformations with the concern for stylistically reduced register of communication as objectifying categories of social exclusion and social inclusion within the framework of youth discourse, which determine the developing vector of both society structure on the whole and social subsystems of the language. The novelty and relevance of the study lie in the use of linguocognitive analysis of authentic material, on the basis of which the mechanisms of exclusion and inclusion of slang lexical units are differentiated. The regularity in actualization of social exclusion or inclusion is understood in connection with the mechanisms and possibilities of using communicative practices in order to include social groups in social processes. These phenomena are reflected at the lexical level of the language and might contribute to various transformations of social consciousness, increasing language efficiency and its ability to respond to current challenges. It is concluded that modern youth slang is a specific language model that acts as an instrument of social exclusion or inclusion; in communicative practices, it is embodied through pejorative slang nominations thus strategically and tactically forming a negative image and antisocial behavior. The results of the research contribute to further study of the communicative nature of sociolinguistic phenomena, to comparative studies of the discursive construction of socially significant fragments of social reality, and the communicative manifestation of multidirectional social processes that determine the social structure and stratification of society.

Key words: social exclusion, social inclusion, communicative practices, lexical level, discourse, slang, inclusive community.

Citation. Shamne N.L., Titarenko S.A. Social Inclusion and Social Exclusion as a Tool for Reflecting Social Processes in the Lexical Neoformations of Youth English Slang. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 1, pp. 84-92. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.7>

УДК 81'276.1
ББК 81.006.2

Дата поступления статьи: 01.10.2023
Дата принятия статьи: 01.12.2023

**СОЦИАЛЬНАЯ ИНКЛЮЗИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ
КАК ИНСТРУМЕНТ ОТРАЖЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ
В ЛЕКСИЧЕСКИХ НЕОФОРМАЦИЯХ
МОЛОДЕЖНОГО АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА**

Николай Леонидович Шамне

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Сергей Александрович Титаренко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье охарактеризованы подходы к определению терминологической базы, неоднозначность дефиниций, отсутствие четких границ и признаков понятий социального исключения и социального включения. Установлена зависимость социального включения и социального исключения от условий и участников коммуникации, их социального статуса, культурного опыта, идеологических представлений и картины мира в противопоставлении другим сообществам. Описаны сленговые неформации стилистически сниженного регистра общения как объективирующие категории социальной эксклюзии и социальной инклюзии в рамках молодежного дискурса, детерминирующие вектор развития общества и социальных подсистем языка. С применением лингвокогнитивного анализа фактического материала дифференцированы механизмы эксклюзии и инклюзии сленговых лексических единиц. Выявлены закономерности актуализации процессов социальной эксклюзии, социальной инклюзии с учетом потенциала коммуникативных практик, задействованных для включения социальных групп в общественные процессы, находящихся отражение на лексическом уровне языка и способствующих преобразованиям общественного сознания, повышению коммуникативной эффективности языка и его возможности реагировать на современные вызовы. Сделан вывод о том, что современный молодежный сленг выступает специфической языковой моделью, инструментом социального исключения и социального включения, что находит воплощение в коммуникативных практиках посредством пейоративных сленговых номинаций при реализации стратегий и тактик формирования негативного образа и асоциального поведения.

Ключевые слова: социальное исключение, социальное включение, коммуникативные практики, лексический уровень, дискурс, сленг, инклюзивное сообщество.

Цитирование. Шамне Н. Л., Титаренко С. А. Социальная инклюзия и социальная эксклюзия как инструмент отражения общественных процессов в лексических неформациях молодежного английского сленга // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 84–92. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.7>

Introduction

The communicative nature of social categories, the discursive problems of social reality and the fragmentary construction of sociocultural reality in speech, including the class stratification of modern society and the communicative regulation of social processes in the context of globalization, require more detailed study in order to understand the communicative mechanisms and processes of their manifestation in the lexical nominations of modern realities. Against the backdrop of various active political, economic and social changes in English-speaking countries, including the active process of mediatization of society, there are intensifying linguistic processes of social exclusion – social inclusion, which make the chosen research topic relevant, socially significant and promising.

The purpose of the article is to determine the mechanisms and patterns of modern communicative practices in the public space and interpersonal Internet communication, as well as their lexicalization through the use of English slang neoformations of stylistically reduced communication register in speech.

Russian scientists of the St. Petersburg Linguistic School (B.A. Larin, L.P. Yakubinsky, E.D. Polivanov) were among the first to address the problems of social linguistics, who developed ideas in line with the macrosociolinguistic and variational nature of language. The main ideas in understanding the factors contributing to the successful construction of Internet communication and the formation of Internet linguistics as an innovative research area in the modern paradigm of linguistics at various times have been introduced by A.A. Atabekova, A.A. Berkovich, M.B. Bergelson, T.Yu. Vinogradova, E.N. Galichkina, E.I. Goroshko, A.V. Zubov, R.G. Leibov, A.V. Kuznetsov, L.F. Kompantseva, I.S. Lutovinova, O.I. Maksimenko, N.B. Mechkovskaya, N.S. Baron, David Cristall.

The scientific novelty lies in determining the sociocultural parameters of the youth sociolect by means of slang neologisms that, as constituents of sub-standard youth vocabulary, specify the communicative practices of social exclusion and social inclusion.

It seems to us expedient to identify the linguistic mechanisms of objectification of the

processes of exclusion and inclusion based on the material of English youth slang. This will make it possible to verify the relevance and social significance of the categories of social exclusion and social inclusion, as well as to draw up a typology of the corresponding linguistic ways of expressing modern realities, and thereby to clarify the ideas about these phenomena that have developed in society.

Material and methods

The categories of social exclusion – social inclusion, despite their opposition, show a fairly close relationship. Thus, social inclusion can be considered as a process of overcoming social exclusion. That is why the category of social exclusion is described to a greater extent in the scientific literature. Social exclusion and social inclusion in the conditions of social stratification in the most general form is represented primarily by the opposition “friend – foe”. Moreover, the second component of this opposition is more structured, since it is associated with the processes of various kinds of social isolation.

The source of material for our research was the lexical units of youth English slang published in the Slang Bang telegram channel, specializing in the vocabulary of youth sociolect. A subcorpus of the period from 2019 to 2023 is used, which contains 760 slangisms applied to the context of various communicative situations. To identify the communicative features of the categories of social exclusion – social inclusion, youth sociolect was selected. This is due to the fact that on this empirical material it is possible to determine a number of sociolinguistic features that specify the social processes designated by these lexemes. Accordingly, it allowed to highlight groups of lexical units that objectify the categories of social exclusion – social inclusion from the aspect of social stratification.

Analysis of selected lexemes from the corpus of youth slang made it possible to reveal a number of sociolinguistic features that specify the concepts designated by these lexemes and, respectively, groups of linguistic units that objectify the categories of social exclusion – social inclusion in the communicative aspect.

The study used general scientific methods of description, analysis, synthesis, generalization

and linguistic methods proper – structural-semantic, contextual analysis, elements of component and word-formation analysis.

Results and discussion

The fundamental characteristic of modern society is fast communication, therefore, variable forms of human interaction in society and in the Internet are becoming more popular, the main tool of which is the use of specific slang lexical units. The semantics of such neoformations, their graphic form and communicative situations of their usage serve as lexical indicators of social inclusion – social exclusion, i.e. it is a way of self-estrangement and self-expression. The scientific research interest in the sociological phenomenon of exclusion and inclusion originates in the works of foreign sociologists, who later come to realize the direct relationship of social processes and their reflection in the language. In this regard, in 1974 R. Lenoir in his work “Les Exclus” introduced the concept of social exclusion designed to determine socially unprotected groups of the population [Lenoir, 1974].

Subsequently, two approaches to the interpretation of these social phenomena emerged – French and Anglo-Saxon. The French view is focused on social solidarity, the integration (inclusion) of the individual into society. Exclusion is seen primarily as a consequence of group monopoly, the compulsion of a social order that serves the interests of included communities and presupposes recognition of the privileged rights of communities and the protection of their integrity, which requires respect for social minorities that do not encroach on the integrity of the community [Gomien, Harris, Zwaak, 1998]. In the Anglo-Saxon tradition, inclusion is understood as individual freedom of expression, equality of rights for all social communities, while social exclusion is associated with the irrelevant implementation of social rights.

Paloma Fernández de la Hoz characterizes the concept of social exclusion, associating it primarily with such a social problem as poverty [Fernández de la Hoz, 2004]. Dominik Schnapper and Robert Castel propose a similar approach, while highlighting additional social signs of exclusion such as insecurity, vulnerability, and marginalization. Analogic views are reflected in

the works of Martin Cronauer and Petra Bur as well [Schnapper, 2010; Castel, 1995]. However, it should be noted that the concept of social exclusion is not universal, since the phenomenon of exclusion is multidimensional, has no clear boundaries and is ambivalent, i.e. interpreted by researchers depending on the focus of studying the problem.

In the framework of Anglo-American studies, Tony Bilton proposes an “inside-outside” dichotomy within the concept of social exclusion, i.e. excluded and those who exclude [Bilton, 2002]. Eric Wesselman and James Wirth consider social exclusion and inclusion in relation to communication theory, analyzing the relationships of people within a community, taking into account the mutual influence on interpersonal relationships. Thus, social exclusion depends on the conditions and participants in the communication process, their social status and ideological ideas about what it means to belong to society. In our work, we will start from the definition given by E. Wesselman and analyze the lexical units of open and closed social groups from the position of inclusion and exclusion of their vocabulary in relation to the literary norm of the English language. It should be noted that the antinomy of social exclusion – social inclusion has been studied to a greater extent precisely by exclusion, which is dictated by the need to describe its negative impact on the development of literary language from the standpoint of its ecology and in order to develop possible ways to overcome it [Shamne, Milovanova, 2023a].

The study of objective features in the language of exclusion and inclusion is based on already developed and tested approaches in sociology. However, in linguistics these phenomena have been developed fragmentarily and there is a certain lacunarity in their comprehensive study. The theory of “Social inclusion through the enhancement of linguistic culture” is being developed at the Komensky University, which describes the communicative strategies of the exclusion discourse as ways of social distancing. At the same time, the discourse of exclusion is understood as a way of verbal reflection on alien phenomena by denying them, i.e. exclusion from the social space, as a result at the linguistic level, a bipolar opposition “friend – foe” stands out [Kozharnovich, 2021].

Werner Kallmeyer describes the linguistic process of social integration and exclusion regarding the problem of xenophobia and identifies three important parameters in communication: 1) social stereotypes – generalizing statements about social groups (for example, Americans are tolerant); 2) social prejudices – attitudes associated with social stereotypes; 3) social discrimination – assumes that people are put at a disadvantage because of their membership in a certain social group or category [Kallmeyer, 2002].

Considering the communication parameters developed by W. Kallmeyer, as well as socio- and linguistic-cultural factors influencing the processes of social exclusion – inclusion, it should be noted that slang is a marker of intra-group solidarity and it acts as a correlate of social groups, providing them with a common specific experience that shares random values and world-views. It is used as a tool that allows for the dichotomy of “friend – foe”, and is also applied as a means of influencing and characterizing social identity and acts as a guarantee of intra-group cohesion of the individual team. Consequently, the social phenomena of linguistic exclusion and inclusion are most vividly embodied through the use of substandard vocabulary in speech and its further transition into the vocabulary of a literary language in the process of adaptive assimilation [Titarenko, 2022].

Nowadays, one of the sources of replenishment of the literary vocabulary is the youth language, whose speech characteristics and speech behavior are based on the creation and usage of unique neoformations. First of all, this is due to the openness of the youth social group to innovation, their desire for neophilia and their readiness to coin new lexicological means of communication, manifested in the exclusivity of the vocabulary. Youth slang is a marker of the linguistic development of society, since the formation of slangisms directly depends on the ongoing social reforms. The lexemes of the substandard vocabulary quickly react to these changes and reflect in their denotative meaning nominations of phenomena occurring in the social life of native speakers, through the transmission of subjective attitude, evaluation and expression [Shamne, Majer, 2023]. Speech culture and lexical richness could be characterized by the lexical means and their functions in various communicative situations. The analysis of youth

vocabulary indicates an increase in speech illiteracy, lexical poverty, and, as a result, of the exclusion and inclusion of slangisms, dialectisms and colloquialisms in the literary language in an attempt to satisfy communicative requests for solving specific issues. This demonstrates the linguistic instability of society, degraded changes in language competencies and the inability to use the means of literary language to verbalize the speaker's thoughts.

The constant search for means of individual self-expression through national identity in the process of psychological formation of a person is considered to be elementary and constitutive components of the human character development. In the process of this search, language does not act as a tool, but as a "playground", accordingly, the word *creation* turns into a creative activity for the generation of neologisms. In his works, V.Z. Sannikov determines such a linguistic phenomenon as a "language game" [Sannikov, 2002, p. 312]. In the process of developing a linguistic personality, after mastering a literary language, the phase of "language profiling" begins, which is evidence of linguocognitive evolution, and as a result it motivates the youth to create a stylistically marked language code. This stage of linguistic maturation is purely individual, manifests itself in varying degrees of intensity under the influence of external sociocultural factors and is perceived as a game. At the same time, the individual need of young people for self-expression, manifestation of creative potential and highlighting their uniqueness is revealed at the linguistic level, namely in the tendency towards neophilia and the creation of pristine slangisms, witty statements and puns, which clearly demonstrates the implementation in the speech of such a linguistic phenomenon as social inclusion [Shamne, 2023].

The use in speech of neologisms created by a certain social group is a means of linguistic representation of psycho-emotional manifestations with different connotations, both positive and negative. This is due to the lack of expressive means of the literary language capable of satisfying the need to show peak emotional displays (in most cases, representatives of youth subcultures), to reflect the "inner world" and subjectivity of perception of what is happening within the framework of established group value

guidelines [Trojanova, 2008]. Specific culturally determined slangisms is reflected within the standard vocabulary transformation, which is perceived by representatives of declassed communities as an insolvent and static language toolkit that helps to verbalize their communicative needs. While slang quickly adapts to new conditions and communication situations, therefore it evolves, influencing the literary language and is borrowed by it [Shamne, Milovanova, 2023b].

The following examples demonstrate the implementation of social inclusion – exclusion based on the use of youth slang in the framework of the Internet discourse. The dichotomy "friend – foe" is realized in pejorative slangisms that characterize "strangers" in connection with ideological differences and group goal settings. In sentence (1) *I'm tired of dealing with **flexing** guys who only talk about their cars and their money instead of actually getting to know me*, the slangism *flexing* characterizes people who everywhere talk about their incredible achievements in their professional activities (usually within the Internet communication), which are actually far-fetched and non-existent. At the same time, such statements are criticized because they do not have an evidence base, therefore, they cause an emotional outburst in the message recipients, motivating them to create a neologism capable of reflecting the entire spectrum of emotional tension with shades of pejorative and sarcastic meaning of neoformation. Thus, the use of sub-standard lexemes in speech contributes to the opposition of social communities of "friends" and "foes". Exclusion is realized in the use of specific group vocabulary with the possibility of its subsequent transition to the vocabulary of one social group. We would like to note once again that all the examples presented in this work are in the public domain and are taken from the Slang Bang telegram channel (URL: <https://t.me/s/slangbang>).

Sentence (2) *I thought we had a good connection, but he turned out to be one of those **breadcrumbs** who only texts me once in a while to keep me interested* also demonstrates the addresser's affective emotional state, conveyed by the meaning of the slang word *breadcrumbs*, which describes people who choose tactics of minimizing communication, but without losing the social connection, i.e. providing

the interlocutor with exactly as much attention as is necessary in order to maintain interest in one's person while leveling out more friendly relationships. This slangism implicitly demonstrates a manifestation of disdain and antipathy, a kind of exclusion of a person from a category of a friend; on the other hand, this slang word requires understanding its meaning and sharing it among the participant of one socially closed community. Thereby, social inclusion or exclusion in slang neoformations is realized through the cryptographic function of speech, since the vocabulary used for these purposes remain poorly understood or not at all interpretable lexemes for representatives of other social groups.

The presence of slangisms as marked lexical units in speech of particular social group representatives fulfills the purpose of identifying like-minded people who have similar views and attitudes to social reality, common stereotypes and share identical values. This approach allows to maintain existing social contacts and establish new social relationships through the peculiarity of inclusive speech, in which slang acts as a tool for the language code of personality recognition, since it can only be interpreted by the individuals who are familiar with such specific linguistic reality. Coined slang neoformations act as a means of social inclusion (a marker of belonging to a certain social group) and can transmit information of linguistic and extralinguistic types (interests, social status, age, plans for the future, etc.). It could be achieved through slang vocabulary, which can be marked phonetically (sound design borrowed from the dialect), morphologically (structural features of word-formation mechanisms) and grammatically (deliberate violation of traditional grammar rules). Thus, speech behavior and speech habits make it possible to carry out the "friend – foe" and signal a readiness to interact with representatives of a particular social group by "included" lexical units in speech.

As evidence of social inclusion in speech, let us consider the following examples of informal communication of the youth within the framework of the Internet interaction:

(3) *A wave of **Algiarism** is one of the reasons the use of artificial intelligence raises concerns;*

(4) *I was talking to a chatbot for so long that I started to experience **chatbotnesia**;*

(5) *He has a severe case of **Alphobia**, which makes him very anxious about sharing his data with any device that has AI technology;*

(6) *If the **AL-pocalypse** is almost upon us, then the Great Reset is the vehicle for its implementation.*

Slang lexemes in sentences (3)–(6) function as identifying signals of a specific social group reference and help to evaluate the speaker from the point of view of vocabulary specification in connection with conditions for implementation of a communicative act. Hereby, the demarcation sign of social inclusion is formed on the basis of group orientations, values and ideology of the social group. The functional unitarity is manifested in linguistic isolation from adjacent communities, since identification originality is based in the choice of slang-formative models for the creation of substandard prototerm, which serve as an indicator of the declassified group linguistic identity. In this regard, slang acts as a marker of social inclusion, since it is created by speakers who have a similar worldview, life experience, share identical values and use the created neologisms to contrast their social group with the social majority. Slang lexical tools make it possible to fully implement the cryptographic function of the language, while simultaneously functioning as a guarantor of the establishment and consolidation of intra-group relations between community members and strengthens intra-group connection.

The conceptual basis of social exclusion is one of the sides of social relations and a certain type of social practices, the realities of which are reflected by lexical means of language. S. Pogam correlates exclusion with employment problems, the quintessence of which is considered as a process of "social degradation" undergoing three successive periods: deterioration of social ties, dependence on social assistance and complete destruction of social relations [Pogam, 1999]. V.P. Kultygin, analyzing the works of E. Reis, expresses the idea that "Exclusion is a consequence of failure in social inclusion and also reflects a situation when people who previously used the prerogatives of social status are deprived of them and lose access to what they previously had" [Kultygin, 2003, p. 14].

Social exclusion in slang is expressed in its inability to influence its speakers in the professional sphere or in the process of personality formation, to demonstrate non-

belonging to a certain social environment based on the stratification of society that depends on the level of education, professional affiliation, group interests and cultural upbringing. Moreover, gerontological, idiolect, gender, ethical, aesthetic, value and intra-linguistic ideological isolation can be traced in the meaning of the exclusive slangisms [Kurmysheva, 2015]. Knowledge of slang terminology allows for social identification of a person and determines their belonging to a specific social group or groups, since one individual can own several variants of social vocabulary that exist in the linguistic substandard, and people can use them depending on the communication situation. Thus, slangisms act as social markers of social exclusion, which reflect the social attitudes of members of a particular community, their attitude towards the phenomena and events of the surrounding world, i.e. their ideology and worldviews. We can judge the interests of a particular social group by its slang units. If we consider the youth slang in line with the Internet discourse, we can observe lexical heterogeneity, since it is necessary to take into account the fact that the term *youth* unites people of a certain age category, but with different cultural, educational, value and material heritage, who have subjective beliefs and preferences and life goals.

Sentence (7) *I am struggling to keep up with the **shifting sands** of tiktok trends* demonstrates social exclusion, which is conveyed by the slang *shifting sands*, which describes the variability and impermanence of the situation in the rapidly changing modern information world. The context of the statement conveys the author's negative emotions in relation to what is happening, since fruitless efforts to analyze huge information flows are stated. The use of the expression *shifting sands* in speech indicates forced self-isolation from the majority due to futile attempts to succeed, and social exclusion is realized through slangism with a strong emotional overtone.

In modern English there are a large number of feminitives that have ambivalence, since such slang words act as an instrument of social inclusion and social exclusion at the same time. These lexemes are actively used with various pragmatic shades of their semantic meaning, despite the presence of stylistically neutral literary invariants. A clear confirmation of this idea is presented in the following examples:

(8) *The film was praised for its use of the **female gaze**, allowing the audience to see the story from the perspective of its female protagonist.*

The phrase *female gaze* recalls the importance of gender rights equality; it characterizes a purely feminine, non-trivial view of solving a problem, which may completely contradict established patriarchal views.

In sentence (9) *She was a true **shero**, fighting for justice and equality in a world that often tried to silence her voice*, the slang neoformation *shero* is used to nominate a strong and independent woman who, through her deeds inspires others and acts as a role model.

(10) *Her blog is a powerful **fempire**, inspiring women around the world to embrace their own strength and potential;*

(11) *She retreated to her **she shed**, a space where she could focus on her own passions and interests without any distractions.*

In examples (10) and (11), the slangisms *fempire* and *she shed* describe a community of women (based on common interests/professional activities/life experience/everyday difficulties, etc.) who support each other in any situation. The use of gender-marked vocabulary in speech leads to the stratification of society into two large groups of men and women, therefore, neologisms act as a mean of social exclusion in relation to the male community, and as a mean of social inclusion in relation to the female community.

(12) *Yesterday I was in a restaurant that put up a sign asking people to respect the atmosphere and be social in their real environment rather than acting like **phubbers**;*

(13) *Just in case you want to reach out to me at the weekend, I am going **technocamping**;*

(14) ***Glanceability** refers to presenting important and relevant information to users in a way they can easily understand and act on it;*

(15) *He has a serious case of **nomophobia** because he spends all his day staring at his phone and chatting.*

Considering the manifestation of inclusion-exclusion algorithms by examples of English youth slang in the subcorpus of the Internet discourse in sentences (12)–(15), we suggest that the narrative is about the realities of the digital age and the related problem of digital detox. In this

case, language reflects the behavioral characteristics, experiences and fears of people united by their dependence on modern technologies. The use of this kind of slangisms in speech indicates social exclusion of techno-dependent individuals in relation to the social majority. Thus, social exclusion and social inclusion complement and transform the usual ideas about the hierarchical class-group structure of society. These phenomena are objective and are always present in any society and can be realized through the opposition “friend – foe”, due to the need to find like-minded people.

Conclusion

Thus, we can conclude that slang is an original language model that has a special charm, primordial nominations of cognitive representations of the real world. It allows to distinguish between social groups of “friends”/“foes”, and also acts as a tool of social exclusion and social inclusion. Signs of social exclusion are the following: limitation/lack of access to the resources, impossibility/inability to overcome restrictions, discrimination, prevalence in various areas of social relations. Accordingly, social exclusion and social inclusion are multidirectional processes. Social inclusion presupposes the inclusion of a certain person (people) in social relations, and exclusion, unlike it, is directed not inside the group, but outside it and means the exclusion of a certain person (people) from social relations in various spheres. In communication practices, this idea is reflected in negative slang nominations that actualized in different ways of forming a negative image, providing it with a threat index, negative typologization, and associating a group with antisocial and dangerous behavior. Cognitive configurations formed within the framework of communicative practices, are firmly represented in the system of collective consciousness, causing negative stereotypical perception, rejection, and distrust from the social majority.

We see prospects for further research in studying the communicative nature of a paired social phenomena *inclusion/exclusion* and their categorization in the context of comparative studies of discursive construction of socially significant fragments of modern reality, which

determine social stratification of people, manifested at the lexical level of the language.

REFERENCES

- Bilton T., 2002. *Introductory Sociology*. New York, Palgrave Macmillan. 596 p.
- Castel R., 1995. De la exclusión como estado a la vulnerabilidad como proceso. *Archipiélago: Cuadernos de crítica de la cultura*, no. 21, pp. 27-36.
- Fernández de la Hoz P., 2004. Familienleben, Transnationalität und Diaspora. *ÖIF Materialien*, Heft 21, S. 34.
- Gomien D., Harris D., Zwaak L., 1998. *Evropeyskaya konventsiya o pravakh cheloveka i Evropeyskaya sotsialnaya khartiya: pravo i praktika* [European Convention on Human Rights and European Social Charter: Law and Practice]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo nezavisimogo in-ta mezhdunar. prava. 600 p.
- Kallmeyer W., 2002. *Sprache und neue Medien*. Berlin, New York. 406 S.
- Kozharnovich M.P., 2021. Mediatizatsiya meditsinskogo diskursa: sposoby, atributy i riski [Mediatization of Medical Discourse: Methods, Attributes and Risks]. *Medialingvistika* [Medialinguistics], no. 8 (4), pp. 421-437. DOI: 10.21638/spbu22.2021.408
- Kultygin V.P., 2003. Oblik sovremennogo mira v sovremennoy sotsiologicheskoy mysli [The Appearance of the Modern World in Modern Sociological Thought]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 2, pp. 8-17.
- Kurmysheva L.K., 2015. Eksklyuziya kak fenomen zhizni obshchestva [Exclusion as a Phenomenon of Social Life]. *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika* [Psychology, Sociology and Pedagogy], no. 3 (42), pp. 98-102.
- Lenoir R., 1974. *Les exclus un français sur dix*. Seuil. 171 p.
- Pogam S., 1999. Isklyuchenie: sotsialnaya instrumentalizatsiya i rezultaty issledovaniya [Exclusion: Social Instrumentalization and Research Results]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 2, pp. 140-155.
- Sannikov V.Z., 2022. *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [Russian Language in the Mirror of the Language Game]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ. 541 p.
- Schnapper D., 2010. Par delà de burka: Les politiques d'intégration. *Études*, vol. 413, no. 5, pp. 461-472.

- Shamne N.L., 2023. Specifica obyektivatsii v nemetskom yazyke kategoriy sotsialnoy eksklyuzii i sotsialnoy inkluzii (territorialnyy aspekt) [Specifics of Objectification of the Social Exclusion, Social Inclusion Categories (Territorial Aspect) in German]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology], vol. 29, no. 3, pp. 104-113. DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-3-104-113
- Shamne N.L., Milovanova M.V., 2023a. Obraz glubinki v rossiyskikh i nemeckikh SMI [The Image of the Outback in Russian and German Media]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Problems of Philology and Pedagogical Linguistics], no. 2, pp. 200-215. DOI: 10.29025/2079-6021-2023-2-200-215
- Shamne N.L., Milovanova M.V., 2023b. Osobennosti obyektivatsii kategoriy sotsialnoy eksklyuzii – sotsialnoy inkluzii v russkom yazyke (na primere ponjatiy “glubinka” i “glush”) [Objectification Features of Social Exclusion and Social Inclusion Categories in Russian Language (Exemplified by “Glubinka” and “Glush” Concepts)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 62-75. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.5>
- Shamne N.L., Majer V.S., 2023. Slova goda kak lingvisticheskie markery kultury otmeny [Words of the Year as Linguistic Markers of Cancel Culture]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, no. 1 (98), pp. 288-290. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-198-288-290
- Titarenko S.A., 2022. Lingvokognitivnye mekhanizmy regulyatsii pragmaticheskogo vozdeystviya na pertseptsiyu substandartnoy leksiki v protsesse kommunikativnogo akta (na materiale angliyskogo slenga) [Linguocognitive Mechanisms of Pragmatic Influence Regulation on the Perception of Substandard Vocabulary in the Process of a Communicative Act (Based on English Slang)]. *Gumanitarnye i socialnye nauki* [The Humanities and Social Sciences], vol. 90, no. 1, pp. 121-129. DOI:10.18522/2070-1403-2022-90-1-121-129
- Troyanova I.M., 2008. Kognitivnaya funktsiya kak odna iz vazhneyshikh funktsiy yazyka [Cognitive Function as One of the Most Important Functions of Language]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 2 (76), pp. 56-58.

SOURCE

Telegram Channel Slang Bang. URL: <https://t.me/s/slangbang>

Information About the Authors

Nikolay L. Shamne, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Sergey A. Titarenko, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, titarenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9584-1133>

Информация об авторах

Николай Леонидович Шамне, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Сергей Александрович Титаренко, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, titarenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9584-1133>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.8>

UDC 811.161.1:81'367.622
LBC 81.411.2-025.7

Submitted: 23.05.2023
Accepted: 01.11.2023

LEXICAL FEATURES OF STUDENTS' RUSSIAN SPEECH IN MULTICULTURAL REGION ¹

Maria L. Lapteva

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

Abstract. The topic of the article is conditioned by the relevance of the Russian language performance in the polycultural space of the region. The purpose is to describe how various native (ethnic) languages influence the lexical consistency of Russian students' speech. The research material was the author's collection (about 200 units), which is based on recordings of spontaneous informal speech of students from Astrakhan Tatishchev State University. The informants were 120 philology students who study in multinational academic groups including Russians, Kazakhs, Tatars, Kalmyks, Azerbaijanis, Uzbeks, Turkmens, Georgians, Armenians, as well as representatives of various ethnic groups from Dagestan. Using the methods of participant observation and questioning, data on the students' speech lexical composition were obtained and further correlated with the codified lexicographic information. It was found out that ordinary students' speech is infiltrated with regionally marked units, such as jargon and vernacular words, that reflect lingua-cultural environment of the region; Astrakhan dialectisms (astrakhanisms) of Turkic origin; borrowings from native languages of students, exotic words (mainly gastronomicisms) resulting from the cross-cultural interactions in students' community. The results can be employed for sociolinguistic and intercultural communication studies.

Key words: speech, polycultural space, astrakhanism, barbarism, exotic word, gastronomicism.

Citation. Lapteva M.L. Lexical Features of Students' Russian Speech in Multicultural Region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 1, pp. 93-103. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.8>

УДК 811.161.1:81'367.622
ББК 81.411.2-025.7

Дата поступления статьи: 23.05.2023
Дата принятия статьи: 01.11.2023

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА ¹

Мария Леонидовна Лаптева

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме функционирования русского языка в поликультурном пространстве региона. Цель – показать влияние языков представителей разных этносов на лексический состав русской студенческой речи. Материалом исследования послужила авторская картотека (около 200 единиц), основанная на записях спонтанной неформальной речи студенческой молодежи. Сбор материала проводился в Астраханском государственном университете им. В.Н. Татищева. Информантами стали 120 студентов-филологов из многонациональных академических группах, в которых обучаются русские, казахи, татары, калмыки, представители разных этносов Дагестана, азербайджанцы, узбеки, туркмены, грузины,

армяне. С помощью методов включенного наблюдения и анкетирования были получены данные о лексическом составе студенческой речи, которые соотнесены с кодифицированными лексикографическими сведениями. Установлено, что в повседневную студенческую речь проникают регионально маркированные единицы: жаргонизмы и просторечные слова, часть которых обусловлена лингвокультурной ситуацией региона; диалектизмы (астраханизмы) преимущественно тюркского происхождения; заимствования из родных языков студентов (варваризмы); экзотизмы (преимущественно – глоттонимы) как следствие межкультурного взаимодействия в студенческой среде. Результаты могут быть использованы в исследованиях по социолингвистике и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: речь, поликультурное пространство, астраханизм, варваризм, экзотизм, глоттоним.

Цитирование. Лаптева М. Л. Лексические особенности русской речи студентов поликультурного региона // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 93–103. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.8>

Введение

Изучению сфер речевой повседневности в современной лингвистике уделяется немало внимания, при этом неофициальное (неформальное, личностно-ориентированное) общение противопоставляется институциональному (официальному, формальному, социально-ориентированному) как совокупность определенных коммуникативных сфер, которые формируются по разным параметрам: профессиональная, возрастная, гендерная принадлежность участников коммуникации (см., например: [Колмогорова, 2009; Силантьев, 2004; Шпильная, 2018; и др.]).

В поле нашего исследования находится студенческое неформальное общение, которое не так часто подвергалось научной рефлексии. В основном интерес лингвистов направлен на изучение письменноречевой коммуникации студентов (см., например: [Лебедева, Тюкаева, 2006; Плаксина, 2006; Небольсина, Сухотерина, 2015; и др.]) и рассмотрение лексики ограниченного употребления – студенческого жаргона – с социолингвистических, лингвокультурологических, функциональных позиций (см., например: [Рубцова, 2008; Кудинова, 2008; Петрова, 2010; и др.]). Среди наиболее полных лексикографических изданий, фиксирующих слова из речи молодежи, назовем словари Т.Г. Никитиной (2003), Х. Вальтера, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной (2005), М.А. Грачева (2007).

Молодежный жаргон в основном рассматривается как совокупность слов, являющихся результатом переосмысления общенародной русской лексики (*анальгин* – ‘полицейская резиновая дубинка’, *привидение* – ‘отсутствующий студент, не отмеченный в жур-

нале посещаемости’), заимствованиями из арго (*кумарить* – ‘нарк. 1. О состоянии абстинентного синдрома. 2. Курить гашиш’) и профессионального языка (*мозги* – ‘оперативная память компьютера’), а также заимствованиями из других языков (*узи* – ‘легко, свободно, без проблем’ (от англ. *easy* – легко); *грини* – ‘доллары’ (от англ. *green* – зеленый)).

Характеризуя языковую личность студента, Т.В. Евсюкова обращает внимание на единицы, составляющие лексикон этой личности. Среди основных особенностей речи представителей описываемой группы исследователь выделяет употребление студенческих жаргонизмов, которые охватывают такие актуальные для студенчества сферы, как учеба, проживание в общежитии, досуг (*мучебник* – ‘учебник’, *наводка* – ‘наводящий вопрос на экзамене’ и др.). Кроме того, к специфическим чертам речи студентов Т.В. Евсюкова относит использование иностранных слов, преимущественно – транслитерированных англицизмов (*лайк*, *бан*, *гузлить* и др.). Сниженный характер придают речи широко употребительные просторечные слова и выражения (*припереться*, *туфта*, *тухляк* и др.). Причем большинство нелитературных элементов представляет собой упрощенные, усеченные или сокращенные единицы (*универ*, *препод*, *спс* и др.) [Евсюкова, Аграбян, 2015].

В то же время значимым, на наш взгляд, является следующее утверждение исследователя: «Несмотря на то что на формирование языковой личности студента большое влияние оказывают процессы глобализации, Интернет, массовая культура, поп- и пост-культура, *национальная* (выделено нами – М. Л.) принадлежность отражается в культурных сценари-

ях, национальных речевых клише, общепринятых в данной этнической группе апелляциях, прецедентных высказываниях» [Евсюкова, Аграбян, 2015, с. 177]. Заметим, что этому аспекту студенческой речи до настоящего времени не уделялось особого внимания. Работы, посвященные этой проблематике, единичны [Попов, Рюмин, 2021; Казачкова, 2006; и др.], хотя проблема функционирования русского языка и регионального варьирования литературного языка в условиях полиэтнического общества не раз поднималась отечественными лингвистами, особенно в национальных республиках (см. подробно: [Гасанова, 2018]). В настоящее время данная проблема имеет преимущественно лингводидактический характер и раскрывается в аспекте преподавания языка с учетом национально-культурной специфики конкретного региона [Титаренко, 2020; Лопатина, Даниленко, 2021].

Цель настоящей статьи – показать влияние языков представителей разных этносов на лексический состав русской студенческой речи.

Для достижения поставленной цели нами изучалась речь студентов поликультурных академических групп, которые в таком многонациональном регионе, как Астраханская область, формируются естественным образом. К исследованию привлекались студенты 2–3-го курсов факультета филологии и журналистики Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева. Это уже сформировавшаяся студенческая общность, адаптированная к учебе и проведению досуга в молодежной среде, с установившимися межличностными контактами.

В целом межэтническое взаимодействие студентов можно охарактеризовать как позитивное: большинство респондентов характеризовали отношения с одноклассниками – представителями других этносов как приятельские или даже дружеские, лишь немногие студенты отмечали, что контакты с представителями иной национальности у них не складываются или что они с «чужими» не общаются.

С помощью русского языка решается интегративная задача сплочения различных этносов в рамках единого государственного образования. Подавляющее большинство сту-

дентов в исследованных нами группах говорят только на русском языке, что объясняется естественной языковой ассимиляцией малых национальных групп в условиях преобладания русскоязычного населения, получения образования на русском языке. Пользование родным языком на бытовом уровне (в семье, при общении с членами своей диаспоры и пр.) может в большей или меньшей степени влиять на качество русской речи (приводить к появлению речевых и грамматических ошибок, характерному акценту и пр.), что, однако, не учитывалось нами, поскольку экспериментальному исследованию подвергался лексико-семантический уровень студенческой речи (без характеристики «хорошая речь», «правильная речь» и т. п.).

Материал и методы

Материалом проведенного исследования послужили национально (этнокультурно) маркированные лексические единицы, собранные на территории г. Астрахани. Полученный материал включался в картотеку, которая основана на записях спонтанной речи студенческой молодежи, произведенных нами во время включенного наблюдения и анкетирования. Все единицы употреблялись в неформальном общении между студентами. Данная картотека насчитывает около 200 лексем.

Сбор фактического материала проводился в Астраханском государственном университете им. В.Н. Татищева. В круг информантов вошли студенты-филологи многонациональных групп: помимо русских, в них обучаются казахи, татары, калмыки, представители разных народов Дагестана, чеченцы, азербайджанцы, узбеки, туркмены, грузины, армяне. Всего исследованием было охвачено 120 студентов. Русский язык для них является единственным языком, на котором осуществляются все виды речевой деятельности. При сохранении национальной идентичности опрошенные студенты отказаться от него не могут.

В результате применения метода включенного наблюдения были получены предварительные данные о лексико-фразеологическом составе студенческой речи. Они пополнились после проведения анкетирования, а за-

тем имеющийся языковой материал был соотнесен с кодифицированными лексикографическими данными.

В работе также нашли применение описательный метод, включающий приемы интерпретации и сопоставления; метод семантической идентификации, метод контекстуального анализа, лингвокультурологический анализ. Кроме того, использовался прием количественных подсчетов.

Результаты и обсуждение

В лексикон студенческой молодежи Астраханского региона входят такие национально и регионально специфические пласты лексики, как:

1) жаргонизмы и просторечные слова, часть которых обусловлена лингвокультурной ситуацией региона;

2) диалектизмы (астраханизмы) преимущественно тюркского происхождения, расширяющие в студенческом дискурсе сферу референции;

3) заимствования из родных языков студенческой молодежи (варваризмы);

4) экзотизмы (преимущественно – глутонимы) как результат межкультурного взаимодействия в студенческой среде.

Безусловно, студенческий жаргон отражает реалии студенческой жизни, поэтому имеет общенациональные единицы, которые, по нашим наблюдениям, осваиваются всеми студентами, вне зависимости от их этнической или региональной принадлежности. Например, единицы *шпора* (шпаргалка), *лаба* (лабораторная работа), *контроша* (контрольная работа), *курсач* (курсовая работа), *колпак*, *коллок* (коллоквиум) и др., остаются употребительными и не подвергаются сменяемости, как значительная часть лексического состава жаргона в целом.

Специфические лексемы могут быть характерны только для речи студентов определенных направлений или специальностей. Так, если в речи студентов-медиков активно используются единицы *гиста* (гистология), *анатом* (анатомия), *микра* (микробиология), в речи студентов-юристов частотными являются *уголовка* (уголовное право), *гражданка* (гражданское право), *админка* (админист-

ративное право, административный процесс), то в речи студентов-филологов – *зарубежка* (зарубежная литература), *античка* (античная литература), *УНТ* (устное народное творчество) и др.

Тем не менее часть отмеченных нами жаргонизмов представляет собой единицы не общенационального фонда, а лексемы, которые функционируют под влиянием лингвокультурной ситуации региона. В частности, для обозначения *головы* в речи астраханских студентов часто используются лексемы *кочан*, *тыква*, *репа* (ср. *чесать репу* – ‘задуматься’) и *башка*. Однако нами не отмечено ни одного употребления таких жаргонных лексем, стилистических синонимов литературного слова *голова*, как *скворечник*, *антресоль*, *ведро*, *башня*, *будильник*, *хлебоприемник*, *булава*.

Просторечие *башка* (*бóшка*) детерминировано рыболовством как одним из направлений хозяйственной деятельности региона. Действительно, этимологически восходящее к тюркскому *баш* – ‘голова’, на русской почве слово *башка* с XVI в. употребляется, по данным Н.М. Шанского, именно в значении ‘голова рыбы’ (ЭС, с. 38), весьма частотном для речи жителей города Астрахани и области. При этом диалектное значение слова *башка* – ‘астрах. мешок’ (башка икры), которое фиксируется В.И. Далем (Даль, т. 1, с. 56), следует признать в настоящее время неупотребительным.

Просторечное значение слова *башка* отмечается в студенческой речи в контекстах типа:

- (1) **Башкой** надо думать!;
- (2) И где твоя **башка** была!;
- (3) **Башка** совсем не варит;
- (4) **Башка** с утра трещит;
- (5) **Бóшки** себе посшибают запросто.

Следует заметить, что именно поликультурность региона, где значительную часть населения составляют носители тюркских языков, обусловила развитие семантической структуры отдельных тюркизмов.

Так, по данным «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, *карга* заимствовано из турецкого, крымско-татарского, казахского и др. языков и в зна-

чении 'ворона', и в значении 'старуха' (Фасмер, т. 2, с. 196). В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля обнаруживаем астраханизм *карга* – 'золотой шур' (Даль, т. 2, с. 91). В студенческой речи у данного слова появляется жаргонное пренебрежительное значение: *карга* – 'старая вредная преподавательница'. Например:

(6) Эта **карга** выше «тройки» ставить не хочет.

Субстантив *корсак* и как 'степная лисица', и как 'местное название казахов' заимствован также из казахского, киргизского (Фасмер, т. 2, с. 338). У В.И. Даля находим: «В Астрахани так называют киргизов или кайсаков» (Даль, т. 2, с. 170). Слово активно употребляется в современной речи для обозначения (чаще – оскорбительного) представителей неславянских народов и, кроме того, проникает в разговорную речь, в том числе студенческой молодежи, в значении – 'глупый, ограниченный, непонятливый человек'. Например:

(7) Ну ты и **корсак**, вообще не так нужно было сделать...

К региональным словам следует отнести локализмы – неофициальные названия отдельных районов города и области. Одно из них – *Бабайка* – название микрорайона имени Бабаевского. Фонетическое созвучие фамилии писателя С.П. Бабаевского слову *бабай* – 'дед, дедушка, старик; иногда в значении детского пугала', – зафиксированному в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля с пометой «татарск. новорос. оренб.» (Даль, т. 1, с. 34), способствовало образованию неофициального топонима *Бабайка* (по той же модели, что *Кировка* (площадь, на которой расположен памятник С.М. Кирову в Астрахани), *Охотка* (станция метро «Охотный ряд» в Москве) и пр.). Например:

(8) До **Бабайки** добираться тяжело;

(9) Мне с **Бабайки** долго ехать.

Регионально маркированные локализмы, приведенные в качестве примера, квалифицируются нами как «вкрапления» в студенческую

речь, они, как правило, имеют диалектный или просторечный характер, встречаются и в речи представителей других социальных групп.

На наш взгляд, об этнокультурной специфике речи студентов поликультурного российского региона в большей мере свидетельствует степень освоенности ими слов, заимствованных из родных языков студенческой молодежи.

Особое внимание мы обратили на слова, не вошедшие окончательно в общенациональный фонд русского языка, лексически не освоенные (экзотизмы). В ходе анкетирования нами была поставлена цель – выяснить, употребляются ли данные слова в речи студенческой молодежи. Для проведения эксперимента из этимологических словарей были отобраны слова, имеющие межтюркскую основу, то есть характерные для языков народов Средней Азии и Северного Кавказа, представители которых входят в исследуемые нами многонациональные академические группы: *ага, айран, аксакал, аргамак, бай, байрам, бек, дастархан, каймак, лагман, мулла, самса, табиб, танап, той, харман, чайхана, чарык, чуду, шорпа, шубат*. Респондентам было дано следующее задание: «Оцените, пожалуйста, приведенные ниже слова с точки зрения их употребительности в вашей речи: никогда не слышал; слышал, но не знаю значения; слышал, знаю значение, но не употребляю; знаю и употребляю. Полученные количественные данные представлены в таблице.

Анкетирование показало, что большинство студентов не только знают, но и употребляют такие лексемы, как *ага, айран, аксакал, байрам, дастархан, лагман, мулла, самса, чайхана, чуду, шорпа, шубат*. Значение следующих слов, хотя и неупотребительных в речи, является известным респондентам: *бай, каймак, табиб*. В меньшей степени освоенными оказались следующие лексические единицы: *аргамак, бек, танап, той, харман, чарык*. Отметим, что вариант ответа «никогда не слышал» не зафиксирован.

Достаточно высокий уровень знакомства студенческой молодежи с заимствованиями из тюркских языков, относящимися к экзотизмам, обусловлен взаимовлиянием нацио-

Употребительность в студенческой речи лексически не освоенных слов

The use of lexically unassimilated words in students' speech

Слово / значение	Количество респондентов, %			
	Никогда не слышал	Слышал, но не знаю значения	Слышал, знаю значение, но не употребляю	Знаю и употребляю (при необходимости)
<i>Ага</i> / 'форма обращения к старшему'	0	5	25	70
<i>Айран</i> / 'кисломолочный напиток, разновидность кефира, в частности, у тюркских и северокавказских народов'	0	1	16	83
<i>Аксакал</i> / 'уважаемый пожилой мужчина у тюркских народов в Средней Азии и на Кавказе'	0	4	76	20
<i>Аргамак</i> / 'верховая лошадь восточной породы'	0	97	3	0
<i>Бай</i> / 'крупный землевладелец'	0	30	65	5
<i>Байрам</i> / 'праздник у мусульман'	0	1	14	85
<i>Бек</i> / 'господин (употребляется после имени собственного как форма вежливого обращения или упоминания)'	0	90	9	1
<i>Дастархан</i> / 'узбекский обеденный стол небольшой высоты'	0	16	20	64
<i>Каймак</i> / 'популярный у киргизов, казахов, узбеков, татар и некоторых других народов молочный продукт в виде густых сливок'	0	37	53	10
<i>Лагман</i> / 'традиционное блюдо народов Средней Азии'	0	2	11	87
<i>Мулла</i> / 'в исламе: священнослужитель'	0	5	18	77
<i>Самса</i> / 'в Азии: блюдо, похожее на пирожок'	0	0	15	85
<i>Табиб</i> / 'восточный лекарь'	0	33	67	0
<i>Танап</i> / 'казах. мера площади, участок земли'	0	98	2	0
<i>Той</i> / 'у народов Средней Азии: праздник (свадьба, обрезание и пр.), сопровождающийся пиршеством, народными развлечениями и др.'	0	97	3	0
<i>Харман</i> / 'место, где складывают собранный хлопок'	0	97	3	0
<i>Чайхана</i> / 'чайная (в Персии, в Средней Азии)'	0	0	0	100
<i>Чарык</i> / 'обувь типа поршней у народов Средней Азии и Кавказа'	0	95	5	0
<i>Чуду</i> / 'пресные лепешки с начинкой, представленные в кухнях многих народов Дагестана (в частности, кумыков и даргинцев)'	0	2	18	80
<i>Шорпа</i> / 'суп, бульон'	0	14	10	76
<i>Шубат</i> / 'кисломолочный напиток из верблюжьего молока, традиционный для казахов и узбеков'	0	14	12	74

нальных культур в региональном пространстве, близостью межэтнических контактов на групповом и межличностном уровне. Особенно ярко это проявляется в гастрономическом дискурсе. Согласно электронному справочнику 2GIS, в г. Астрахани насчитывается свыше 200 кафе и ресторанов, позиционирующих себя как заведения с восточной кухней. Многие из них пользуются популярностью среди студентов. Отсюда – употребительность глутонимов: *лагман*, *самса*, *шорпа* (*шурпа*), называющих традиционные блюда узбекской кухни, и *чуду*, называющем 'пресные лепешки с начинкой, представленные в кухнях мно-

гих народов Дагестана (в частности, кумыков и даргинцев)'. Например:

(10) Мне больше нравится **чуду** с сыром.

Абсолютная употребительность лексики *чайхана* (от китайск. *cha-yeh* – чай в листьях и перс. *хапе* – помещение) – 'чайная (в Персии, в Средней Азии)' (ТСРЯ, т. 4, с. 1234) – связана с тем, что одним из известных мест отдыха в г. Астрахани является ресторан «Чайхана Шоли», в название которого входит данная лексема, поэтому большинством астраханцев слово *чайхана* воспринимается не как на-

рицательное, а как имя собственное. В результате онимизации происходит «наращение» смыслов, поскольку, несмотря на восточный интерьер и колорит заведения, в астраханском ресторане подают не только чай, в меню представлены разнообразные блюда восточной и европейской кухни. Например:

(11) В выходные отмечали в «**Чайхане**» день рождения, было весело;

(12) Может, в «**Чайхану**» сходим, давно не были...

Как известно, относительно недавно в ресторанах быстрого питания появилось восточное блюдо *шаурма*, которая пользуется популярностью у студентов и в молодежной речи обозначается нередко жаргонизмами *шавуха* или *шава*. Вариант названия данного блюда *шаверма* на территории Астраханского региона не распространен, а слово *шаурма* становится производящей базой таких названий городских заведений, как «Шаурмитта» или «Шаурмист». Похожее по способу приготовления блюдо в Азербайджане называется *донер-кебаб* (*кебаб*). Это же название употребительно в среде астраханской студенческой молодежи, национальный состав которой определяют в том числе и азербайджанцы. Например:

(13) Самый лучший **донер-кебаб** здесь. Повара высший класс. Беру только здесь (из отзывов о шаурмичной, которая находится около университета).

В анализируемых нами студенческих группах отмечаются русско-грузинские межкультурные контакты. Заметим, что результатом исторического межъязыкового взаимодействия является небольшая группа заимствований из грузинского: *сулугуни*, *тамада*, *чурчхела*, *ткемали*, *хачапури*, *харчо*. Слова считаются лексически освоенными в русском языке и входят в широкое речевое употребление. Однако, обратившись к анализу повседневных коммуникативных ситуаций, мы заметили, что, реализуя контактоустанавливающую функцию речи, студенты иногда употребляют иноязычные фатические единицы. Так, в многонациональной студенческой группе, где есть грузины, участники иногда в шуточной форме приветствуют друг друга *Гамарджоба!* и прощаются *Нахвам-*

дис! Иногда в качестве формы обращения используется слово *генацвале*. Например:

(14) Ой, **генацвале**, мы тебя заждались!

Данные особенности, возможно, имеют место и в других социальных группах, между членами которых устанавливаются тесные и близкие межличностные контакты.

В плане взаимовлияния языков особый интерес представляет система обращений в туркменском языке (туркмены представлены в исследуемых нами группах в большом количестве) и способы ее передачи в русском языке. Слово *джан*, которое употребляется многими восточными народами (в переводе с тюркского – ‘душа, душенька’), в туркменском языке, присоединенное к личным именам и терминам родства, выражает ласкательное отношение говорящего к адресату речи, и в этом отношении оно выступает одним из функциональных эквивалентов уменьшительно-ласкательных аффиксов русского языка. *Джан* в русском языке может писаться через дефис с тем существительным, к которому оно относится. Например:

(15) Тут из погреба вернулась Ба, водрузила на стол бутылку своей фирменной сливовой наливки и до поздней ночи, под вкусный мамин торт и рюмочку, негодовала, что же такое в мире творится, **Надя-джан**, с виду мужик, а внутри не пойми что! (Наринэ Абгарян. Все о Манюне // НКРЯ).

В студенческом устном дискурсе лексема употребляется и самостоятельно, используя в той же функции – выражение благорасположения к коммуникативному партнеру

(16) Знаешь, **джан**, наверное, лучше мы потом об этом поговорим.

Традиционной формой приветствия для представителей всех восточных народов является *ас-салям алейкум* или *салам алейкум*. Результаты наблюдения показали, что в общении на русском языке студенты поликультурного региона довольно часто используют такую форму приветствия: во-первых, как способ сохранения национально-культурной идентичности (в речевой ситуации, когда друг друга приветствуют представители вос-

точной культуры), во-вторых, как способ поддержания межэтнического взаимодействия, выражения доброжелательного отношения (в речевой ситуации, когда русский по национальности студент приветствует студента, представляющего «иную» культуру). Например:

(16) Всем **салам!** Как настроение?

Исторически тесными на территории Астрахани и области были и остаются контакты между русскими и татарами. Следствием этого является, в частности, включение в разговорную русскую речь формы выражения согласия *якшии* – ‘хорошо, ладно’ (ср. с просторечным глаголом *якшаться* – ‘дружить, общаться, знаясь’). В речи студенческой молодежи Астраханского региона частотно употребление междометной лексемы *айда* – ‘от тюрк. *ajda* – эй! ну! (разг., обл.). Пойдем, иди’ (ТСРЯ, т. 1, с. 848). Например:

(17) **Айда** за мной!

(18) **Айда** в библиотеку!

(19) **Айда** отсюда!

По данным словаря Н.М. Шанского, слово заимствовано именно из татарского, где оно является повелительной формой от *айдаман* – ‘гонять, погонять’. Буквально – ‘гони; ну, пошли’ (ЭС, с. 24).

Нами зафиксированы также случаи включения в речь заимствованного из татарского *алга* – ‘вперед’. Например:

(20) Я же как? Два дня отлежалась и **алга** на учебу...

Шутливый оттенок придает речи употребление взятого из того же татарского языка выражения *киль монда / монда киль* – ‘иди сюда’:

(21) Э, **киль монда**, мы не договорили.

Данные выражения служат, на наш взгляд, коммуникативными маркерами знакомства говорящего с «иной» лингвокультурой.

Выводы

К выводам проведенного исследования можно отнести следующее.

1. В повседневную студенческую речь в жаргонной части проникают регионально маркированные единицы – диалектизмы тюркского происхождения.

2. В речи студентов поликультурного региона активно употребляются слова, не входящие в общенациональный фонд русского языка и обозначающие понятия, характерные для «другой» культуры (экзотизмы). Большую часть среди них занимают глуттонимы, которые показали высокую степень узнаваемости в студенческой среде: *айран, шубат, чуду, самса* и др.

3. Группу иноязычных лексем, выполняющих функции контактоустановления, обращения, поддержания коммуникации, составляют немногочисленные зафиксированные нами единицы, примыкающие к варваризмам. Нами рассматривались только включенные в русскую речь слова из родных языков студентов исследованных групп, в частности из грузинского, туркменского, татарского.

Выявленные особенности лексики студентов, реализованного в устном бытовом общении, обусловлены полиэтничным составом населения Астраханского региона, что отражено и в составе учебных групп, где представлены носители прежде всего тюркских языков и культур: казахи, татары, азербайджанцы, узбеки, туркмены, а также носители других языков и культур – кумыки, даргинцы и представители других дагестанских этносов, чеченцы, грузины, армяне, калмыки.

Полученные результаты могут быть использованы в социолингвистике при моделировании речевого портрета современного студента и в межкультурной коммуникации при конструировании межэтнического диалога в студенческой среде.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Астраханской области в рамках научного проекта № 23-28-10019 «Концепция преодоления речевой агрессии в образовательном пространстве Прикаспия» (2023–2024 гг.).

The study was carried out with the financial support of the Russian Academy of Sciences and the Ministry of Education and Science of the Astrakhan

region in the framework of the scientific project No. 23-28-10019 "The concept of overcoming speech aggression in the educational space of the Caspian Sea" (2023–2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гасанова М. А., 2018. Русский язык в полиязыковом и поликультурном пространстве // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2, Гуманитарные науки. Т. 33, вып. 4. С. 59–65.
- Евсюкова Т. В., Аграбян С. Р., 2015. Характерные особенности языковой личности студента // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Т. 2, № 10. С. 176–179.
- Казачкова Е. М., 2006. Формирование и функционирование молодежного сленга в лингвокультурной среде (на примере Астраханской области) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 17 с.
- Колмогорова А. В., 2009. Аргументация в речевой повседневности. М. : Флинта ; Наука. 152 с.
- Кудинова Н. А., 2008. Функционирование молодежного сленга в субкультурных образованиях // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 4 (2). С. 11–12.
- Лебедева Н. Б., Тюкаева Н. И., 2006. Студенческое граффити как разновидность естественной письменной речи (коммуникативно-семиотический аспект) // Слово в словаре и дискурсе : сб. науч. тр. к 50-летию Харри Вальтера. М. : ЭЛПИС. С. 292–300.
- Лопатина О. П., Даниленко Ю. Ю., 2021. Актуальные проблемы формирования речевой компетенции у студентов-билингвов на примере поликультурного региона (г. Пермь) // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. № 26-2. С. 211–214.
- Небольсина М. С., Сухотерина Т. П., 2015. Повседневная письменная студенческая коммуникация в дискурсивном аспекте // Мир науки, культуры, образования. № 5 (54). С. 407–409.
- Петрова Ю. А., 2010. Молодежный сленг как языковая составляющая субкультуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. № 3. С. 71–74.
- Плаксина Н. Ю., 2006. Маргинальные страницы тетради // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации «Функционирование русского языка на современном этапе». № 120. С. 20–27.
- Попов Р. В., Рюмин Р. В., 2021. Территориально маркированная субстандартная лексика в региолектном словаре // Социальные варианты языка – XI : сб. науч. ст. Междунар. конф. Н. Новгород : [б. и.]. С. 38–41.
- Рубцова Е. А., 2008. Функциональные особенности сленгизмов молодежных печатных СМИ // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования – языки и специальность». № 5. С. 83–87.
- Силантьев И. В., 2004. Текст в системе дискурсивных взаимодействий // Критика и семиотика. № 7. С. 98–123.
- Титаренко Е. Я., 2020. Родной язык, языковая политика и проблемы идентичности (на примере Республики Крым) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. Т. 6, № 2. С. 193–205.
- Шпильная Н. Н., 2018. Диалогический текст: дери-вационная концепция. М. : URSS. 383 с.

ИСТОЧНИК

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

СЛОВАРИ

- Вальтер Х., Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона. М. : АСТ, 2005. 360 с.
- Грачев М. А. Словарь современного молодежного жаргона. М. : ЭКСМО, 2006. 672 с.
- Даль – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : ТЕРРА, 1995. Т. 1. 800 с. ; Т. 2. 784 с.
- Никитина Т. Г. Толковый словарь молодежного сленга : Слова, непонятные взрослым. М. : Астрель ; АСТ, 2003. 736 с.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Астрель ; АСТ, 2000. Т. 1. 848 с. ; Т. 4. 752 с.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. М. : Прогресс, 1986. 672 с.
- ЭС – Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С. Г. Бархударова. М. : Просвещение, 1971. 542 с.

REFERENCES

Gasanova M.A. Russkiy yazyk v poliyazykovom i polikulturnom prostranstve [Russian in Multilingual and Multicultural Environment]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo*

- universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, vol. 33, iss. 4, pp. 59-65.
- Evsyukova T.V., Agrabyan S.R., 2015. Kharakternye osobennosti yazykovoy lichnosti studenta [Characteristic Features of the Student's Linguistic Personality]. *Gumanitarnye, socialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences], vol. 2, no. 10, pp. 176-179.
- Kazachkova E.M., 2006. *Formirovanie i funktsionirovanie molodezhnogo slenga v lingvokulturnoy srede (na primere Astrahanskoy oblasti): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Formation and Functioning of Youth Slang in the Linguistic and Cultural Environment (On the Example of the Astrakhan Region). Cand. philol. sci. abs. diss]. Moscow, 17 p.
- Kolmogorova A.V., 2009. *Argumentatsiya v rechevoy povsednevnosti* [Argumentation in Everyday Speech]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 152 p.
- Kudinova N.A., 2008. Funktsionirovanie molodezhnogo slenga v subkulturnykh obrazovaniyakh [Functioning of Youth Slang in Subcultural Formations]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities], no. 4 (2), pp. 11-12.
- Lebedeva N.B., Tyukaeva N.I., 2006. Studencheskoe graffiti kak raznovidnost estestvennoy pismennoy rechi (kommunikativno-semioticheskij aspekt) [Student Graffiti as a Kind of Natural Written Speech (Communicative and Semiotic Aspect)]. *Slovo v slovare i diskurse: sb. nauch. tr. k 50-letiyu Harri Valtera* [A Word in the Dictionary and Discourse. Collection of Scientific Works to the 50th Anniversary]. Moscow, ELPIS, pp. 292-300.
- Lopatina O.P., Danilenko Yu.Yu., 2021. Aktualnye problemy formirovaniya rechevoy kompetentsii u studentov-bilingvov na primere polikulturnogo regiona (g. Perm') [Actual Problems of the Formation of Speech Competence Among Bilingual Students on the Example of a Multicultural Region (Perm)]. *Lingviorhetoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Linguorhetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects], no. 26-2, pp. 211-214.
- Nebolsina M.S., Sukhoterina T.P., 2015. Povsednevnyaya pismennaya studencheskaya kommunikatsiya v diskursivnom aspekte [Everyday Written Student Communication in the Discursive Aspect]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], no. 5 (54), pp. 407-409.
- Petrova Yu.A., 2010. Molodezhnyy sleng kak yazykovaya sostavlyayushchaya subkultury [Youth Slang as a Linguistic Component of Subculture]. *Gumanitarnye i sotsialno-ekonomicheskie nauki* [Humanities and Socio-Economic Sciences], no. 3, pp. 71-74.
- Plaksina N.Yu., 2006. Marginalnye stranitsy tetradi [Marginal Pages of the Notebook]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Byulleten operativnoy nauchnoy informatsii «Funktsionirovanie russkogo yazyka na sovremennom etape»* [Herald of Tomsk State University. Bulletin of Operational Scientific Information "Functioning of the Russian Language at the Present Stage"], no. 120, pp. 20-27.
- Popov R.V., Ryumin R.V., 2021. Territorialno markirovannaya substandartnaya leksika v regiolektnom slovare [Geographically Marked Substandard Vocabulary in a Regiolect Dictionary]. *Socialnye varianty yazyka – XI: sb. nauch. st. Mezhdunar. konf.* [Social Variants of the Language – XI. Collection of Scientific Articles of the International Conference]. Nizhniy Novgorod, s.n., pp. 38-41.
- Rubtsova E.A., 2008. Funktsionalnye osobennosti slengizmov molodezhnykh pechatnykh SMI [Functional Features of Slangisms of Youth Print Media]. *Vestnik RUDN. Seriya «Voprosy obrazovaniya – yazyki i spetsialnost»* [Bulletin of the RUDN. Questions of Education – Languages and Specialty], no. 5, p. 83-87.
- Silantsev I.V., 2004. Tekst v sisteme diskursivnykh vzaimodeystviy [Text in the System of Discursive Interactions]. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], no. 7, pp. 98-123.
- Titarenko E.Ya., 2020. Rodnoy yazyk, yazykovaya politika i problemy identichnosti (na primere Respubliki Krym) [Native Language, Language Policy and Identity Problems (On the Example of the Republic of Crimea)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, vol. 6, no. 2, pp. 193-205.
- Shpilnaya N.N., 2018. *Dialogicheskiy tekst: derivatsionnaya kontseptsiya* [Dialogic Text: Derivational Concept]. Moscow, URSS. 383 p.

SOURCE

Natsionalny korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

DICTIONARIES

Valter H., Mokievko V.M., Nikitina T.G. *Tolkovyy slovar russkogo shkolnogo i studencheskogo zhargona* [Explanatory Dictionary of Russian

- School and Student Jargon]. Moscow, AST Publ., 2005. 360 p.
- Grachev M.A. *Slovar sovremennogo molodezhnogo zhargona* [Dictionary of Modern Youth Jargon]. Moscow, EKSMO, 2006. 672 p.
- Dal V. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, TERRA Publ., 1995, vol. 1. 800 p.; vol. 2. 784 p.
- Nikitina T.G. *Tolkovyy slovar molodezhnogo slenga: Slova, neponyatnye vzroslym* [Explanatory Dictionary of Youth Slang: Words Incomprehensible to Adults]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2003. 736 p.
- Ushakov D.N., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Astrel Publ.; AST Publ., 2000, vol. 1. 848 p.; vol. 4. 752 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 2* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols. Vol. 2]. Moscow, Progress Publ., 1986. 672 p.
- Shanskiy N.M., Ivanov V.V., Shanskaya T.V. *Kratkiy etimologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Short Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 542 p.

Information About the Author

Maria L. Lapteva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Modern Russian Language, Astrakhan Tatishchev State University, Tatishcheva St, 20a, 414056 Astrakhan, Russia, hohlina2004@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2412-1299>

Информация об авторе

Мария Леонидовна Лаптева, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой современного русского языка, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, ул. Татищева, 20а, 414056 г. Астрахань, Россия, hohlina2004@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2412-1299>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.9>

UDC 811.161.1:81'367
LBC 81.411.2-22

Submitted: 20.01.2023
Accepted: 01.12.2023

UTILITARIAN EVALUATION OF BENEFIT IN BISUBSTANTIVE SENTENCES

Anastasia Ye. Vatina

State University of Education, Mytishchi, Russia;
National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia

Abstract. The article describes the ways and means of expressing the evaluation of benefit in sentences that have two nouns in combination with a link in the predicative core. The place of utilitarian evaluation in the system of evaluative knowledge is determined. A scale of such evaluation "useful – harmless – indifferent – useless – harmful" is presented, and the identification of a neutral zone on it, formed by the value 'indifferent', is justified. The elements of the sentence with the utilitarian evaluation are identified, and the predominant representation of this evaluation in the link-substantive predicate is noted. The structure of the utilitarian evaluation of benefit in bisubstantive sentences is analyzed and described: the subject of evaluation, the subject of benefit or the subject of harm, the object of evaluation and the basis for evaluation, which coincides with the goal. The identification of the subject of harm is motivated. Productive grammatical means of expressing the utilitarian evaluation of benefit in bisubstantive sentences have been established. Cases of combining different subject types in this kind of sentences are characterized. Three groups of possible subjects of benefit were studied: a person (specific and abstract), a group of people (specific and abstract), animals as a special group in which the subjects of evaluation are always combined. The potential of utilitarian benefit evaluation compatibility with other types of evaluation is determined.

Key words: bisubstantive sentences, utilitarian evaluation, evaluation scale, subject of evaluation, subject of benefit, subject of harm, object of evaluation, Russian language.

Citation. Vatina A.Ye. Utilitarian Evaluation of Benefit in Bisubstantive Sentences. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 1, pp. 104-116. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.9>

УДК 811.161.1:81'367
ББК 81.411.2-22

Дата поступления статьи: 20.01.2023
Дата принятия статьи: 01.12.2023

УТИЛИТАРНАЯ ОЦЕНКА ПОЛЬЗЫ В БИСУБСТАНТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Анастасия Евгеньевна Ватина

Государственный университет просвещения, г. Мытищи, Россия;
Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»,
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье описаны способы и средства выражения оценки пользы в предложениях, имеющих в предикативном ядре два существительных в сочетании со связкой. Определено место утилитарной оценки в системе оценочных знаний. Представлена шкала такой оценки «полезный – безвредный – безразличный – бесполезный – вредный», обосновано выделение на ней нейтральной зоны, образованной значением 'безразличный'. Выявлены элементы предложения, в которых обнаруживается утилитарная оценка, и показано, что она выражена преимущественно в связочно-субстантивном сказуемом. Проанализирована и описана структура утилитарной оценки пользы в бисубстантивных предложениях: субъект оценки, субъект пользы или субъект вреда, объект оценки и основание оценки, совпадающее с целью. Мотивировано выделение субъекта вреда. Установлены продуктивные грамматические способы выражения утилитарной оценки пользы в бисубстантивных предложениях. Охарактеризованы случаи совмещения разных видов субъектов в данном типе предложений. Исследованы три группы возможных субъектов пользы: человек (конкрет-

ный и абстрактный), группа людей (конкретная и абстрактная), животные как особая группа, в которой субъекты оценки всегда совмещены. Определены возможности сочетаемости утилитарной оценки пользы с другими видами оценки.

Ключевые слова: бисубстантивное предложение, утилитарная оценка, шкала оценки, субъект оценки, субъект пользы, субъект вреда, объект оценки, русский язык.

Цитирование. Ватина А. Е. Утилитарная оценка пользы в бисубстантивных предложениях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 104–116. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.9>

Введение

Интерес к оценочным значениям в современном русском языке связан с развитием антропоцентрического направления в лингвистике, в рамках которого большое внимание уделяется изучению личности и ее мыслительных процессов, проявляющихся в субъектных компонентах речи. К ним языковеды относят дейксис, метатекстовые компоненты, оценку, субъективную модальность, стиль и эмфазу [Николаева, 2008, с. 239]. Языковая оценка отражает ментальную деятельность человека, а также потребности личности и общества. Она становится средством познания окружающего мира, на который направлена, и реагирования на него. Оценка может проявляться во всех структурных элементах предложения и восприниматься адресатами по-разному.

Наиболее полную классификацию оценок одним из первых предложил финский логик Г. фон Вригт [Wright, 1963]. Он разграничил общеоценочные и частнооценочные значения и среди частнооценочных значений указал инструментальные, утилитарные, медицинские, гедонистические, технические оценки, или оценки мастерства, и оценки благоприятствования. Н.Д. Арутюнова среди всех частнооценочных значений также выделила утилитарные оценки, она оперировала значением полезности и не принимала во внимание специализированный объект оценки [Арутюнова, 1988, с. 67]. Те значения, которые Г. фон Вригт характеризовал как инструментальные, технические оценки и оценки благоприятствования, Н.Д. Арутюнова распределила среди утилитарных, нормативных и телеологических оценок. Т.В. Маркелова, развивая теорию Н.Д. Арутюновой, отмечает, что между выделенными Н.Д. Арутюновой значениями нет четкой границы, они

взаимопроницаемы, поскольку в языке отражаются сложнейшие оттенки мыслительного содержания, пересекаются и создаются общие компоненты значения [Маркелова, 2013, с. 238]. Языковые средства выражения утилитарной оценки уже становились объектом лингвистических исследований (см., например: [Азылбекова, 2010; Дронова, 2017; Погорелова, 2002; Савельева, 2012]), однако остаются малоизученными в современной лингвистике синтаксические структуры, выражающие семантику пользы. К таковым относятся и бисубстантивные предложения (далее – БП). В последние годы исследователи посвятили множество публикаций данному типу двусоставного предложения [Алиев, 2020; Герасименко, 2023; Селеменова, 2020; Соловьёва, 2021; Степанчиков, 2020; и др.], в которых показано, что оценочное значение – типовое для БП и представляет пассивный предикативный признак (подробно см.: [Герасименко, 2012, с. 133]).

Цель статьи – выявление способов и средств выражения утилитарной оценки пользы в бисубстантивных предложениях.

Материал и методы

Источником для отбора языкового материала послужили тексты, отражающие разные функциональные стили русского языка: художественные произведения современных и классических авторов (романы Г.Ш. Яхиной «Дети мои» и «Зулейха открывает глаза», Ф.М. Достоевского «Идиот», автобиография В. Смехова «Театр моей памяти»), научно-популярные тексты (М.А. Кречмар «Мохнатый бог», О.Ю. Захарова «Этикет деловой и общегражданский. История и современность. Руководство для воспитанных людей», М. Ильяхов «Пиши, сокращай. Как создавать сильный текст», статьи из научно-популярно-

го журнала «Знание – сила»), тексты из изданий публицистической направленности и СМИ (газета «Крымская газета», многотиражная газета «Энергетик», журнал «Московское наследие»). Из указанных источников с помощью метода сплошной выборки отобраны 1672 бисубстантивных предложения, которые рассматривались как единый массив фактов без учета стилевой принадлежности. При помощи контекстуального анализа из всего объема предложений были выделены 140 примеров БП, в которых выражена утилитарная оценка, они распределены по разработанной шкале утилитарной оценки. Прием количественных подсчетов позволил определить частотность употребления БП, выражающих разные виды утилитарной оценки.

Теоретической базой разработки проблемы служат исследования о функционировании бисубстантивных предложений в русском языке [Герасименко, 2012; Калинина, 2019; Степанчиков, 2016; и др.]. Как показано в работе Н.А. Герасименко, в предикативное ядро бисубстантивных предложений входит подлежащее, выраженное существительным (или его эквивалентом) в именительном падеже, и связочно-субстантивное сказуемое, в котором вспомогательная часть представлена связкой, а основная – именем существительным в разных падежных и предложно-падежных формах. Падежная форма подлежащего определяется грамматическим устройством русского двусоставного предложения, а семантика – выбором говорящего и задачами, которые он ставит перед собой. Выбор существительных в связочно-субстантивном сказуемом зависит от семантики подлежащего и целей автора высказывания (отождествление, характеристика, сравнение, оценка и т. п.). Особенно ярко проявляются в БП оценочные значения, реализующиеся в семантике имени существительного, в оценочных именах прилагательных, которые в этом случае включаются в состав связочно-субстантивного сказуемого [Герасименко, 2017, с. 16].

Принимая во внимание позицию говорящего по отношению к действительности, Н.А. Герасименко делает вывод о том, что для типичного бисубстантивного предложения характерно положение говорящего в позиции наблюдателя [Синтаксические средства...,

2022, с. 20], находясь в которой говорящий совершает разнообразные логические операции, что позволяет ему приписать объектам определенные признаки, отождествить, сравнить, оценить их в зависимости от имеющихся у него знаний и опыта. Из этого следует, что оценочный компонент является обязательным в БП и связан с результатом выбора говорящим лексических и синтаксических средств выражения значения оценки. Структура бисубстантивного предложения включает в качестве обязательного компонента эксплицитно или имплицитно представленный субъект оценки, так как отражает ментальную деятельность человека.

При установлении способов и средств выражения утилитарной оценки пользы мы опирались на работы, посвященные выявлению оценочных значений и их выражению в языке [Арутюнова, 1988; Васильев, 2006; Вольф, 2020; Дронова, 2017; Ивин, 2015; Малевинский, 2006; Маркелова, 2013; Wright, 1963; и др.]. Вслед за Т.В. Маркеловой понимаем оценку как функционально-семантическую категорию, реализуемую в речевой деятельности системой разноуровневых языковых средств [Маркелова, 2013, с. 7]. Говорящий обнаруживает свою оценку (в том числе и нейтральную) во всех продуцируемых высказываниях.

В структуру оценки входит субъект оценки, объект оценки, основание оценки. Важнейшим имплицитным компонентом оценки является шкала оценки, выражающая содержание признака в различных спектрах ценностного отношения говорящего [Маркелова, 2013, с. 15]. Семантика утилитарной оценки по-разному характеризуется в лингвистических работах. Так, А.А. Ивин под утилитарной оценкой понимает «сложное высказывание, представляющее собой объединение двух высказываний, одно из которых устанавливает причинную связь между некоторыми двумя состояниями, а второе утверждает положительную, отрицательную или нулевую ценность состояния, являющегося следствием» [Ивин, 2015, с. 194]. Исследователь выделяет такие высказывания, которые принимают формы «А есть причина В и В положительно ценно», «А есть причина В и В отрицательно ценно» или «А есть причина В и В является нулевой

ценностью» [Ивин, 2015, с. 194]. Г. фон Вригт и Н.Д. Арутюнова также обращали внимание на то, что в высказываниях с утилитарной оценкой должна быть определена цель, для которой то или иное средство или действие будет иметь пользу или вред [Wright, 1963; Арутюнова, 1988]. Н.Д. Арутюнова указывала на то, что оценочное слово в высказываниях, содержащих утилитарную оценку, «стремится приобрести реляционное значение, установив отношение между средством и целью» [Арутюнова, 1988, с. 70].

Исследователи говорят о двух видах оценки – абсолютной, содержащей имплицитное сравнение, основанное на общности социальных стереотипов, и сравнительной, основанной на сопоставлении объектов друг с другом [Вольф, 2020, с. 15]. Г. фон Вригт называет абсолютные оценки «формами добра» и выделяет среди них, как мы уже отметили, шесть видов оценки, или, по его терминологии, «добра»: инструментальные, технические, медицинские, гедонистические, утилитарные оценки и оценки благоприятствования, рассматриваемые иногда как подвид утилитарных [Wright, 1963]. Н.Д. Арутюнова также определила утилитарную оценку как абсолютную оценку, для которой важно охарактеризовать объект оценивания как «хороший», «плохой» или «безразличный», что соотносится со значением утилитарной оценки, которая добавляет частное значение «для какой-либо цели» [Арутюнова, 1988]. Частнооценочные значения, по Н.Д. Арутюновой, делятся на сенсорные (сенсорно-вкусовые, или гедонистические, и психологические), сублимированные (эстетические и этические) и рационалистические (утилитарные, нормативные и телеологические). Другую типологию предлагает С.О. Малевинский, выделяя среди, по его терминологии, критериальных оценок параметрические, стандартные, нормативные, утилитарные, истинностные и идеальные [Малевинский, 2006]. Несмотря на различие в типологии, утилитарные оценки, по С.О. Малевинскому, так же как и у Н.Д. Арутюновой, связаны с представлениями людей о пользе и вреде, выгоде и ущербе. В классификации Л.М. Васильева акцент сделан на предикаты и их оценочный характер. Он выделил модально-оценочные предикаты (рациональная оценка), общеоценочные

предикаты (ситуативная и предметная оценка) и частнооценочные предикаты (рациональная и эмоциональная оценка). Частнооценочные предикаты, по мнению Л.М. Васильева, делятся на утилитарные (в них и проявляется рациональная оценка), этические, эстетические, сенсорные и связочные (относятся к эмоциональной оценке) [Васильев, 2006, с. 381]. Хотя классификация, предложенная этим исследователем, значительно отличается от других, представленных выше, утилитарные предикаты в ней также определяются как характеризующие квалифицируемый объект с точки зрения его полезности и возможности использования в каких-либо целях. Таким образом, несмотря на существование различных по форме и содержанию классификаций, многие исследователи выделяют утилитарную оценку и отмечают, что данный вид оценки связан со значением полезности для какой-либо цели.

Шкала оценок «хорошо – нейтрально – плохо» соотносится со шкалой утилитарной оценки «полезно – бесполезно». Антонимия *полезный – вредный* расширяется за счет выделения дополнительных антонимичных пар *полезный – бесполезный* и *вредный – безвредный*. При этом значение слова *безвредный* – ‘не причиняющий вреда’ (ТСРЯ, с. 71) – оказывается на положительной стороне шкалы оценки, а значение слова *бесполезный* – ‘не приносящий пользы, напрасный’ (ТСРЯ, с. 80) – на отрицательной. Шкала утилитарной оценки расширяется до вида «полезный – безвредный – бесполезный – вредный». Явления, попадающие в нейтральную зону, согласно данной шкале, в утилитарной оценке принимают значения ‘безвредный’ или ‘бесполезный’ и не могут быть абсолютно нейтральными. С.Д. Погорелова также выделяет данную шкалу утилитарной оценки, но отмечает существование зоны «безразличный», хотя и не указывает ее на шкале оценок [Погорелова, 2002, с. 33]. Исходя из этого, считаем возможным расширить шкалу утилитарной оценки до вида «полезный – безвредный – безразличный – бесполезный – вредный». Значение ‘безразличный’ является, по нашему мнению, точкой отсчета, нулевым показателем нейтрального оценочного значения. Данная шкала позволяет точнее установить

положение объекта оценки и учитывает возможность для объекта оценки не быть полезным или вредным. В таком случае объект оценки характеризуется как бесполезный или безвредный. Значение 'безразличный' не обнаруживается в примерах, поскольку каждая вещь, как показано С.Д. Погореловой, или полезна, или бесполезна с позиции рассматриваемой цели [Погорелова, 2002, с. 33]. В связи с этим данное значение представлено на шкале номинально с целью разграничить положительные и отрицательные значения на шкале утилитарной оценки.

Результаты и обсуждение

Сочетание утилитарной оценки с другими частными видами оценки

Оценочные значения взаимопроницаемы и могут накладываться друг на друга в рамках одного высказывания, с чем связана трудность в определении подтипа оценочного значения.

Среди 85 отобранных примеров со значением 'полезный' 14 примеров содержат нормативную оценку, 11 примеров – телеологическую, 8 – психологическую и по 4 примера – этическую и эстетическую. Сенсорно-вкусовая оценка среди них не встретила. Утилитарная оценка входит в группу рационалистических оценок, что объясняет наличие большого количества предложений, сочетающих в себе другие виды рационалистических оценок наряду с утилитарной, например сочетание утилитарной и нормативной:

(1) Но **гораздо более верным способом** удержать медведя в яме был воткнутый в ее дно заостренный кол (Кречмар, с. 245).

Утилитарная оценка может сочетаться с эстетической оценкой:

(2) **Медведи** в национальном парке размножились и наряду с гейзерами **стали одной из самых привлекательных приманок** для туристов (Кречмар, с. 22).

В данном примере утилитарная оценка (благоприятное влияние наличия медведей на туристический поток в национальном парке) накладывается на эстетическую (медведи характеризуются как привлекательные объек-

ты с точки зрения зрелищности и красоты, становясь в один ряд с гейзерами). Объединяются рационалистическая и сублимированная оценки.

Утилитарная оценка может сочетаться с другими подвидами рационалистической оценки. Н.Д. Арутюнова указывала, что для утилитарных оценок характерны противопоставления «полезный – вредный», «благоприятный – неблагоприятный»; для нормативных оценок – «правильный – неправильный», «корректный – некорректный», «нормальный – аномальный, ненормальный», «стандартный – нестандартный, бракованный», «доброкачественный – недоброкачественный», «здоровый – больной»; для телеологических оценок – «эффективный – неэффективный», «целесообразный – нецелесообразный», «удачный – неудачный» [Арутюнова, 1988 с. 75–76]. Рационалистические оценки связаны с практической деятельностью и интересами человека. Утилитарная оценка может быть вычленена по целенаправленности:

(3) **Дробовик 12-го калибра** с подвижным цевьем – **оружие, рекомендованное** для обороны от медведя американским Департаментом рыбы и дичи (Кречмар, с. 223).

Во втором примере утилитарная оценка совмещается с телеологической оценкой, что проявляется в причастном обороте, в котором *оружие* интерпретируется и как эффективное средство, целесообразное, поэтому рекомендуемое, и как полезное для достижения цели – обороны от медведя.

Утилитарная оценка свободно сочетается с другими видами частнооценочных значений. При этом сочетание утилитарной оценки с другим видом может быть как внутри рационалистической группы, так и со всеми остальными частнооценочными значениями без ограничений. Чаще всего утилитарная оценка сочетается с телеологической и нормативной оценкой.

Утилитарная оценка пользы в структуре бисубстантивных предложений

В исследовании С.Д. Погореловой, сопоставившей лексику утилитарной оценки в русском и английском языках, установлено, что в

русском языке «большинство слов с семантикой утилитарной оценки относятся к подгруппе с общим значением ‘вредный’. На втором месте... находится подгруппа слов с общим значением ‘полезный’. Самой малочисленной в русском языке является подгруппа слов с общим значением ‘безвредный’» [Погорелова, 2002, с. 7]. При этом из числа всей проанализированной С.Д. Погореловой лексики имена существительные со значением ‘полезный’ занимают 39,7 %, 29,7 % – со значением ‘безвредный’, 28,2 % – ‘бесполезный’ и 24,3 % – ‘вредный’ [Погорелова, 2002, с. 125]. Однако, как показало наше исследование, в речевой практике носители языка отдают предпочтение значению ‘полезный’: из 140 предложений 85 имеют утилитарную оценку со значением ‘полезный’ (61 %), 30 – со значением ‘вредный’ (21,5 %), 19 – со значением ‘бесполезный’ (13,5 %) и 6 – со значением ‘безвредный’ (4 %). В бисубстантивных предложениях разрыв между значениями ‘полезный’ и ‘вредный’ увеличивается в три раза. В связи с этим можно сделать вывод о том, что в текстах на русском языке среди всех БП с утилитарной оценкой наиболее частотно в употреблении БП со значением ‘полезный’.

Различные значения утилитарной оценки в БП реализуются лексически в основе предложения и в распространяющих словах и конструкциях. В 76 примерах из 85 со значением ‘полезный’ утилитарная оценка проявляется в составе сказуемого:

(4) Шагать по ней было одно удовольствие, а отрадные мысли это удовольствие многократно усиливали: предстоящие уроки с девицей Гримм **казались предприятием несложным, но полезным**, отвечающим священному учительскому долгу, к тому же **финансово привлекательным** (Яхина 1, с. 40).

Утилитарная оценка может обнаруживаться в составе подлежащего, если само подлежащее или распространяющие его слова и выражения являются лексической единицей со значением утилитарной оценки:

(5) **Еще один необходимый элемент лабаза** – это веревка, которой охотник привязывает себя, чтобы не упасть с высоты (Кречмар, с. 176).

Кроме лексических единиц со значением утилитарной оценки также используются поясняющие конструкции:

(6) Еще одна примета, **которая способна выдать вам зверя**, – это наличие следов на снегу (Кречмар, с. 165);

(7) Кедровый стланик является тем гвоздиком, **вокруг которого завязан большой узел взаимосвязей между самыми разными зверями и птицами, так или иначе использующими его в своей жизни** (Кречмар, с. 54).

Итак, утилитарная оценка в бисубстантивных предложениях реализуется преимущественно в составе сказуемого и выражается не только существительными (или их эквивалентами), входящими в предикативную основу, но и распространителями.

Субъект оценки и субъект пользы

Субъектом оценки называют лицо или группу лиц, с точки зрения которых производится оценка [Вольф, 2020, с. 68]. Оценка может быть прямо определена автором высказывания и быть выражением личной авторской позиции или точки зрения социума, к которому автор принадлежит, то есть быть отражением общественного мнения, а также оценка может быть предписана другому лицу или группе лиц (совмещение субъектов оценки):

(8) **Я** участвую в «PROFкачке» уже 5 сезон и **точно знаю**, что этот проект – это не только 31 день увлекательных и интересных заданий, новых знакомств и общения, но и бесценный вклад в себя и свое будущее (Энергетик, с. 13);

(9) Изучение деталей и мелочей – мощнейшая побудительная причина, рождающая искусство, культуру, науку, причина, **предопределяющая наше с вами будущее** (Московское наследие, с. 89).

Субъектом пользы, или бенефактивным субъектом, бенефициантом, называют субъект, для которого объект имеет ценность [Вольф, 2020, с. 76]. В рамках одного высказывания один и тот же объект может получать разные оценки в зависимости от субъекта пользы:

(10) Юра отдал нам свои ключи с предупреждением: **являться тихо**, на звонки и стуки не откли-

каться, ибо его дом только для меня – крепость, а для него – мишень разбоя (Смехов, с. 315).

Субъект пользы может не совпадать с субъектом оценки:

(11) Дворец в Быково мог бы стать драгоценным вместилищем для филиала музея мирового уровня, такого, например, как музей «Царицыно», или даже Санкт-Петербургский Эрмитаж (Московское наследие, с. 96).

В данном примере субъектом пользы является филиал музея, а субъект оценки – автор высказывания, предполагающий ценность дворца не для себя, а для определенной группы людей.

Среди проанализированных примеров бисубстантивных предложений с утилитарной оценкой со значением ‘полезный’ в 62 примерах субъект оценки выражен имплицитно и совпадает с автором высказывания:

(12) Девчонка была чем-то большим – ключом к стариковскому сердцу или даже каким-то куском его (Яхина 1, с. 368).

В остальных случаях субъект оценки выражается эксплицитно – формами родительного (в том числе с предлогом *для*) (13) или дательного падежей (14), а также совмещением субъекта оценки (автора высказывания) и объекта оценки (15):

(13) Для всего взрослого населения поселка Форт Черчилль на севере Канады полицейский пятизарядный дробовик 12-го калибра до сих пор является необходимым предметом обихода (Кречмар, с. 312);

(14) Сегодня это вечернее свидание Зулейхе на руку (Яхина 2, с. 13);

(15) Он был теперь всего лишь источник молока, тепла и сухости – для жадного до жизни младенца; источник текстов о Гнадентале – для жадного до чтения Гофмана (Яхина 1, с. 187).

В сложных предложениях, в которых бисубстантивная конструкция используется в придаточной части, субъект оценки может называться в главной части:

(16) В том, что это был козырь, **вождь не сомневался**: свои немцы казались рычагом, при помощи которого можно и нужно было управлять

социалистической революцией в далекой Германии (Яхина 1, с. 132).

Субъект оценки может совпадать с субъектом пользы, как в примере (13). В данном предложении происходит совмещение двух субъектов оценки: субъектом оценки выступает автор высказывания, приписывающий оценочную характеристику определенной группе людей (все взрослое население поселка), которые оценивают объект (дробовик) как необходимую, полезную вещь для обихода. Люди, входящие в указанную группу, выступают субъектом пользы.

В то время как субъект оценки может выражаться имплицитно, субъект пользы в предложениях с утилитарной оценкой всегда присутствует: он может быть указан явно, совпадать с субъектом оценки или восстанавливаться из широкого контекста. Такой субъект пользы представляет собой кого-то, указанного в тексте ранее, или определенную группу людей, занимающихся какой-либо деятельностью:

(17) МЭИ был единственным институтом, способным выпускать специалистов-энергетиков, которых так не хватало **народному хозяйству** (Энергетик, с. 7).

В данном примере субъектом пользы выступают люди, занятые в народном хозяйстве.

Субъект пользы может быть выражен по-разному. В этом качестве в бисубстантивных предложениях могут выступать конкретный и абстрактный человек, группа людей (конкретная и абстрактная) и животное, отождествленное с человеком. Условно считаем возможным разграничить здесь понятия «конкретный» и «абстрактный» (человек, группа). Значение слова *конкретный* – ‘реально существующий, вполне точный и вещественно определенный, в отличие от абстрактного, отвлеченного’ (ТСРЯ, с. 443) – антонимично значению слова *абстрактный* – ‘основанный на абстракции, отвлеченный; *противоп.* конкретный’ (ТСРЯ, с. 28). Это позволяет представить оппозицию указанных групп субъектов.

Субъект пользы выражается формами родительного падежа без предлога и с предлогами *для* и *у*, предложного падежа с предлогом *в*,

а также другими падежными формами, требуемыми существительным на месте предиката, может быть указан в поясняющих вставных конструкциях, совпасть с субъектом оценки и восстанавливаться по контексту.

Конкретный человек, являющийся субъектом пользы, называется, узнается по контексту или совпадает с субъектом оценки:

(18) В 1743 году усадьба стала приданым **Варвары Алексеевны Черкасской**, вышедшей замуж за графа Петра Шереметева (Московское наследие, с. 115);

(19) Коля Иволгин, по отъезде князя, сначала продолжал свою прежнюю жизнь, то есть ходил в гимназию, к приятелю своему Ипполиту, смотрел за генералом и помогал **Варе** по хозяйству, то есть был **у ней** на побегушках (Достоевский, с. 126).

В случае если субъект пользы – абстрактный человек, то он связан со стереотипными представлениями автора высказывания о пользе для любого человека. В таких высказываниях указывается абстрактный субъект пользы (люди, человек) – примеры (20), (21) или субъект не указывается, но подразумевается – пример (22):

(20) И, несомненно, **люди понимают**, что язык – настоящее богатство, а иностранный язык – шанс взглянуть на мир под другим углом (Энергетик, с. 19);

(21) Кроме подстерегающего врага, разорителя пасек и поедателя запасов медведь, с другой стороны, **в понимании первобытного человека**, был и объектом охоты, пищей, шатающейся невесть за чем по лесу (Кречмар, с. 148);

(22) Тяжелый труд – до усталости, до ломоты в конечностях и отсутствия мыслей в голове – вот верное средство от многих бед (Яхина 1, с. 389).

Абстрактный человек является представителем какой-либо группы людей. Она в качестве субъекта пользы может быть конкретной (с указанием определенного количества человек) или абстрактной. Абстрактная группа представляет собой неограниченную по количеству совокупность людей, но ограниченную каким-либо свойством и может быть малой (например, работники какой-либо отрасли) или большой (например, мужчины, составляющие приблизительно половину населения планеты). Значения абстрактного человека и абстрактной группы вза-

имопроницаемы, поскольку коллективная польза для группы людей может быть рассмотрена как индивидуальная для каждого типичного представителя группы, и этим представителем в тексте может быть один абстрактный человек. При этом индивидуальная польза одного абстрактного человека может распространяться на всех членов группы, к которой принадлежит абстрактный, типичный человек:

(23) Тумаки – лучшее средство для **трусов** (Яхина 1, с. 337);

(24) Настольные игры, кроме своей прямой функции скрашивания досуга, также являются хорошим катализатором, модератором и медиатором коммуникативного процесса и групповой динамики практически **в любой группе** (Крымская газета, с. 3);

(25) Выявление и сохранение наиболее ценных уникальных комплексов жилой застройки 1920–1930-х гг., определение методов их реконструкции и интеграции в современную жизнь города – это на сегодняшний день важная задача **не только для города, но и для всего архитектурного сообщества** (Московское наследие, с. 63).

Конкретная группа предполагает множество людей, точное количество которых может оставаться неизвестным. Это одновременно и сближает, и разводит значения конкретной и абстрактной групп. Характеристики и наполнение абстрактной группы размыты, а представителей конкретной теоретически возможно посчитать и точно указать. При этом в некоторых случаях, например в предложении (25), в реальности не представляется возможным указать точное количество субъектов пользы. В качестве классифицирующего значения конкретной группы принимается возможность вычленения отдельного индивидуума группы. В абстрактной группе – типичного представителя. Например, народ как субъект пользы рассматривается в качестве абстрактной группы, для которой не важен каждый отдельный индивидуум, а важен средний, типичный представитель:

(26) Совэн – оберег **удэгейского народа** (Кречмар, с. 116);

(27) Медвежатина действительно служила **айнам** главной пищей: они употребляли ее как в сыром, так и в соленом виде (Кречмар, с. 120).

По значению среди абстрактных групп людей выделены следующие: люди, объеди-

ненные по национальному, возрастному, половому признакам, принадлежности к одной профессии или сфере деятельности, интересам и предпочтениям, принадлежности к конкретному времени, месту и культуре, а также наличию особенной черты характера.

В конкретной группе можно назвать каждого отдельного члена группы, несмотря на объединяющие их в одну группу характеристики. Поскольку большое количество лиц, входящих в группу, приводит к стиранию индивидуальных особенностей каждого отдельного члена и появлению типичного представителя, для конкретных групп характерен малый размер:

(28) Дача Чуковских в Переделкино стала спасительным пристанищем **не только для семьи поэта**. Здесь часто бывала **А. Ахматова**, в годы опалы у Чуковских жил **А. Солженицын** (Московское наследие, с. 126).

В данном примере конкретная группа включает в себя членов семьи и друзей поэта, названных в последующем контексте.

В предложениях, в которых субъект пользы отличается от субъекта оценки, автор высказывает свое мнение о пользе для другого лица или группы лиц. Отдельной группой являются животные как субъект пользы. Учитывая то, что язык представляет собой продукт человеческого развития, любые высказывания рассматриваются с позиции автора, а именно человека. Автор высказывания наделяет животное человеческим сознанием, способным оценивать окружающий мир, и выражает свои представления о пользе чего-либо для конкретного живого существа:

(29) Так же, как и на Чукотке, береговая линия Охотского моря представляет собой практически неиссякаемый источник пищи **для медведей** (Кречмар, с. 184);

(30) Литературные данные (от Крашенинникова до современных исследователей) традиционно утверждают, что вторым китом благосостояния **дальневосточных бурых медведей** являются лососи (Кречмар, с. 55).

Таким образом, в бисубстантивных предложениях с утилитарной оценкой субъект оценки чаще всего выражен имплицитно,

а субъект пользы – эксплицитно. В редких случаях эти субъекты могут совпадать. Продуктивными средствами выражения субъекта пользы являются формы родительного падежа без предлога и с предлогами *для* и *у*.

Совмещение утилитарной оценки пользы с другими видами утилитарной оценки

Значение ‘полезный’ может совмещаться со значением ‘вредный’ в рамках одного предложения. В существующих научных работах не встречается понятия субъекта вреда, однако нам представляется целесообразным использование данного понятия для разделения двух субъектов, получающих пользу или вред от объекта оценки. В предложениях с утилитарной оценкой со значением ‘полезный’ субъект пользы может восстанавливаться по контексту. Однако субъект вреда не может быть скрытым и проявляет себя в противопоставлении пользы для одного субъекта (возможно, скрытого) и вреда для другого (определенного):

(31) Эти трофеи также считались магическим средством **против злых духов** и оракулами (Кречмар, с. 120).

Субъект вреда в таких предложениях вводится при помощи родительного падежа с предлогом *для* и противительными союзами, а также с помощью предлога *против*.

Субъект вреда в примере (31) совпал с обозначением цели. Г. фон Вригт указывал, что утилитарная оценка основана на полезности или вредности чего-либо для выполнения некоторой задачи, утилитарное добро целенаправленно [Wright, 1963]. Цель в бисубстантивных предложениях не всегда указывается, но она может быть восстановлена по смыслу:

(32) Совместное разучивание было основным – наиболее действенным для столь обширной и школьной аудитории – педагогическим приемом в гнадентальской школе (Яхина 1, с. 18).

В данном примере целью является улучшение успеваемости учащихся, но цель не эксплицируется, а понимается читателем по контексту. Чаще всего цель в БП выражается посредством вводных конструкций, поясняющих пользу с точки зрения субъекта оценки

для достижения определенной цели, а также форм родительного падежа с предлогами *для* и *против*. Это связано с особенностью предиката в БП, выраженного именем существительным (или его эквивалентом).

Субъект пользы может быть связан с целью и даже быть объединенным с ней:

(33) Крым – невероятно перспективный регион **для инвестиций** (Крымская газета, с. 6).

В данном примере целью является инвестирование, субъект пользы – инвестор.

Результаты исследования показывают, что в рамках одного высказывания могут совмещаться не только разные виды оценок, но и разные значения утилитарной оценки. При совмещении значений ‘полезный’ и ‘вредный’ выделяются субъект пользы и субъект вреда.

Заключение

Утилитарная оценка является самостоятельным типом оценки и связана представлениями о полезности чего-либо для достижения какой-либо цели.

На шкале утилитарной оценки «полезно – бесполезно» выделена нулевая позиция, которая обозначена как ‘безразличный’: «полезный – безвредный – безразличный – бесполезный – вредный». Необходимость обозначения нейтральной зоны вызвана потребностью отделить положительную зону оценки от отрицательной.

Утилитарная оценка в бисубстантивных предложениях преимущественно реализуется в связочно-субстантивном сказуемом и его распространителях, которые представляют основную зону. В составе подлежащего утилитарная оценка проявляется редко и лишь в дополнение к основной зоне проявления. В структуре утилитарной оценки пользы выделяются субъект оценки, субъект пользы / субъект вреда, объект оценки и основание оценки, совпадающее с целью. В рамках одного высказывания значение пользы может быть противопоставлено значению вреда. С целью разделения двух противостоящих субъектов, на которых объект оценки действует положительно и отрицательно, в работе введено понятие субъекта вреда. Использо-

вание родительного падежа с предлогом *для* является продуктивным при обозначении субъекта оценки, субъекта пользы и субъекта вреда.

Субъект оценки в большинстве бисубстантивных предложений выражен имплицитно, а субъект пользы – эксплицитно. Субъекты оценки и пользы могут совпадать. Автор высказывания может приписывать оценку другому субъекту, формируя многоуровневую систему оценки. Оценка может быть приписана другим людям, от лица которых высказывается автор, и животным, пользу для которых автор оценивает с позиции своих субъективных взглядов. Выделены три группы субъектов пользы: человек (конкретный и абстрактный), группа людей (конкретная и абстрактная) и животные как особая группа, в которой во всех случаях проявляется совмещение субъектов оценки.

При совмещении разных видов оценки утилитарная оценка наиболее активно сочетается с другими рационалистическими оценками.

Перспективы исследования мы видим в более детальном изучении сочетаемости утилитарной оценки в бисубстантивных предложениях с другими видами частной оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азылбекова Г. О., 2010. Утилитарный компонент значения во фразеологии немецкого и русского языков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. № 3. С. 106–109.
- Алиев З. К., 2020. Структура бисубстантивных предложений с оценочным значением в речи В.В. Жириновского // Актуальные проблемы культуры речи. М. : Принтика. С. 159–163.
- Арутюнова Н. Д., 1988. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт. М. : Наука. 341 с.
- Васильев Л. М., 2006. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики : сб. избр. ст. Уфа : РИО БашГУ. 524 с.
- Вольф Е. М., 2020. Функциональная семантика оценки. М. : ЛИБРОКОМ. 278 с.
- Герасименко Н. А., 2012. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. М. : Изд-во МГОУ. 292 с.
- Герасименко Н. А., 2017. Отражение человека в языке: связочно-субстантивное сказуемое // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология.

- № 1. С. 14–20. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-14-20
- Герасименко Н. А., 2023. Ценности и оценки в системе бисубстантивных предложений русского языка // Русский язык за рубежом. № 2 (297). С. 18–23. DOI: 10.37632/PI.2023.297.2.004
- Дронова Л. П., 2017. Утилитарная оценка в русинском языке (сопоставительный аспект) // Русин. № 2 (48). С. 31–40. DOI: 10.17223/18572685/48/3
- Ивин А. А., 2015. Основания логики оценок. М. : Директ-Медиа. 339 с.
- Калинина Л. А., 2019. Бисубстантивные предложения как средство выражения аксиологической оценки в произведениях Л. Улицкой * // V Флоровские чтения. Глазов : ГПИ. С. 57–60.
- Малевинский С. О., 2006. Типология оценочных значений и их языковое выражение // Мир лингвистики и коммуникации : электрон. науч. журн. Т. 1, № 2. URL: http://tverlingua.ru/archive/002/02_3_03.htm
- Маркелова Т. В., 2013. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М. : МГУП им. Ивана Федорова. 300 с.
- Николаева Е. В., 2008. Субъект высказывания и субъектные компоненты речи (на материале среднеанглийского языка) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. № 29 (65). С. 239–242.
- Погорелова С. Д., 2002. Сопоставительное исследование лексики утилитарной оценки в русском и английском языках: по материалам лексикографии : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 238 с.
- Савельева Е. А., 2012. Структура утилитарной оценки (объект, субъект, основание) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 6 (21). С. 31–34.
- Селеменова О. А., 2020. Бисубстантивные предложения в коммерческих рекламных текстах // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 4 (39). С. 115–122. DOI: 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.016
- Синтаксические средства как экспрессивный ресурс текста, 2022 : коллектив. моногр. / отв. ред. Т. Е. Шаповалова. М. : Постатор. 244 с.
- Соловьёва О. Н., 2021. Оформление предикации в бисубстантивных предложениях // Актуальные научные исследования в современном мире. № 5-8 (73). С. 226–229.
- Степанчиков М. А., 2016. Особенности функционирования бисубстантивных предложений с подлежащим *это* на страницах современных газет // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. № 5. С. 129–136. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-129-136
- Степанчиков М. А., 2020. О некоторых трудностях на уроках русского языка: бисубстантивные предложения с семантикой динамического предикативного признака // Язык и актуальные проблемы образования. М. : Диона. С. 167–171.
- Wright G. H. von., 1963. The Varieties of Goodness. N. Y. ; L. : [s. n.]. 164 p.

ИСТОЧНИКИ

- Крымская газета* – Крымская газета. 2020. 6 нояб. (№ 202 (20939)). 32 с.
- Энергетик* – Энергетик : [газета]. 2021. Май (№ 5 (3437)). 20 с.
- Достоевский* – Достоевский Ф. М. Идиот. М. : Эксмо, 1868. 385 с.
- Московское наследие* – Московское наследие : [журнал]. 2019. № 1 (61). 128 с.
- Кречмар* – Кречмар М. А. Мохнатый бог. М. : Бухгалтерия и банки, 2005. 366 с.
- Смехов* – Смехов В. Театр моей памяти. М. : Вагриус, 2001. 441 с.
- Яхина 1* – Яхина Г. Ш. Дети мои : роман. М. : АСТ : Ред. Елены Шубиной, 2018. 493, [3] с.
- Яхина 2* – Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза. М. : АСТ, 2015. 224 с.

СЛОВАРЬ

- ТСРЯ* – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. М. : Мир и Образование, 2019. 1376 с.

REFERENCES

- Azylbekova G.O., 2010. Utilitarnyy komponent znacheniya vo frazeologii nemetskogo i russkogo yazykov [The Utilitarian Component of Meaning in the Phraseology of the German and Russian Languages]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Adyghe State University, Series Philology and Art Criticism], no. 3, pp. 106-109.

* Данное лицо включено в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации.

- Aliev Z.K., 2020. Struktura bisubstantivnykh predlozheniy s otsenochnym znacheniem v rechi V.V. Zhirinovskogo [The Structure of Bisubstantive Sentences with Evaluation in the Speech of V.V. Zhirinovskiy]. *Aktualnye problemy kultury rechi* [Actual Problems of the Culture of Speech]. Moscow, Printika Publ., pp. 159-163.
- Arutyunova N.D., 1988. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Meanings. Assessment. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ. 341 p.
- Vasilyev L.M., 2006. *Teoreticheskie problemy obshchey lingvistiki, slavistiki, rusistiki: sb. izbr. st.* [Theoretical Problems of General Linguistics, Slavic Studies, Russian Studies. Collection of Selected Articles]. Ufa, RIO BashGU. 524 p.
- Volf E.M., 2020. *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional Evaluation Semantics]. Moscow, LIBROKOM Publ. 278 p.
- Gerasimenko N.A., 2012. *Bisubstantivnye predlozheniya v russkom yazyke: struktura, semantika, funktsionirovanie* [Bisubstantive Sentences in Russian: Structure, Semantics, and Functioning]. Moscow, Izd-vo MGOU. 292 p.
- Gerasimenko N.A., 2017. Otrazhenie cheloveka v yazyke: svyazozhno-substantivnoe skazuemoe [The Reflection of a Person in a Language: Copula-Substantive Predicate]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], no. 1, pp. 14-20. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-14-20
- Gerasimenko N.A., 2023. Tsennosti i otsenki v sisteme bisubstantivnykh predlozheniy russkogo yazyka [Values and Assessments in the System of Bisubstantive Sentences of the Russian Language]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 2 (297), pp. 18-23. DOI: 10.37632/PL.2023.297.2.004
- Dronova L.P., 2017. Utilitarnaya otsenka v rusinskom yazyke (sopostavitelnyy aspekt) [Utilitarian Assessment in the Rusyn Language (Comparative Aspect)]. *Rusin* [Rusin], no. 2 (48), pp. 31-40. DOI: 10.17223/18572685/48/3
- Ivin A.A., 2015. *Osnovaniya logiki otsenok* [Foundations of the Logic of Evaluation]. Moscow, Direkt-Media Publ. 339 p.
- Kalinina L.A., 2019. Bisubstantivnye predlozheniya kak sredstvo vyrazheniya aksiologicheskoy otsenki v proizvedeniyakh L. Ulitskoy [Bisubstantive Sentences as a Means of Expressing an Axiological Evaluation in the Works of L. Ulitskaya]. *V Florovskie chteniya* [The 5th Florov Readings]. Glazov, GGPI, pp. 57-60.
- Malevinskiy S.O., 2006. Tipologiya otsenochnykh znacheniy i ikh yazykovoe vyrazhenie [Typology of Estimated Values and Their Linguistic Expression]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektron. nauch. zhurn.* [World of Linguistics and Communication. Electronic Scientific Journal], vol. 1, no. 2. URL: http://tverlingua.ru/archive/002/02_3_03.htm
- Markelova T.V., 2013. *Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke* [Pragmatics and Semantics of Means of Expressing Evaluation in Russian]. Moscow, MGUP im. Ivana Fedorova. 300 p.
- Nikolaeva E.V., 2008. Subyekt vyskazyvaniya i subyektnye komponenty rechi (na materiale sredneangliyskogo yazyka) [The Subject of the Utterance and the Subject Components of Speech (On the Material of the Middle English Language)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena. Aspirantskie tetradi* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. Postgraduate Notebooks], no. 29 (65), pp. 239-242.
- Pogorelova S.D., 2002. *Sopostavitelnoe issledovanie leksiki utilitarnoy otsenki v russkom i angliyskom yazykakh: po materialam leksikografii: dis. ... kand. filol. nauk* [A Comparative Study of the Vocabulary of Utilitarian Evaluation in Russian and English: Based on Materials from Lexicography. Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg. 238 p.
- Savelyeva E.A., 2012. Struktura utilitarnoy otsenki (obyekt, subyekt, osnovanie) [The Structure of Utilitarian Evaluation (Object, Subject, Bottom)] *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Surgut State Pedagogical University Bulletin], no. 6 (21), pp. 31-34.
- Selemeneva O.A., 2020. Bisubstantivnye predlozheniya v kommercheskikh reklamnykh tekstakh [Bisubstantive Sentences in the Commercial Advertising Texts]. *Aktualnye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* [Actual Issues of Modern Philology and Journalism], no. 4 (39), pp. 115-122. DOI: 10.36622/AQMPI.2020.39.4.016
- Shapovalova T.E., ed., 2022. *Sintaksicheskie sredstva kak ekspressivnyy resurs teksta: kollektiv. monogr.* [Syntactic Means as an Expressive Resource of Text]. Moscow, Postator Publ. 244 p.

- Solovyeva O.N., 2021. Oformlenie predikatsii v bisubstantivnykh predlozheniyakh [Preparation of the Predication in a Bisubstant Offer]. *Aktualnye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire* [Actual Scientific Research in the Modern World], no. 5-8 (73), pp. 226-229.
- Stepanchikov M.A., 2016. Osobennosti funktsionirovaniya bisubstantivnykh predlozheniy s podlezhashchim eto na stranitsakh sovremennykh gazet [Features of Functioning of Bisubstantive Sentences Containing the Subject eto on the Pages of Modern Newspapers]. *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], no. 5, pp. 129-136. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-129-136
- Stepanchikov M.A., 2020. O nekotorykh trudnostyakh na urokakh russkogo yazyka: bisubstantivnye predlozheniya s semantikoy dinamicheskogo predikativnogo priznaka [On Some Difficulties in the Lessons of the Russian Language: Bisubstantive Sentences with the Semantics of a Dynamic Predicative Sign]. *Yazyk i aktualnye problemy obrazovaniya* [Language and Actual Problems of Education]. Moscow, Diona Publ., pp. 167-171.
- Wright G.H. von, 1963. *The Varieties of Goodness*. New York, London, s.n. 164 p.

SOURCES

- Krymskaja gazeta* [Crimean Newspaper], 2020, Nov. 6 (no. 202 (20939)). 32 p.
- Energetik: gazeta* [Energetik. Newspaper], 2021, May (no. 5 (3437)). 20 p.
- Dostoevsky F.M. *Idiot* [The Idiot]. Moscow, Eksmo Publ., 1868. 385 p.
- Moskovskoe nasledie: zhurnal* [Moscow Heritage. Magazine], 2019, no. 1 (61). 128 p.
- Krechmar M.A. *Mohnatyj bog* [Furry God]. Moscow, Bukhgalteriya i banki Publ., 2005. 366 p.
- Smehov V. *Teatr moey pamyati* [Theater of My Memory]. Moscow, Vagrius Publ., 2001. 441 p.
- Yakhina G.Sh. *Deti moi: roman* [My Children. Novel]. Moscow, AST Publ., 2018. 493, 3 p.
- Yakhina G.Sh. *Zuleykha otkryvaet glaza* [Zuleikha]. Moscow, AST Publ., 2015. 224 p.

DICTIONARY

- Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: About 100,000 Words, Terms and Phraseological Expressions]. Moscow, Mir i Obrazovanie Publ., 2019. 1376 p.

Information About the Author

Anastasia Ye. Vatina, Postgraduate Student, Department of Modern Russian Language named after Prof. P.A. Lekant, State University of Education, Very Voloshinoy St, 24, 141014 Mytishchi, Russia; Senior Lecturer, Department of Advertising, Public Relations and Linguistics, National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Krasnokazarmennaya St, 14, 111250 Moscow, Russia, an.vatina@gmail.com, VatinaAY@mpei.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3204-5989>

Информация об авторе

Анастасия Евгеньевна Ватина, аспирант кафедры современного русского языка им. проф. П.А. Леканта, Государственный университет просвещения, ул. Веры Волошиной, 24, 141014 г. Мытищи, Россия; старший преподаватель кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», ул. Красноказарменная, 14, 111250 г. Москва, Россия, an.vatina@gmail.com, VatinaAY@mpei.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3204-5989>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.10>

UDC 811.161.1:81'373.613:339.138
LBC 81.411.2-32

Submitted: 08.05.2023
Accepted: 01.11.2023

A NEW PERSPECTIVE ON THE PROBLEM OF BORROWING: LINGUISTIC FRUSTRATION VS MARKETING STRATEGIES

Janetta A. Vardzelashvili

Georgian-American University, Tbilisi, Georgia

Larisa P. Prokofyeva

Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, Saratov, Russia

Abstract. The article reveals linguocognitive mechanisms as well as social reasons for active functioning of new borrowings in the modern public discourse and in commercial enterprises naming. The material for the analysis is a sample of the most frequent lexis in the micro synchrony that are not yet part of the host language lexicon, and comprises over one hundred and fifty lexical units, selected from the national corpus of the Russian language, public internet discourse, the author's collection of brand names (and names of businesses), radio and television programs. As a result of a comprehensive analysis, two main isomorphic types of borrowing functioning are identified. They are supposed to be motivated by multi-level linguistic, social, and pragmatic factors. Hence, the evidence of linguoamental transformations of meaning is linked to the condition of linguistic frustration. This justifies considering it as a state of linguistic personality (at both the first and second levels, according to Yu.N. Karaulov), wherein the constraints of linguistic norms are lifted, and foreign-language word usage is motivated in specific speech act. A tendency of duplicate (native and foreign) naming in explicitly nominative and implicitly subjective-pragmatic functions has been established. It is suggested that the synergy of these functions conveys the speaker's subjective intentions and can be regarded as a marketing strategy of self-positioning in the act of foreign-language use in the nomination process, or as a commercial move, emphasizing the value of the product / service (i.e., commercialization of the nominative unit). Thus, the discourse becomes either status-oriented or conative. The linguistic phenomena under consideration introduce changes into the national concept sphere, as they contain features of a different language world view.

Key words: borrowing, linguocognitive mechanism, nomination strategies, discourse, complex analysis.

Citation. Vardzelashvili J.A., Prokofyeva L.P. A New Perspective on the Problem of Borrowing: Linguistic Frustration vs Marketing Strategies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 1, pp. 117-130. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.10>

УДК 811.161.1:81'373.613:339.138
ББК 81.411.2-32

Дата поступления статьи: 08.05.2023
Дата принятия статьи: 01.11.2023

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ЗАИМСТВОВАНИЙ: ЯЗЫКОВАЯ ФРУСТРАЦИЯ VS МАРКЕТИНГОВЫЕ СТРАТЕГИИ

Жанетта Александровна Вардзелашвили

Грузино-Американский университет, г. Тбилиси, Грузия

Лариса Петровна Прокофьева

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, г. Саратов, Россия

Аннотация. Статья посвящена выявлению лингвокогнитивных механизмов и социальных причин, обуславливающих активное функционирование новейших заимствований в современном публичном дискурсе и в номинации бизнес-объектов. Материалом для анализа послужили наиболее частотные на уровне микросинхронии лексемы, еще не вошедшие в лексический состав принимающего языка. Применение авторской комплексной методики анализа позволило определить основные типы функционирования заимствований, которые мотивированы разноуровневыми лингвоментальными, социальными и прагматическими факторами. Полученные свидетельства лингвоментальных трансформаций значения иноязычного слова связаны с языковой фрустрацией, что дает основание придать ей статус состояния языковой личности (первого и второго уровня по Ю.Н. Караулову), которое снимает сковывающие ограничители языковой нормы и мотивирует в конкретном речевом акте употребление заимствования. Установлена общая тенденция использования слов-дублеров в эксплицитно выраженной номинативной и имплицитно выраженной субъективно-прагматической функциях. Высказано предположение, что синергия этих функций передает субъективно актуальные интенции говорящего и может рассматриваться как речевая маркетинговая стратегия самопозиционирования в акте иноязычной номинации или коммерческий ход, подчеркивающий ценность объекта (коммерциализация номинативной единицы). При этом дискурс приобретает признаки или статусно-ориентированного, или воздействующего.

Ключевые слова: заимствованное слово, лингвокогнитивный механизм, стратегии номинации, дискурс, комплексный анализ.

Цитирование. Вардзелашвили Ж. А., Прокофьева Л. П. Новый взгляд на проблему заимствований: языковая фрустрация vs маркетинговые стратегии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 117–130. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.10>

Введение

Языковые контакты – неотъемлемая часть развития человеческой цивилизации, связанная с необходимостью общения представителей различных этнических и языковых групп в процессе социально-культурного взаимодействия. Этот объективный экстралингвистический фактор, коррелирующий с процессом заимствования иноязычных языковых единиц, в теоретическом языкознании признан одним из важнейших мотиваторов развития не только генетически связанных, но и неродственных языков. Интенсивность заимствований зависит от комплекса внелингвистических причин, как положительных, так и отрицательных. В научный дискурс по теме заимствований прочно вошла метафора «плавильного котла», в котором «переплавляются» разноуровневые иноязычные элементы, а затем вливаются в систему принимающего языка, подчиняясь его законам. Приведенный выше филологический трюизм свидетельствует о разработанности проблемы заимствований в теоретическом языкознании в комплексе лингвистических и экстралингвистических подходов, а интенсивность научных, обществен-

ных и даже политических дискуссий по проблеме заимствований – о ее непреходящей актуальности.

В языке, как в живом и развивающемся организме, непрерывно возникают новые явления, требующие исследовательского внимания для расширения научного знания о предмете. Условия и причины, стимулирующие функционирование заимствований, активно обсуждаются в работах современных лингвистов (см., например: [Карасик, 2002; Кубрякова, 2004; Кронгауз, 2007; Бахтина, Павлова, 2014; Марченкова, Александрова, 2017; Привалова, 2021; и др.]).

В понятие «заимствованная лексика» в данной работе мы включаем наиболее частотные на уровне микросинхронии (последние 15–20 лет) слова американского варианта английского языка (далее – англоамериканизмы), а также французского и итальянского языков, большинство из которых, по данным новейших лексикографических источников, не входят в лексический состав принимающего языка. Следовательно, вне нашего исследовательского внимания остаются: а) иноязычная лексика, не имеющая эквивалента в языке-реципиенте, например: *бай-бэк*, *клипмей-*

кер, хостинг, инсентив-тур; б) лексические единицы, номинирующие реалии более экономно и точно: *дедлайн* – крайний срок, к которому должна быть выполнена работа; *ивент* – публичное мероприятие развлекательного или рекламного характера и др.; в) названия торговых сетей, салонов красоты, ресторанов и подобных объектов, являющихся международной торговой маркой или франшизой: *Colombia Sportswear*, *Groom*, *Coffee Machine*, *Carrefour* и др.

Не вступая в дискуссию по проблеме языкового пуризма и ее частным вопросам – целесообразности употреблений иноязычных «слов-дублеров» и их влияния на язык-реципиент, фокусируем внимание на объективно существующем процессе активного (избыточного) использования англоязычных, франкоязычных и итальянских лексем (последних в меньшей степени), а также на факторах, мотивирующих этот процесс, и лингвоментальных механизмах его объективации. Вслед за И.В. Приваловой мы рассматриваем данную тенденцию как «естественную эволюцию семиотической системы, зависящую от социальных и культурно-исторических фактов» [Привалова, 2021, с. 116].

Материал и методы

В данной работе представлен лингвокогнитивный и социолингвистический анализ функционирования заимствований в современном дискурсе с целью выявления механизмов и актуальных причин, обуславливающих выбор языковой единицы в различных ситуативных контекстах публичного дискурса и номинации бизнес-объектов. Эмпирическую базу исследования составили отобранные из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), публичного интернет-дискурса, текстов радио- и телепередач 100 единиц, которые дублируют закрепленные в словарном составе аналоги. Они вошли в первую анализируемую группу. В «Большом толковом словаре русского языка» 2000 г. (далее – БТС) эти единицы (за редким исключением) отсутствуют, но появляются в словарях иностранных слов, включая онлайн-словари современной бизнес-терминологии (<https://lectera.com/info/ru/biznes>, <https://rb.ru/longread/100-terms>, [<https://www.klerk.ru/slovar/bus/>, <http://economics.niv.ru/doc/dictionary/business-terms/index.htm> и др.\). По данным поисковых систем \(<https://wordstat.yandex.ru>\) все они имеют довольно высокую встречаемость. Например: *тюнинг* \(1 229 729 запросов в месяц\) = *доработка*; *фейк* \(614 034\) = *ложь*; *мануал* \(283 413\) = *руководство*; *апгрейд* \(180 686\) = *обновление*; *коллаборация* \(102 732\) = *сотрудничество*; *сенситивность* \(9 500\) = *чувствительность* и т. д. Данные Национального корпуса русского языка демонстрируют специфику употребления анализируемых слов, причем обнаруживается тенденция расширения использования в разных контекстах, в большей степени метафорических. Например, *тюнинг* бывает *аптечный* \(слияние сетевых пунктов\), *человеческий* \(пластические операции, души в чистилище\); *фейк* становится синонимом *троллинга*, употребляется по отношению к персоне \(*Ты фейк!*\).](https://sok.marketing/</p>
</div>
<div data-bbox=)

Вторую группу составили 50 единиц – названия бизнес-объектов (Юммис): сети магазинов косметики *Isi Paris* (Здесь Париж), *Voulez-vous* (Извольте), магазин игрушек *Happy day* (Счастливы день), магазин солнцезащитных очков *Sunny* (Солнечные), салоны красоты с чрезвычайно частотным компонентом *Beauty* (Красота) – *Beauty Science* (Наука красоты), *Kid's Beauty* (Детская красота), *Beauty Club* (Клуб красоты), кафе, рестораны и другие объекты системы питания: *Le Gâteau* (Пирожное / Печенье), *Eco Garden* (Эко сад), *Dolci di Paradiso* (Сладости рая) и др. Отобранный материал проанализирован в дискурсивных фрагментах словоупотреблений в лингвокогнитивном и социолингвистическом аспектах с применением авторской комплексной методики, включающей компонентный и контекстуальный анализ, идентификацию, интроспекцию, интегральный, статистический методы [Вардзелашвили, 2001; Вардзелашвили, Певная, 2016] и других классических лингвистических приемов и процедур.

Результаты и обсуждение

В лингвистике признано, что сущность процесса наименования связана с ментальными процедурами обобщения и категоризации отраженного фрагмента действительности и

последующим преобразованием идеального содержания с помощью существующих ономаσιологических категорий. Правильный выбор слова, семантически и стилистически релевантный речевому событию, – важнейший показатель нормативности речи. Необоснованное употребление иностранных слов вместо синонимичных единиц родного языка или уже освоенных заимствований признается нарушением стилистической нормы. Таким образом, корректный выбор слова – одно из фундаментальных правил культуры речи и показатель общей культуры, маркирующий уровень развития человека. Отсюда логично вытекает вопрос: почему носитель языка, зная норму, целенаправленно и сознательно нарушает ее? Сформулируем вопрос шире: что мотивирует выбор подобных номинаций-конкурентов, контрастирующих с тривиальной (нормативной) номинацией объекта, которые не только нарушают ономаσιологическую таксономию, но при обращении к абстрактному адресату – преимущественно – не апеллируют к знанию, поскольку многие из этих слов понятийно не освоены социумом? Далее: 1) соответствует ли значение выбранного знака денотату или оно меняет референтные связи?; 2) на основании каких когнитивных механизмов осуществляется процесс «дублированной» номинации?; 3) какие речевые интенции вербализуются в таких словоупотреблениях? Комплексный анализ функционирования отобранных единиц позволяет последовательно ответить на поставленные вопросы.

Полагаем, что начать необходимо с уточнения понятия «значение»: «Значение – это концепт, связанный знаком. <...> Статус значения – это совокупность несодержательных признаков, определяющих место данного словозначения в системе языковых средств номинации. Статус значения описывает его реальный модус вивенди в языке, это характеристика десигната через его десигнатор. Статутные признаки не описывают того, что входит в содержание десигната, но описывают способ выражения концепта, функции данного способа выражения концепта сравнительно с другими, условия, мотивирующие этот способ, его распространенность (количественные признаки), формальные (несодержательные) правила и ограничения на употребление

десигната в данном значении» [Никитин, 1974, с. 43]. Выделим в процитированном отрывке **ключевые идентификаторы значения**, на которые мы будем ориентироваться в анализе: *связь значения и концепта (новый вербализатор концептуального значения или переход в новую концептуальную сферу), наличие несодержательных признаков (коннотация / созначения), модус вивенди и функции в языке в сравнении с другими способами выражения (смена функции, прагматика)*. Выявление установленных идентификаторов в контекстуальных словоупотреблениях дает возможность приблизиться к пониманию недоступных прямому наблюдению процессов, происходящих в сознании языковой личности, которая стремится реализовать естественную потребность наиболее адекватно вербализовать актуальный смысл, соответствующий речевой интенции. Акцентируя внимание на вербальном поведенческом акте, стремление человека выразить себя в речи мы рассматриваем как базовую духовную и социальную потребности личности, включая потребность в статусе, а также возможность управлять, быть хозяином своего дела (в терминологии А. Маслоу).

Языковая личность в концепции Ю.Н. Караулова, на которую мы опираемся в исследовании, – это научная абстракция, трактуемая как способность человека не только говорить (родовое свойство), но и превращать язык в речь, создавать, понимать и интерпретировать бесконечное число текстов. В структуре абстрактной языковой личности принято выделять условно нулевой, первый и второй уровни, отражающие степень культурно-языкового развития индивида и его коммуникативно-деятельностные доминанты: вербально-семантическую (отражение степени владения бытовым языком); когнитивную (отражение ее тезауруса, культуры); прагматическую (связь с мотивами, целями, движущими развитием личности) [Караулов, 2010, с. 60–61]. Тем не менее нельзя не согласиться с В.И. Карасиком, что в «реальной жизни наблюдается взаимопроникновение и взаимозависимость уровней» [Карасик, 2001, с. 173].

Мы допускаем, что использование иноязычных слов можно рассматривать как выход из ситуации «языковой фрустрации» – неудов-

летворенности говорящего, вызванной объективно или субъективно понимаемыми непреодолимыми трудностями номинирования реалии, невозможностью выразить нужный смысл словами родного языка и реализовать необходимую интенцию. Таким образом, эксплицитное или имплицитное наличие ключевых идентификаторов значения иноязычных слов-дублеров в контекстуальных словоупотреблениях можно считать: а) показателем лингвоментальных трансформаций, мотивирующих в конкретном речевом акте выбор заимствованного слова; б) маркерами реакции на состояние языковой фрустрации.

Иллюстрацию рассуждений и подробный алгоритм анализа представим на примере созвучного теме номинации англоамериканизма *нейминг* (15 062 запросов в месяц), который в современных контекстах бизнес-дискурса замещает привычные слуху *наименование / название* [Хорошева, 2018]. Сопоставим словарные дефиниции, представленные в авторитетных лексикографических источниках языка-донора (английского) и языка-реципиента (русского) и выделим макрокомпоненты значения, которые отражают его структуризацию, зафиксированную в семах.

Английское *naming*, по данным «The Collins English Dictionary»: «the act of giving a name to someone or something» (COED) – акт присвоения имени кому-либо или чему-либо¹. Сравним с толкованием русского *наименование* в БТС: «1. Словесное обозначение предмета, явления, понятия и т. п.» (БТС, с. 16), далее приводится значение: «Словесное обозначение какого-л. одного предмета, явления и т. п., выделяющее его из ряда однородных; имя собственное» с пометой «разг.», которая отражает стилистические ограничения функционирования слова в данном значении. Дефиниция лексемы *название* в том же источнике отсылает к ЛСВ1 глагола *назвать*: «см. 1. Назвать»: «1. Дать название, имя и т. п. кому-, чему-л. // Определить, охарактеризовать каким-л. словом». Обратим внимание на знак «//», который в данном словаре отмечает смысловое варьирование в пределах одного значения.

Сопоставительный компонентный анализ дефиниций демонстрирует следующие расхождения в английском и русском вербализато-

рах значения: на уровне денотативного макрокомпонента (предметно-понятийная информация о внеязыковой действительности) фиксируется, что денотат слова *нейминг* имеет более широкое смысловое поле, чем в русском, поскольку включает наименование / называние одушевленных и неодушевленных предметов. На уровне функционально-стилистического макрокомпонента выявлено отсутствие стилистического ограничения в английском языке, в то время как в русском действует стилистическое ограничение. Установлено, что русская лексема может развивать оценочный и, как следствие, коннотативный макрокомпонент: ‘определить, охарактеризовать каким-л. словом’, подтверждая уже на уровне большого увеличения структуры слова идею диффузности значения, высказанную Д.С. Шмелевым еще в 1964 г. [Шмелев, 1964, с. 87].

Анализ дискурсивных фрагментов позволяет установить лингвоментальные трансформации анализируемого значения иноязычного слова:

(1) Фирм, профессионально занимающихся «неймингом»², – а именно так называется деятельность по созданию новых имен, – у нас еще мало, и услуги их недешевы (НКРЯ).

Заимствованное слово сохраняет грамматический признак процессуальности, который представлен и в русской лексеме, но содержит компоненты значения, снимающие необходимость описания процесса, – ‘создание новых имен’, дополнительную информацию (расширение денотативно-сигнификативных связей), приобретенную в русском языке, – ‘платная услуга’. Подтверждает мысль следующий контекст:

(2) С другой стороны, в агентствах считают, что профессионально *неймингом* вообще можно заниматься только «на заказ», изучив предприятие клиента (НКРЯ).

Как и пример (1), фрагмент демонстрирует актуализацию оценочного макрокомпонента, ‘определить, охарактеризовать каким-л. словом’, потенциально заложенного в русском эквиваленте. Можно предположить, что в паре *нейминг – наименование / название* смысловые расхождения основаны на следующих сдвигах в значении англоамериканизма в рус-

ском языковом сознании: *нейминг* – дорого → престижно → гарантия успеха (характеристика, определение), что в совокупности указывает на преобладание оценочного / коннотативного начала над денотативно-сигнификативным. Следующие примеры контекстуального словоупотребления подтверждают релевантность выстроенной абстракции.

(3) ...Хороший *нейминг*: 1. Закрепляется в памяти потребителя. 2. Успешно конкурирует с другими названиями... (РегРу).

Здесь частичная синонимия денотатов (*конкурирует с... названиями*), но глагол *конкурирует* в синтагме расширяет предметно-понятийную информацию в направлении понятий, актуальных для сфер бизнеса.

(4) Как придумать крутое название или гайд по *неймингу* (РегРу).

В приведенном контексте наблюдается наращение коннотативного макрокомпонента, подкрепленного контекстуальным жаргонизмом *крутой* «преуспевающий, удачливый, уважаемый» (см. ЛСВ10 (БТС, с. 475)), а также семантикой глагола *придумать* «изобрести, создать то, чего не было». Через данные валентности реализуется механизм опосредованной номинации, в соответствии с которым значение переосмысливаемой единицы переходит в сигнификат нового наименования, как в слове *нейминг*.

Каждый из примеров на уровне макрокомпонентного анализа демонстрирует расширение значения в заимствованном наименовании, актуализацию мелиоративного признака в оценочном элементе и явный функционально-стилистический сдвиг: от бытийного и общеупотребительного в русском имени к прагматически ориентированному на успех в бизнес-дискурсе.

Рассмотрим полученные данные сквозь призму лингвокогнитивных трансформаций значения иноязычного слова в сознании современного носителя языка. Изменения как реакция на языковую фрустрацию в конкретном речевом акте мотивируют выбор заимствованного слова-дублера. Анализ приведенных фрагментов с применением комплексной методики выявил опосредованную связь англо-

американизма *нейминг* с новым сигнификатом («обновление» денотата русского *наименование / название*), изменение объема семантических и коннотативных признаков, что расширяет не только эмпирический, но и функциональный и коннотативный макрокомпоненты.

Полученные данные позволяют выделить следующие лингвоментальные преобразования в актах номинации с заимствованным *нейминг*: 1. Идентификатор *связь значения и концепта (новый вербализатор концептуального значения или переход в новую концептуальную сферу)*: переход значения из бытийной концептосферы (русский номинатор) в концепты «Бизнес», «Успех» (заимствованный номинатор) и отсутствие эксплицитной связи значения русского эквивалента с новыми концептами. 2. Идентификатор *наличие несодержательных признаков (коннотация / сознания)*: *нейминг* в русском языковом сознании ассоциируется с престижем и успехом в бизнесе, содержит мелиоративную коннотацию и индивидуально дополнительные признаки, значимые для носителя языка в конкретном речевом акте. 3. Идентификатор *модус вивенди и функции в языке в сравнении с другими способами выражения (смена функции, прагматика)*: англоамериканизм *нейминг* функционирует в русском языке в устном, письменном и интернет-дискурсе бизнес-сферы, детерминируя прагматическую установку на успех.

Приведенные фрагменты позволяют проследить контекстуальные семантические связи слова *нейминг* с элементами русской лексической системы, что приближает к пониманию функционирования лингвокогнитивных механизмов в речи. Как следует из анализа, русское *наименование / название* в сознании абстрактной языковой личности условно первого и второго уровней развития становится субъективно недостаточным для вербализации актуального смысла в соответствующих контекстах, вызывая, согласно нашей гипотезе, состояние языковой фрустрации. Лакуна родного языка заполняется заимствованием, которое в конкретном контексте субъективно удовлетворяет возникшую потребность. Такое заимствование не является окказионализмом, поскольку, как свидетельствует дискурсивная практика, активно воспроизводит-

ся в речи носителей языка, тем не менее, не будучи легитимным на синхронном срезе, признается нарушением языковой нормы.

Подобные семантические процессы ярко заметны и в употреблении других англоамериканизмов, прежде всего с частотным для этих заимствований глагольным формантом *-инг (-ing)*, который в русском языке реализует семантику субстантивированной формы (герундий): *кастинг – отбор, коучинг – тренировка, шопинг – покупка* и др. Отметим, что данный ряд объединяет как единицы, частотные на узуальном уровне, так и лексику специальных тематических бизнес-сфер.

Как свидетельствует наш языковой опыт, даже в бытовых речевых актах говорящий может, не задумываясь, выбрать заимствованное *шопинг*, а не *покупка / покупки*. Чем мотивирован подобный выбор? Обратимся к компонентному анализу дефиниций. *Шопинг*: «посещение торговых центров, крупных магазинов (для собственного удовольствия)» (БТС); «посещение магазинов с целью покупки вещей или продуктов (обычно за границей и в больших количествах)» (МАС); «прогулка по магазинам с целью покупки какого-л. товара» (Новый словарь иностранных слов). Выделим макрокомпоненты значения: удовольствие → большое количество → прогулка, ни один из которых не присутствует в привычном *покупка*: «1. Действие по значению глаг.: покупать. 2. То, что куплено, купленная вещь» (Ефремова). Обратимся к дефинициям в COED: «1. When you do the shopping, you go to shops and buy things» – Когда вы делаете покупки, вы ходите по магазинам и покупаете вещи. «2. Your shopping is the things that you have bought from shops, especially food» – Ваши покупки – это вещи, которые вы купили в магазинах, особенно продукты питания. В обоих языках совпадает архисема. В языке-доноре отсутствуют актуализированные в принимающем языке компоненты значения, связанные с действием по глаголу *покупать*: ‘прогулка по магазинам с целью потратить деньги и получить удовольствие’. Выскажем предположение, что эти потенциальные семы (в терминологии В.Г. Гака) присутствуют в сопоставляемых словах как дополнительные признаки. На наш взгляд, перегруппировка макрокомпонентов лексемы в языке-реципиенте

связана с новым культурным контекстом и сформированным на его основании этномаркированным ассоциативным рядом. *Шопинг* для носителей русского языкового сознания: а) обычно за границей (см. словарную дефиницию: БТС); б) в больших количествах (см. словарную дефиницию: МАС); в) прогулка (см. словарную дефиницию: НСИС), которая приносит удовольствие, что ассоциируется с богатством, жизненным успехом, возможностью тратить деньги без страха и т. п. Таким образом, сопоставительный компонентный анализ лексемы *шопинг (shopping)* выявил характерные именно для русского языкового сознания семантические транспозиции, которые актуализируются в оппозиции *праздничный, радостный / беззаботный шопинг’ vs будничная, рискованная / волнительная покупка*, что мотивировано культурными реалиями принимающего языка. Контекстуальное словоупотребление способно актуализировать даже периферийный компонент значения, в результате чего лексема может вступать в новые синонимические отношения. Как и у единицы *нейминг*, в заимствованной лексеме *шопинг* прослеживается: а) переход в новую концептосферу – «Богатство / Успех» (идентификатор *связь значения и концепта*); б) наращение отсутствующей в английском языке мелиоративной коннотации (идентификатор *наличие несодержательных признаков (коннотация / созначения)*); в) вербализация прагматической установки на успех (идентификатор *модус вивенди и функции в языке в сравнении с другими способами выражения*). Результаты анализа лексемы *шопинг* могут рассматриваться как свидетельство лингвоментальных трансформаций значения, мотивированных состоянием языковой фрустрации.

В ряду проанализированных единиц с глагольным формантом *-инг (-ing)* обращает на себя внимание слово *кастинг*, замещающее русское *отбор* и в современном публичном и бизнес-дискурсе приобретающее новое значение, отличное от зафиксированных словарями. «*Кастинг*: 2) отбор актеров в Голливуде (США) по степени их популярности; 3) показ моделей одежды» (Комлев), «предварительный отбор девушек на конкурсах красоты» (Крысин, с. 344). Общим

компонентом значения для сопоставляемых единиц является уже освоенный узусом 'отбор участников, исполнителей'.

Обратимся к дискурсивным фрагментам с анализируемой лексемой. На специализированном сайте hr-portal.ru в статье «Отбор персонала методом кастинга: За и Против» уже само название указывает на наращение смысла.

(5) *Кастинг* – это отбор персонала по определенному признаку. Раз это отбор по определенному признаку, предполагается, что эти признаки определены, и те, кто собирается участвовать в процессе отбора, хорошо представляют, что понимается под тем или иным признаком. Рабочий документ, который содержит описание необходимых «признаков», – это профиль компетенций, в котором обозначено, какими знаниями, умениями, навыками, личностными качествами должен обладать сотрудник, работающий на этой должности» (HR-portal).

В приведенном дискурсивном фрагменте прослеживается не только расширение семантики, но и развитие новых референтных связей, которые базируются на смысловом потенциале архисемы 'отбор', при этом контекстуальное словоупотребление превращает заимствованное *кастинг* в единицу не шоу-бизнеса, а бизнеса вообще (переход в тематическую сферу «Бизнес»).

Остановимся еще на одном, на наш взгляд, интересном примере, который также верифицирует развиваемые в работе идеи. Это заимствованная лексема *ментор*, восходящая к греческому Μέντωρ – имени друга Одиссея и опекуна Телемаха, заменившего ему отца во время длительного путешествия. В качестве нарицательного для наставников, учителей и воспитателей оно получило распространение после появления романа Фенелона «Приключения Телемаха» (1699) (см., в частности: (Фасмер)). Согласно лексикографическим источникам, в русском языке слово имеет узусуальное значение: «(обычно ирон.) О ком-л., постоянно поучающем, настаивающем, навязчиво воспитывающем» (БТС); «1. Учитель, наставник, воспитатель (обычно юноши). 2. Руководитель, советчик» (МАС). При общем совпадении толкований обращает на себя внимание помета «ирон.» в первом источнике, фиксиру-

ющая коннотативный макроэлемент значения в русском узусе. Как представляется, в исторической вертикали значение слова «отягощалось» ассоциациями, постепенно отдаляясь от свойственных слову в его первичном значении, которые были мотивированы особым статусом учителя, наставника, воспитателя в обществе (изначальная мелиоративная оценка). Полагаем, что вытеснение мелиоративного и постепенное развитие пейоративного макрокомпонента проходило через стадию нейтральной оценки (стертая образность, свойственная узусуальным единицам). Процесс формирования пейоративного макрокомпонента может быть связан с дискредитацией авторитаризма в современной педагогике, дидактике и теории воспитания (см.: *менторский тон, поучать менторски, говорить тоном ментора*). Таким образом, заимствованное *ментор* демонстрирует лингвоментальные трансформации на уровне как диахронии, так и синхронии, подтверждая факт лингвистики: значения слов могут меняться со временем. Бытование этой лексемы в русском языке – уникальный пример жизненной силы данного знака: оно не стало архаизмом или историзмом, а отреагировало на социальные и культурные изменения внутрисистемными семантическими транспозициями. Более того, по данным анализа его современных дискурсивных реализаций, трансформация значения слова *ментор* все еще не завершена. Так, в документах системы непрерывного медицинского образования *наставник* и *ментор* используются как синонимы-дублеты:

(6) *Наставник (ментор)* – квалифицированный медицинский работник, который способствует закреплению теории и практики в условиях клинической базы (VC).

В сфере бизнеса:

(7) О том, что такое «*ментор*» в нынешние времена, можно узнать при планировании и работе над разными проектами в бизнесе... Чаще всего таким является профессионал в той области, где пользователь решил задействовать «стартап». Именно таких людей и называют менторами (SYL).

Пройдя многовековую путь, слово вернулось к истокам. Ментор – снова авторитет,

уже без авторитаризма, и он вызывает уважение у того, кто начинает свой путь в профессии, не только потому, что более опытный, но и потому, что достиг успеха (часто быстрого) в конкретном деле (показательно, что в локальных менторских программах в вузах среди списков менторов почти нет людей старше 40 лет). Слово используется в разных профессиональных областях, появляются системы, в которых есть возможность выбрать ментора и самому стать им (My-mentor, Talent Up), причем главным критерием выступает успешность. На наш взгляд, это тоже проявление языковой фрустрации: носителю языка кажется, что именно *ментор* способен помочь добиться успеха, в том числе и финансового.

Результаты анализа материала авторской картотеки дают основание придать языковой фрустрации статус состояния языковой личности (первого и второго уровня), которое снимает сковывающие ограничители языковой нормы и мотивирует в конкретном речевом акте иноязычное словоупотребление. Данное исследование позволило выделить два основных изоморфных типа функционирования заимствований, которые мотивированы разноразноуровневыми лингвоментальными, социальными и прагматическими факторами: I тип – все заимствования, эксплицитно или имплицитно содержащие классификатор *языковая фрустрация* (42 единицы из 100 слов-дублеров, или 28 % от всего проанализированного материала); II тип – заимствованные слова, включая названия бизнес-объектов, в функционировании которых прослеживается доминанта *социально-прагматического компонента* (всего 108 единиц, или 72 %). Подчеркнем, что границы между выделенными типами могут быть размытыми.

Внутри II типа по функционально-семантическому признаку выделены два субкластера: 1) слова-дублеры, имеющие соответствия в русском языке (58 единиц, или 39 %): *клининг / клинер – уборка / уборщик / уборщица; кофе-брейк / ланч – перерыв на...; кежуал – повседневный; креатив / креативный – творчество / творческий; лобби – нормативные вестибюль / холл; лоукостер – низкобюджетный; лофт – чердак / хозяйственный этаж; месседж – сообщение;*

*ньюсрум – студия новостей; онлайн / офлайн – в сети / не в сети; ресепшен – администрация гостиницы; сток – склад; спич – речь; паркинг – стоянка и др.; многочисленные варианты названий с компонентами молл – торговый центр и лаунж – гостиница и др.; 2) названия бизнес-объектов: ресторатов, кафе, баров, клубов, салонов красоты и т. п. (50 единиц, или 33 %), в которых преобладают заимствования из французского и итальянского языков: *Paradiso – Рай, L'Assiette – Тарелка супа; Fête de la – Радостная встреча; Le Joie – Радость; Mamma in Cucina – Мама на кухне; La Gustosa – Вкусно; La Padella – Кастрюля; Il Placere – Удовольствие; Il Pescatore – Рыбак; Come a Casa – Как дома; Asta la vista – До встречи; Beauty Line – Линия красоты; Royal Beauty – Королевская красота и др.**

Обращает на себя внимание большое количество сложных слов с первой частью *бизнес*: *бизнес-план, бизнес-портал, бизнес-вумен* (встречается слитное написание), *бизнес-стратегия, бизнес-тур* и др., в которых первый компонент утрачивает отрицательное значение, зафиксированное в МАС: «Деловое предприятие, ловкая афера и т. п. как источник личного обогащения, наживы» (МАС). Вместе с тем лингвистическая память национального языкового сознания в соответствующих контекстах может актуализировать пейоративные компоненты значения:

(8) Благодаря нашему менталитету *бизнес* – это не столько стремление получать прибыль, сколько желание доминировать, быть самым крутым (Бурлан).

Семантическим трансфером будет идея, выраженная в следующем фрагменте из интернет-блога:

(9) ...За *бизнес* у нас большинство принимает банальную спекуляцию «купи-продай», купить подешевле, а продать, разумеется, подороже (БВопрос).

Анализ дискурсивного функционирования заимствований обоих субкластеров II типа (всего 108 единиц, из которых 58 – это слова-дублеры, а 50 – названия бизнес-объектов) свидетельствует о том, что целесообразность их выбора преимущественно мотивирована социально-прагматическими установками

языковой личности. С интралингвистических позиций этот процесс связан с менее сложными лингвоментальными механизмами, что в известной степени объясняет и диспропорцию в статистическом подсчете словоупотреблений (28 % I типа vs 72 % II типа).

Выводы

Результаты комплексного лингвистического анализа авторской картотеки из 150 единиц (100 – заимствованные слова-дублиры имеющих в русском языке лексем, 50 – названия бизнес-объектов), подкрепленные количественными данными, позволяют предположить, что их употребление в большей части основывается на категориях ценностей языковой личности первого уровня развития. Так, слова-дублиры базируются на осознанных ключевых смыслах (ценностных доминантах) и установках социальной группы / социальных групп, где иноязычное слово может быть связано с представлением о «престиже» и восприниматься как своеобразный маркер «элитарности». Возможно, на это повлияло появление в последние годы класса успешных, активных, хорошо образованных молодых специалистов, многие из которых учились в престижных зарубежных университетах, что могло способствовать формированию в современном обществе имиджа успешного человека. Предположение соответствует тезису социолингвистики о том, что «образцом для подражания в обществе является язык социально-престижной группы» [Беликов, Крысин, 2001, с. 103]. На наш взгляд, использование в речи иноязычных слов-дублеров как сознательное нарушение нормативной номинации связано с активным развитием в обществе установки на успех, определяющей модели социального и речевого поведения. Эти единицы могут функционировать как речевая стратегия самопрезентации говорящего, субъективно призванная обозначить «элитарное» место языковой личности в иерархии социума.

Результаты анализа наименований бизнес-объектов продемонстрировали важность связи типа речевой культуры с ценностями отдельной личности и социальных групп различных слоев общества, которые, образуя

обобщенную, но неоднородную ценностную картину мира, отражаются в языке. Включенность объекта номинации в ценностную картину мира подчеркивает его важность на прагматическом уровне, что связано с семантическим законом: наиболее значимые реалии получают разнообразную и подробную номинацию. Следовательно, употребление иноязычного слова-дублера свидетельствует о возросшей значимости объекта номинации для определенных социальных групп. С точки зрения говорящего, употребление заимствования вместо имеющегося в родном языке аналога несет важную прагматически заданную дополнительную (оценочную) информацию либо о предмете речи, либо о самом высказывающемся. На когнитивном уровне это связано с заменой телеологической установки в сознании языковой личности, то есть целью речевого события становится не сама номинация, а воздействие на адресата речи в соответствии с актуализированной установкой.

Явление квазиноминции (избыточного наименования) следует ограничивать от номинаций, собранных во второй группе нашего материала, в которых дополнительная (оценочная) информация о бизнес-объекте как о предмете речи становится доминирующей, реализуя в акте номинации прагматическую функцию воздействия на адресата речи, то есть потенциального потребителя продукта / услуги, что в процессе анализа было верифицировано на большом количестве примеров. Таким образом, на микросинхроническом срезе установлена следующая тенденция: в современных речевых практиках иноязычные слова-дублиры (первый субкластер) используются в синтетической функции – номинативной, которая выражена эксплицитно, и в субъективно-прагматической, имплицитно содержащейся в соответствующих контекстах. Выскажем предположение, что синергия этих функций передает субъективно актуальные интенции говорящего и может рассматриваться как речевая маркетинговая стратегия самопозиционирования в акте иноязычной номинации или коммерческий ход, подчеркивающий ценность объекта (коммерциализация номинативной единицы). При этом дискурс теряет характеристики информирующего, но приобретает признаки или статусно-

ориентированного, или воздействующего, что, в частности, легко проследить в современной стратегии названий бизнес-объектов (второй субкластер).

Лингвоментальные явления, проанализированные на примерах актуального функционирования заимствованных единиц обоих типов, вносят изменения в национальную концептосферу, поскольку содержат признаки иноязычного национального сознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее перевод словарных дефиниций наш.

² Курсив во всех контекстах наш.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтина С. И., Павлова Т. Н., 2014. Лексико-семантическая адаптация заимствований в русском языке XX – нач. XXI вв. // Вестник Чувашского государственного университета. № 1. С. 89–95.
- Беликов В. И., Крысин Л. П., 2001. Социолингвистика. М. : РГГУ. 439 с.
- Вардзелашвили Ж. А., 2001. Метафорические номинации в русском языке. Тбилиси : Изд-во ТГПУ им. С.С. Орбелиани. 234 с.
- Вардзелашвили Ж. А., Певная Н. П., 2016. Интегративный анализ динамики семантических трансформаций смыслового пространства слова // ART SANAT. Special Issue of the International Virtual Forum – Istanbul 2016: Humanitarian Aspects in Geocultural Space. Istanbul : TÜBİTAK-ULAKBİM Dergi Park Açık Dergi Sistemleri Journal Park Open Journal Systems. P. 190–200.
- Карасик В. И., 2001. Аспекты языковой личности // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. Волгоград : Колледж. С. 172–182.
- Карасик В. И., 2002. Культурные доминанты в языке // Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. С. 166–205.
- Караулов Ю. Н., 2010. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М. : ЛКИ. 264 с.
- Кронгауз М. А., 2007. Русский язык на грани нервного срыва. М. : Яз. слав. культуры. 234 с.
- Кубрякова Е. С., 2004. Новые единицы номинации в проектировании картины мира как транснациональные проблемы // Языки и транснациональные проблемы. В 2 т. Т. 1. М. ; Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина. С. 9–16.
- Марченкова Л. А., Александрова Т. Н., 2017. Когнитивное моделирование содержания заимствований в сознании носителей русского языка (на материале заимствований из социальных сетей) // Иностранные языки: проблемы преподавания и риски коммуникации. Саратов : Саратов. источник. С. 122–127.
- Никитин М. В., 1974. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир : Владим. пед. ин-т. 222 с.
- Привалова И. В., 2021. Изменение в семантике англоязычных заимствований в процессе их адаптации к системе русского языка // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т. Вып. 7. С. 116–121.
- Хорошева Е. И., 2018. Нейминг как особый вид номинации // IV Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина. Пермь : ПИ ФСИН. С. 300–303.
- Шмелев Д. Н., 1964. Очерки по семасиологии русского языка. М. : Просвещение. 244 с.

ИСТОЧНИКИ

- ВВопрос* – Что такое бизнес по-русски? // Большой вопрос.ru. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1795420-что-такое-бизнес-по-русски.html?ysclid=lb3lpj9my364316679>
- Бурлан* – Бизнес по-русски: слишком много личного // Системно-векторная психология Юрия Бурлана. URL: <https://www.yburan.ru/biblioteka/biznes-porusski-slishkom-mnogolichnogo?ysclid=lb3kud9htj856444145>
- НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>
- РегРУ* – Как придумать крутое название или гайд по неймингу. URL: <https://www.reg.ru/blog/kak-pridumat-krutoe-nazvanie-ili-gajd-ponejmingu/?ysclid=larvk832kx219907364>
- Юммис* – Сто названий итальянских ресторанов, которые удивят даже итальянцев. URL: <https://yummies.ru/neyming/100-nazvanij-italyanskih-restoranov-kotorye-udivyat-dazhe-italyancev/?ysclid=lb58m2uuuv139273860>
- HR-portal* – Отбор персонала методом кастинга: За и Против. URL: <https://hr-portal.ru/article/otbor-personala-metodom-kastinga-za-i-protiv?ysclid=lsnptgaks717928955>
- My-mentor* – MY-MENTOR.RU : [проект МГИМО]. URL: <https://www.my-mentor.ru>
- SYL* – Что такое «ментор»: объяснение термина и происхождение слова. URL: <https://www.syl.ru>

ru/article/367520/chto-takoe-mentor-obuyasnenie-termina-i-proishojdenie-slova?ysclid=lju8rdtkj6886547833

Talent Up – Talent Up! : [программа менторства ВШМ СПбГУ]. URL: <https://gsomfamily.com/talentup>
VC – Наставник, трекер, ментор, бизнес-психолог – кто есть кто и в чем отличия? URL: <https://vc.ru/u/190125-andrey-ratnikov/474090-nastavnik-treker-mentor-biznes-psiholog-kto-est-kto-i-v-chem-otlichiya#>

СЛОВАРИ

БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovoj-slovar>

Ефремова – Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. М. : Астрель, 2006. URL: <https://gufo.me/dict/efremova>

Комлев – Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М. : Эксмо, 2006. 669 с. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/index.htm>

Крысин – Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : ЭКСМО, 2006. 944 с.

МАС – Словарь русского языка АН СССР. В 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1985. 696 с. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

НСИС – Новый словарь иностранных слов. URL: <https://slovar.cc/rus/inostr-nov/1433691.html?ysclid=ljsz2wiyj9856400546>

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. М. : АСТ, 2007. 671 с.

COED – Collins Online English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/naming>

REFERENCES

Bahtina S.I., Pavlova T.N., 2014. Leksiko-semanticeskaya adaptatsiya zaимstvovaniy v russkom yazyke XX – nach. XXI vv. [Lexico-Semantic Adaptation of Borrowings in the Russian Language 20th – Beginning of the 21st Century]. *Vestnik Chuvashskogo gosuniversiteta* [Bulletin of the Chuvash State University], no. 1, pp. 89-95.

Belikov V.I., Krysin L.P., 2001. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow, RGGU. 439 p.

Vardzelashvili Zh.A., 2001. *Metaforicheskie nominatsii v russkom yazyke* [Metaphorical Nominations in Russian Language]. Tbilisi, Izd-vo TGPU im. S.S. Orbeliani. 234 p.

Vardzelashvili Zh.A., Pevnaya N.P., 2016. Integrativnyy analiz dinamiki semanticheskikh transformatsiy smyslovogo prostranstva slova [Integrative Analysis of the Dynamics of Semantic Transformations of the Semantic Space of the Word]. *ART SANAT. Special Issue of the International Virtual Forum – Istanbul 2016: Humanitarian Aspects in Geocultural Space*. Istanbul, TÜBİTAK-ULAKBİM Dergi Park Açık Dergi Sistemleri Journal Park Open Journal Systems, pp. 190-200.

Karasik V.I., 2001. Aspekty yazykovoy lichnosti [Aspects of Linguistic Identity]. *Yazykovaya lichnost: problemy kognitsii i kommunikatsii* [Linguistic Identity: Problems of Cognition and Communication]. Volgograd, Kolledzh Publ., pp. 172-182.

Karasik V.I., 2002. Kulturnye dominanty v yazyke [Cultural Dominants in the Language]. Karasik V.I. *Yazykovoj krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., pp. 166-205.

Karaulov Yu.N., 2010. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Linguistic Identity]. Moscow, LKI Publ. 264 p.

Krongauz M.A., 2001. *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian Language Is on the Verge of a Nervous Breakdown]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 234 p.

Kubryakova E.S., 2004. Novye edinitsey nominatsii v proektirovanii kartiny mira kak transnatsionalnye problemy [New Units of Nomination in Designing the Picture of the World as Transnational Problems]. *Yazyki i transnatsionalnye problemy. V 2 t. T. 1* [Languages and Transnational Problems. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Tambov, Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, pp. 9-16.

Marchenkova L.A., Aleksandrova T.N., 2017. Kognitivnoe modelirovanie soderzhaniya zaимstvovaniy v soznanii nositeley russkogo yazyka (na materiale zaимstvovaniy iz sotsialnykh setey) [Cognitive Modeling of the Content of Borrowings in the Minds of Native Speakers of the Russian Language (Based on Borrowings from Social Networks)]. *Inostrannyye yazyki: problemy prepodavaniya i riski kommunikatsii* [Foreign Languages: Problems of Teaching and Risks of Communication]. Saratov, Sarat. istochnik Publ., pp.122-127.

Nikitin M.V., 1974. *Leksicheskoe znachenie v slove i slovosochetanii* [Lexical Meaning in a Word and a Phrase]. Vladimir, Vladim. ped. in-t. 222 p.

Privalova I.V., 2021. Izmenenie v semantike angloyazychnykh zaимstvovaniy v protsesse ikh adaptatsii k sisteme russkogo yazyka

[The Change in the Semantics of English-Language Borrowings in the Process of Their Adaptation to the System of the Russian Language]. *Znachenie kak fenomen aktualnogo yazykovogo soznaniya nositelya yazyka* [Meaning as a Phenomenon of the Actual Linguistic Consciousness of a Native Speaker]. Voronezh, Voronezh. gos un-t, iss, 7, pp. 116-121.

Khorosheva E.I., 2018. Neyming kak osoby by vid nominatsii [Naming as a Special Type of Nomination]. *IV Pedagogicheskiye chteniya, posvyaschennye pamyati professora S.I. Zlobina* [The 4th Pedagogical Readings, Dedicated to the Memory of Professor S.I. Zlobin]. Perm, PIFSIN, pp. 300-303.

Shmelev D.N., 1964. *Ocherki po semasiologii russkogo yazyka* [Essays on Semasiology of the Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 244 p.

SOURCES

Chto takoe biznes po-russki? [What Is Business in Russian?]. *Bolshoy vopros.ru*. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1795420-chto-takoe-biznes-po-russki.html?ysclid=lb3lpjt9my364316679>

Biznes po-russki: slishkom mnogo lichnogo [Business in Russian: Too Much Personal]. *Sistemno-vektornaya psikhologiya Yuriya Burlana* [System-Vector Psychology of Yuri Burlan]. URL: <https://www.yurlan.ru/biblioteka/biznes-porusski-slishkom-mnogo-lichnogo?ysclid=lb3kud9htj856444145>

Nacionalnyy korpus russkogo yazyka [National Russian Language Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru>

Kak pridumat krutoe nazvanie ili gayd po neymingu [How to Come Up with a Cool Title or Naming Guide]. URL: <https://www.reg.ru/blog/kak-pridumat-krutoe-nazvanie-ili-gajd-po-nejmingu/?ysclid=larvk832kx219907364>

Sto nazvaniy italyanskikh restoranov, kotorye udivyat dazhe italyantsev [One Hundred Names of Italian Restaurants That Will Surprise Even Italians]. URL: <https://yummies.ru/neyming/100-nazvanij-italyanskih-restoranov-kotorye-udivyat-dazhe-italyancev/?ysclid=lb58m2uuuv139273860>

Otbor personala metodom kastinga: Za i Protiv [Personnel Selection by the Casting Method: Pros and Cons]. URL: <https://hr-portal.ru/article/otbor-personala-metodom-kastinga-za-i-protiv?ysclid=ljsnptgaks717928955>

MY-MENTOR.RU: proekt MGIMO [MY-MENTOR.RU. MGIMO Project]. URL: <https://www.mymentor.ru>

Chto takoe «mentor»: obyiasnenie termina i proiskhozhdenie slova [What Is a “Mentor”? An Explanation of the Term and the Origin of the Word]. URL: <https://www.syl.ru/article/367520/chto-takoe-mentor-obyiasnenie-termi-na-i-proishojdenie-slova?ysclid=lju8rdtkj6886547833>

Talent Up!: programma mentorstva VShM SPbGU [Talent Up! GSOM SPbGU Mentoring Program]. URL: <https://gsomfamily.com/talentup>

Nastavnik, trener, mentor, biznes-psiholog – kto est kto i v chem otlichiya? [Tutor, Tracker, Mentor, and Business Psychologist: Who Is Who, and What Are the Differences?]. URL: <https://vc.ru/u/190125-andrey-ratnikov/474090-nastavnik-treker-mentor-biznes-psiholog-kto-est-kto-i-v-chem-otlichiya#>

DICTIONARIES

Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [A Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar>

Yefremova T.F. *Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Contemporary Explanatory Dictionary of Russian]. Moscow, Astrel Publ., 2006. URL: <https://gufo.me/dict/efremova>

Komlev N.G. *Slovar inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 669 p. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/index.htm>

Krysin L.P. *Tolkovyy slovar inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow, EKSMO Publ., 2006. 944 p.

Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka AN SSSR. V 4 t. T. 1* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols. Vol. 1]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1985. 696 p. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

Novy slovar inostrannykh slov [The Newest Dictionary of Foreign Words and Expressions]. URL: <https://slovar.cc/rus/inostr-nov/1433691.html?ysclid=ljsz2wiyj9856400546>

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 2* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 Vol. Vol. 2]. Moscow, AST Publ., 2007. 671 p.

Collins Online English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/naming>

Information About the Authors

Janetta A. Vardzelashvili, Doctor of Sciences (Philology), Professor, School of Humanities and Liberal Arts, Georgian-American University, Meraba Aleksidze St, 10, 0160 Tbilisi, Georgia, janetavardzelashvili@gau.edu.ge, <https://orcid.org/0000-0003-3096-2908>

Larisa P. Prokofyeva, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Russian and Latin Languages, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, Bolshaya Kazachya St, 112, 410012 Saratov, Russia, prokofievalp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0700-4886>

Информация об авторах

Жанетта Александровна Вардзелашвили, доктор филологических наук, профессор Школы гуманитарного образования и гуманитарных наук, Грузино-Американский университет, ул. Мераба Алексидзе, 10, 0160 г. Тбилиси, Грузия, janetavardzelashvili@gau.edu.ge, <https://orcid.org/0000-0003-3096-2908>

Лариса Петровна Прокофьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского и латинского языков, Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, ул. Большая Казачья, 112, 410012 г. Саратов, Россия, prokofievalp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0700-4886>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» состоит в содействии развитию лингвистики посредством создания платформы для научной коммуникации представителей международного профессионального сообщества, открывающей широкому кругу читателей свободный доступ к достижениям национальных лингвистических школ и направлений.

Редакционная политика журнала направлена на решение следующих задач:

– комплексное представление достижений современной лингвистики посредством публикации результатов оригинальных исследований в области теории языка, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, истории и современного состояния языков разных групп и семей; объединения в рамках одного номера статей схожей проблематики, авторы которых принадлежат разным научным школам, актуализируют традиционные и реализуют современные направления лингвистики, апробируют новые методы и концепции изучения языков, их функционирования в разных сферах (в том числе в интернет-коммуникации) и в разные периоды развития;

– поддержка исследований междисциплинарного характера в области компьютерной лингвистики, юридической лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, переводоведения, теолингвистики и др.;

– расширение международной аудитории журнала посредством привлечения к сотрудничеству зарубежных авторов, публикации на русском и английском языках научных обзоров современных теоретических и экспериментальных исследований, выполненных российскими и зарубежными учеными;

– повышение интереса зарубежных специалистов к российским исследованиям посредством перевода на английский язык русскоязычных статей, посвященных изучению славянских языков, в частности русского, и межкультурной коммуникации;

– поддержка интернациональных научных коллективов, объединенных сравнительно-сопоставительным изучением языков в рамках конкретных тем.

В качестве критериев отбора статей учитываются: обращение авторов к новым языковым явлениям и новым источникам, знание и использование авторами новейших отечественных и иностранных публикаций по теме исследования, научная объективность и качественный анализ фактов с применением соответствующих современному уровню развития методологии и методов научного исследования, дискуссионность. Поддерживая развитие научного взаимодействия, редакция приветствует статьи, написанные в соавторстве российскими и зарубежными исследователями в рамках международных проектов.

The mission of the *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is to promote the development of linguistics by providing a platform for scientific communication between Russian linguists and the international scholarly community. The journal gives open access to the achievements of national schools of linguistics to a broad readership.

The editorial policy of the Journal is aimed at achieving the objectives set:

– comprehensive presentation of the achievements of modern linguistics through publishing the results of original research in language theory, applied and comparative linguistics, history, and the current state of languages of different groups and families; bringing together in a single issue articles on similar research topics conducted by authors belonging to different schools of thought, publishing manuscripts using traditional and contemporary trends in linguistics, and applying new methods, research designs, and concepts to investigate linguistic phenomena and functions of languages in different discourse domains (including Internet communication) in synchronic and diachronic perspectives;

– supporting interdisciplinary research in the fields of computational linguistics, legal linguistics, sociolinguistics, gender linguistics, translation studies, theolinguistics, etc.;

– expanding the journal's international readership by publishing high-quality manuscripts by foreign authors and reviews of current theoretical and experimental research carried out by Russian and foreign scientists in Russian and English;

– enhancing interest in Russian studies on behalf of foreign professional linguists by translating into English Russian-language articles on the issues of Slavic languages, in particular Russian, and intercultural communication;

– supporting international research projects dedicated to the comparative study of languages within the framework of specific topics.

The criteria for selecting the articles to be published are the following: the authors' appeal to new linguistic phenomena and new sources, the authors' familiarity with latest publications on the research topic carried out by domestic and foreign scholars and application of their results, scientific objectivity and thorough analysis of facts using the methods of scientific research that correspond to the current level of methodology development, and actual discussion potential. The Editorial Board promotes the development of scientific cooperation and welcomes the articles written in co-authorship by Russian and foreign researchers in the framework of international projects.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакция приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

